Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

1109
322

СОСТОЯНІЕ РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ

въ началѣ XVII вѣка.

СОЧИНЕНІЕ

МАРЖЕРЕТА

Капитана Гвардіи

Димитрія Самозванца.

1830.

Margaret, Jacques

СОСТОЯНІЕ
РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ
и
ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА МОСКОВСКАГО,

съ присовокупленіемъ

извѣстій о достопамятныхъ событіяхъ, случившихся въ правленіе четырехъ Государей, съ 1590 года по Сентябрь 1606.

Сочиненіе
Капитана Маржерета.

Переводъ съ Французскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Главнаго Управленія Путей Сообщенія.
1830.

DK111
.M319

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С Петербургъ, 17 Іюня 1830 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ Н. Бутырскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Давно уже Критика оцѣнила достоинство народныхъ памятниковъ Русской Исторіи: немногія изъ Государствъ Европейскихъ имѣютъ столь древнія, достовѣрныя лѣтописи, столь любопытные законы и грамоты, какими славится наше Отечество. Обозрѣвая сіи памятники ума и жизни своихъ предковъ, мы видимъ судьбу Россіи отъ колыбели до ея величія, отъ Рюрика до Петра, въ картинѣ какъ бы непрерывной, нерѣдко ясной и выразительной.

Но самое прилежное изученіе *однихъ* Отечественныхъ источниковъ не объяснитъ вполнѣ Исторіи Государства Россійскаго: читая творенія только *своихъ* Бытописателей, — руководимыхъ впрочемъ истиною и правдолюбіемъ, — мы не можемъ разрѣшить многихъ загадокъ любопытныхъ, съ трудомъ понимаемъ духъ времени, часто видимъ дѣйствія безъ причинъ, слабые оттѣнки гражданскихъ нравовъ, однимъ словомъ, кар-

тину блѣдную, неодушевленную,—и если бы кто вздумалъ, основываясь только на Русскихъ хроникахъ и другихъ остаткахъ древности, описывать достопамятное время отъ Іоанна III до Петра Великаго, когда Россія утвердила свое бытіе могущественное: тотъ не успѣлъ бы ни развить характеровъ, ни разгадать истинныхъ пружинъ важнѣйшихъ событій; отъ него утаились бы рѣзкія черты жизни людей знаменитыхъ, правила ихъ политики, самыя подробности обычаевъ народныхъ, столь драгоцѣнныя для потомства; мы увидѣли бы въ его твореніи Іоанна III, Іоанна Грознаго, Годунова, Лжедимитрія, столь же непонятными существами, какими остались навсегда Романъ Галицкій, Андрей Боголюбскій, или Мстиславы Храбрые: ибо Русскіе Бытописатели XV, XVI и XVII вѣковъ, исключая Курбскаго, Палицына и еще двухъ или трехъ безъименныхъ, не измѣняли обычаю своихъ предшественниковъ,—записывали, что̀ случилось въ такой-то годъ и мѣсяцъ, но говорили только то, что̀ знали по слуху, что

видѣли издали, по большой части изъ келлій монастырскихъ, не могли судить о дѣйствіяхъ Правительства, не проникали въ тайныя побужденія своихъ Героевъ и оставляли вовсе безъ вниманія нравы гражданскіе.

Сіи черты прародительской жизни, сіи рѣзкіе очерки людей знаменитыхъ—благотворителей и злодѣевъ нашего Отечества—сохранились въ извѣстіяхъ Иноземцевъ, которые посѣщали Россію съ половины XV до конца XVII столѣтія. Одни изъ нихъ странствовали въ предѣлахъ Русской Державы для выгодъ торговыхъ, или изъ одного благороднаго любопытства, отчасти же путешествуя въ земли Восточныя (1); другіе пріѣзжали къ Московскому Двору съ важными порученіями отъ своихъ Государей, бесѣдовали съ Русскими первостепенными Сановниками, самыми

(1) Замѣчательнѣйшіе: Контарини 1476, Джеріо 1570, многіе Англичане: Едвардъ, Сперке, Буругъ, коихъ сочиненія изданы Гаклюйтомъ, Боплант въ началѣ XVII вѣка, Олеарій 1634 и 1636, Стрёйсъ 1668—1670, Рейтенфельсъ 1676, Авриль 1685, не упоминая о Польскихъ писателяхъ.

Царями (2); иные, наконецъ, по нѣскольку лѣтъ живали въ Москвѣ, находясь въ Царской службѣ, или исполняя порученія своихъ соотечественниковъ (3).

Сіи иноземные наблюдатели — Нѣмцы, Итальянцы, Англичане, Французы, Голландцы, Датчане, Шведы, Поляки — различные умомъ и свѣденіями, судили о Россіи каждый по своимъ понятіямъ,

---

(2) Герберштейнъ въ 1517 и 1526, Франциск да Колло въ 1518, Ченселеръ въ 1553 и 1555, Дженкинсонъ съ 1557 до 1572 четыре раза, Рандольфъ въ 1568, Гарабурда 1573 и 1584, Кобенцель 1576, Даніилъ Принцъ 1576, Ульфельдъ 1578, Поссевинъ 1581, Баусъ 1585, Горсей 1586, Флетчеръ 1588, Ли 1600, Шиль 1601, Паерле 1606—1608, Петрей 1608, Геппернсъ 1616, Майербергъ 1661, Карлиль 1663, 1665, Лизекъ 1675, Скультетъ и Фанъ Клепкъ 1675, Таннеръ 1678, Кемпферъ 1685, Нёвиль 1689, Корбъ 1698. Всѣ они оставили описанія своихъ путешествій, изданныя на разныхъ языкахъ.

(3) Таубе и Крузе — любимцы Іоанна Грознаго, Беръ — Паспоръ Московскихъ Лютеранъ, Мерихъ, живший въ Россіи 9 лѣтъ по дѣламъ торговли, Маржеретъ — Капитанъ Гвардіи Годунова и Лжедимитрія, Коллинсъ — Докторъ Царя Алексѣя

болѣе или менѣе справедливымъ; но всѣ они смотрѣли на нее, какъ на страну удивительную, съ тѣмъ же любопытствомъ, съ коимъ нынѣ Европейцы путешествуютъ по Китаю, и старались замѣтить малѣйшія подробности, отличавшія Москвитянъ. Творенія ихъ не одинаковаго достоинства: одни писатели, по легкомыслію, невѣжеству, пристрастію, даже по злобѣ, клеветали на нашихъ предковъ (4); но другіе оставили для потомства извѣстія достовѣрныя, въ полномъ смыслѣ драгоцѣнныя для Историка и всякаго образованнаго Россіянина, который тщетно будетъ искать подобныхъ свѣденій въ своихъ лѣтописяхъ и иныхъ письменныхъ памятникахъ. Такъ писали Герберштейнъ, многіе Англичане, пріѣзжавшіе въ Москву съ половины XVI до начала XVII сто-

---

Михайловича, Шлейссингъ, Перри,—служившіе Россійскимъ Государямъ въ концѣ XVII столѣтія.

(4) Меховецкій въ началѣ XVI столѣтія, Стрейсъ въ 1668-70, Графъ Потоцкій, около того же времени.

лѣтія, въ особенности Флетчеръ; Беръ, Маржеретъ, Мерихъ, Петрей, Олеарій, Бопланъ, Майербергъ, Таннеръ, Кемпферъ, Нёвиль, Корбъ и другіе.

Убѣжденный собственнымъ опытомъ, сколь необходимо для насъ короткое знакомство съ сими Иноземцами, какъ трудно достать ихъ творенія въ подлинникѣ, для многихъ притомъ невразумительныя, — молодой любитель Отечественной Исторіи рѣшился издать въ Русскомъ переводѣ сочиненіе Маржерета: Estat de l'Empire de Russie et Grand Duché de Moscovie.

Авторъ сей книги былъ родомъ Французъ, весьма извѣстный въ свое время всей Европѣ рѣдкимъ удальствомъ и воинскими дарованіями. Когда Францію, въ концѣ XVI столѣтія, терзали внутреннія междоусобія, юный Маржеретъ сражался подъ знаменами Генриха IV; но по восшествіи сего Государя на престолъ, наскучивъ мирною жизнію, мечтая только о войнѣ и битвахъ, онъ оставилъ Отечество и вступилъ въ службу сперва къ Владѣтелю Трансильваніи, потомъ къ

Императору Римскому, послѣ того къ Королю Польскому, (5) отъ коего возвратился опять въ Австрійскія владѣнія. Здѣсь онъ познакомился съ Думнымъ Дьякомъ Власьевымъ, Посланникомъ Бориса Годунова. Вѣроятно желая угодить своему Государю, усердно искавшему способныхъ Иноземцевъ, Русскій Посолъ уговорилъ Маржерета перейти въ Царскую службу и привезъ его съ собою въ Москву, въ концѣ 1600 года. Принятый ласково Борисомъ, награжденный отчинами и помѣстьями, Маржеретъ начальствовалъ при семъ Государѣ Иноземною ротою и служилъ ему съ честію и ревностію (6). Когда Лжедимитрій вступилъ въ Россію и взволновалъ страну Сѣверскую, Годуновъ отправилъ противъ него Боярина Мстиславскаго, при которомъ находился и Маржеретъ съ своею дружиною: Царскій Воевода встрѣтилъ Самозванца при деревнѣ Добрыничахъ (21 Января 1605 года)

(5) Посвященіе Автора.

(6) Собр. Госуд. Грам. ч. II, стр. 605 и посвященіе Автора.

и сразился съ нимъ. Отчаянная храбрость Поляковъ разстроила главную рать нашу, которая съ ужасомъ обратилась въ бѣгство предъ тѣнію Царевича Димитрія. Въ сію рѣшительную минуту, по извѣстію Бера, Капитаны Маржеретъ и Вальтеръ Фонъ-Розенъ, съ крикомъ Hilf Gott *(помоги Богъ)*, устремились на Самозванца и вырвали изъ рукъ его побѣду. Ободренные Россіяне также воскликнули Hilf Gott, снова сразились и разсѣяли Поляковъ (7). Самъ Маржеретъ приписываетъ славу побѣды неустрашимости Русскаго пѣхотнаго отряда, говоря, что и дружина иноземная обратила тылъ, вмѣстѣ съ прочими Россіянами (8). По крайней мѣрѣ, Борисъ, награждая Воеводъ, изъявилъ какъ ему, такъ и Розену особенную благодарность (9).

По смерти Годунова, Лжедимитрій, овладѣвъ Русскимъ Царствомъ, составилъ для себя охранительную стражу

(7) Берова Лѣтопись Московская съ 1584 года по 1612, стр. 116.

(8) Маржеретъ, стр. 80.

(9) Беръ, стр. 122.

изъ разныхъ иноплеменниковъ, наиболѣе Нѣмцевъ, и раздѣливъ ее на три особенныя дружины, поручилъ первую роту *Капитану* Маржерету, вторую Ливонцу Кнутсену, третію Шотландцу Вандеману. Вооруженные бердышами съ золотымъ Царскимъ гербомъ на древкахъ, обтянутыхъ краснымъ бархатомъ и увитыхъ серебряною проволокою, съ золотыми и серебряными кистями, тѣлохранители первой роты получали столь хорошіе оклады, что могли носить дорогія бархатныя одежды, обшитыя золотымъ позументомъ (10). Они всюду провождали Самозванца; Бояре же и Царедворцы слѣдовали за ними издали (11). Вѣнчанный бродяга изъявлялъ Маржерету особенную милость, часто бесѣдовалъ съ нимъ о Генрихѣ IV и такъ плѣнился славою сего великаго Вѣнценосца, что нетерпѣливо желалъ съ нимъ познакомиться (12)..... Ударъ Шуйскаго разсѣялъ его мечты.

(10) Беръ, стр. 157.

(11) Авраамій Палицынъ, 23.

(12) Маржеретъ, 98.

По низверженіи Отрепьева, Маржеретъ оставался недолго при Дворѣ Московскомъ: новый Царь дозволилъ ему въ концѣ 1606 года удалиться во Францію, для свиданія съ родными, и отпустилъ его съ богатыми дарами (13).

Молва о странной участи Лжедимитрія возбудила всеобщее вниманіе въ Европѣ: безсмертный Историкъ Де-Ту распрашивалъ Маржерета о Россіи и вѣрилъ ему безусловно, какъ очевидцу (14). Самъ Генрихъ IV съ любопытствомъ слушалъ его разсказы и хотѣлъ, чтобы онъ описалъ наше Отечество (15). Исполняя Королевскую волю, Маржеретъ издалъ въ 1607 году весьма рѣдкую нынѣ книгу: Estat de l'Empire de Russie, et Grande Duché de Moscovie. Avec ce, qui s'y est passé de plus memorable et Tragique, pendant le regne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590. jusques en

---

(13) Соб. Госуд. Грам. II, 605.

(14) De Thou, V.

(15) Посвященіе Автора.

l'an 1606. en Septembre. Par le Capitaine Margeret (16).

Но спокойная жизнь была несносна неутомимому Капитану: услышавъ о появленіи втораго Лжедимитрія, онъ снова прибылъ въ Россію и присталъ къ *Вору Тушинскому*. Зная безъ сомнѣнія, что сей негодяй былъ обманщикъ, Маржеретъ не устыдился воевать подъ его знаменемъ и безъ пощады поражалъ Россіянъ, вѣрныхъ своему Отечеству (17); вскорѣ однако оставилъ втораго Самозванца, уже обреченнаго на гибель, и присоединился къ отряду Польскихъ войскъ, шедшихъ на Москву подъ начальствомъ Гетмана Жолкѣвскаго. Россіяне, пораженные симъ искуснымъ Полководцемъ при селеніи Клушинѣ, согласились

(16) Она перепечатана въ 1669 году, по желанію двоюроднаго Автору внука — Sieur Margeret. Grand Audiencier de France, безъ малѣйшей перемѣны, даже со всѣми ошибками въ правописаніи, которыя нерѣдко затемняютъ самый смыслъ сочиненія. Есть подобное изданіе 1821 года.

(17) Собр. Госуд. Грам. II. 605.

признанъ Царемъ Владислава, сына Сигизмундова, и дозволили врагамъ овладѣть столицею. Но Сигизмундъ не подтвердилъ договора, заключеннаго Жолкѣвскимъ съ нашими Боярами. Думая склонить ослѣпленнаго Короля, Гешманъ оставилъ Москву, поручивъ ее Госѣвскому съ семитысячнымъ отрядомъ Ляховъ: въ числѣ ихъ находился и Маржеретъ, въ званіи Поручика Нѣмецкой роты (18).

Болѣе полугода Москвитяне ожидали съ нетерпѣніемъ прибытія *Королевича:* наконецъ, увидѣвъ обманъ, раздраженные своеволіемъ Ляховъ, 19 Марта 1611 года они возстали на злодѣевъ по гласу Патріарха Ермогена. Вся Москва внезапно вооружилась—и ужасная сѣча закипѣла. Малочисленный отрядъ Госѣвскаго, истребляемый Княземъ Пожарскимъ и озлобленными жителями столицы, утратилъ всю надежду на спасеніе, заключился въ Китаѣ-городѣ и уже обрекъ себя на гибель неминуемую, ко-

(18) Беръ, стр. 475. Собр. Госуд. Грам. II, 605.

гда приспѣлъ къ нему на помощь Маржеретъ и отразилъ торжествующихъ Россіянъ. Ободренные его неустрашимостію, Поляки были непобѣдимы и сражались, какъ львы, до глубокой ночи; между тѣмъ Москва со всѣхъ сторонъ запылала: жители разсѣялись, чтобы тушить огонь, а Князь Пожарскій, покрытый язвами, уже не могъ начать битвы на другой день и—отступилъ (19). Госѣвскій, подкрѣпленный Полковникомъ Струсомъ, утвердился въ Москвѣ, разграбилъ Царское сокровище и долѣе года злодѣйствовалъ съ своими воинами. Маржеретъ болѣе самыхъ Поляковъ жаждалъ крови Россіянъ. Наконецъ, увидѣвъ, что Госѣвскій не устоитъ пропивъ цѣлой Россіи, онъ удалился въ Сентябрѣ 1611 года, вмѣстѣ съ Бояриномъ Салтыковымъ—предателемъ Отечества,—къ Сигизмунду, который, принявъ его съ радостію и наградивъ щедро, далъ ему мѣсто въ своей *Радѣ* (20).

---

(19) Карам. XII, 287—295. Берх, стр. 476—486.
20) Собр. Госуд. Грам. II, 606.

Но вскорѣ, по неизвѣстнымъ причинамъ, Маржеретъ явился въ Гамбургѣ, откуда въ Маѣ 1612 года просилъ дозволенія у нашихъ Бояръ пріѣхать въ Архангельскъ, изъявляя готовность оборонять Россію отъ *Поляковъ и Литовцевъ*. Подозрѣвая, что его подослалъ коварный Сигизмундъ съ злымъ намѣреніемъ, Русское Правительство спѣшило снабдить сей городъ стражею и оставило безъ отвѣта Маржеретову просьбу. Чрезъ нѣсколько времени, онъ снова предложилъ Россіи свои услуги, вмѣстѣ съ иностранцами Фрейгеромъ, Эстономъ, Гилемъ и другими. На просьбу сихъ послѣднихъ отвѣчалъ, въ Августѣ 1612 года, Пожарскій отъ имени Земской Думы, слѣдующимъ образомъ: »Благодаримъ васъ, Господа Капитаны, »за ревность и усердіе къ нашему Отче»ству; съ признательностію пріимемъ »ваши услуги, если враги станутъ одо»лѣвать насъ; нынѣ же наемные рат»ники и Воеводы намъ не надобны: всѣ »Чины Русскаго Государства, *за разумъ, »правду, дородство и храбрость, избра-*

»ли къ ратнымъ и земскимъ дѣламъ
»*Стольника и Воеводу, Князя Дмитрія*
»*Михайловича Пожарскаго Стародубска-*
»*го;* всѣ Россіяне жертвуютъ и жизнію,
»и имуществомъ за Православную Вѣру:
»мы служимъ Отечеству безъ жалованья,
»сражаемся съ врагами неупомимо, бьемъ
»Поляковъ и очищаемъ отъ нихъ Мо-
»сковское Государство. Дивимся толь-
»ко тому, что вы приняли себѣ по-
»варищемъ *Француженина* Якова Марже-
»рета, который недавно проливалъ Хри-
»стіанскую кровь злѣе самыхъ Липов-
»цевъ, а теперь вздумалъ помогать намъ
»прошивъ своихъ друзей, Поляковъ.
»Зачѣмъ явился въ вашей землѣ сей
»клеврета Сигизмунда? Намъ казалось,
»что ему, за его неправду, нигдѣ мѣста
»не будетъ, кромѣ Польши (21)."

Что дѣлалъ Маржеретъ въ послѣдствіи, въ какой битвѣ положилъ свою буйную голову, мы не знаемъ.

Рожденный для войны, для самаго бурнаго поприща, храбрый Капитанъ

(21) Собр. Госуд. Грам. II, 606.

не имѣлъ, кажется, ни охоты, ни времени бесѣдовать съ Музами; онъ издалъ одно только сочиненіе, за которое мы должны благодарить Генриха IV: если бы сей дальновидный Монархъ не пожелалъ узнать нашего Отечества, Маржеретъ, вѣроятно, не рѣшился бы оставить меча и приняться за перо; тѣмъ не менѣе, изданная имъ книга, не взирая на множество недостатковъ въ слогѣ, на странный безпорядокъ въ повѣствованіи, заслуживаетъ особеннаго вниманія Историка: Сочинитель оной жилъ въ Россіи болѣе 6 лѣтъ, въ самое замѣчательное время, видѣлъ событія достопамятныя, зналъ хорошо обычаи нашихъ предковъ, отчасти самый языкъ, умѣлъ судить о вещахъ—и если иногда разсказываетъ небылицы, то по крайней мѣрѣ безъ умысла.

Русскій Переводчикъ Маржеретова сочиненія считаетъ излишнимъ говорить, что онъ старался передать каждую мысль, каждое извѣстіе Автора

безъ всякой перемѣны, не смягчая ни рѣзкихъ выраженій, ни очевидныхъ ошибокъ его,—впрочемъ немногочисленныхъ (22). Къ сему онъ должен присовокупить, что Маржеретъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ Писателей, которымъ можно вѣрить безусловно: иногда неумышленное невѣденіе, иногда предразсудки, нерѣдко и самыя страсти заставляли его быть несправедливымъ къ нашимъ предкамъ. Просвѣщенный читатель замѣтитъ, что Авторъ видѣлъ въ нашемъ Отечествѣ столько худое, что онъ съ какимъ-то удовольствіемъ описывалъ мрачную сторону Россіянъ,

(22) Указавъ на важнѣйшія изъ сихъ ошибокъ въ концѣ книги, Издатель помѣстилъ въ примѣчаніяхъ—иногда въ поясненіе, иногда въ оправданіе Маржерета—нѣсколько выписокъ изъ разныхъ Авторовъ XVII столѣтія, преимущественно изъ драгоцѣнной, доселѣ неизданной, рукописи: *Лѣтописи Московской Мартина Бера* (жившаго въ Москвѣ болѣе 12 лѣтъ), надѣясь, что любопытные съ удовольствіемъ прочтутъ многія достовѣрныя извѣстія о Димитріи Самозванцѣ, начертанныя искуснымъ перомъ Современника умнаго и безпристрастнаго.

оставляя безъ вниманія многія добродѣтели, коимъ удивлялся не только Гербершпейнъ, но и самъ Корбъ. Благочестіе, безпредѣльная любовь къ Царю, гостепріимство, нѣжная привязанность къ родителямъ, уваженіе къ старцамъ — и всѣ прекрасныя качества, коими наши праотцы могли справедливо гордиться, не сдѣлали никакого впечатлѣнія въ Маржеретѣ, можетъ быть потому, что онъ привыкъ судить о вещахъ по тѣмъ ложнымъ правиламъ, которыя были слѣдствіемъ его страннической жизни. Руководствуясь сими правилами, онъ находилъ смѣшное тамъ, гдѣ мы видимъ глубокое, истинное чувство; на обряды же нашей Церкви онъ смотрѣлъ безъ участія потому, что былъ Католикъ, а въ XVII вѣкѣ фанатизмъ ослѣплялъ и самыхъ благоразумныхъ людей. — Погрѣшности другаго рода, въ особенности Историческія, болѣе извинительны: ибо иностранецъ, незнакомый съ нашими лѣтописями, долженствовалъ ошибаться по необходимости, неумышленно: Переводчикъ указалъ на сіи промахи въ

Примѣчаніяхъ. — Еще менѣе мы имѣемъ права упрекать Маржерета въ ложномъ мнѣніи о Самозванцѣ, котораго онъ признаетъ сыномъ Іоанна Грознаго: поступки Россіянъ служатъ ему лучшимъ оправданіемъ. Тогда удивительное ослѣпленіе омрачало умы самые просвѣщенные: едва появлялась тѣнь мнимаго Димитрія, Россіяне, пылая усердіемъ къ знаменитому поколѣнію Рюрикову, стекались толпами подъ знамена обманщика и умирали за него съ радостію, какъ за истиннаго Царевича, невинно гонимаго. Могъ ли иностранецъ, при такомъ направленіи умовъ, среди сомнѣній, еще неозаренныхъ факеломъ Исторической Критики, объяснить истину и открыть обманъ, когда самыя ласки Самозванца его ослѣпляли? И потому весьма вѣроятно, что Маржеретъ въ самомъ дѣлѣ признавалъ Лжедимитрія, отъ чистаго сердца, сыномъ Іоанна IV: съ слѣдствіе сей мысли, онъ желалъ убѣдить и современниковъ. Нынѣ, благодаря изслѣдованіямъ Карамзина и другихъ мужей ученыхъ, мы читаемъ доказательства Мар-

жерепа съ любопытствомъ, но имъ не вѣримъ: ибо всѣ они основаны на ложномъ предположеніи, будто бы Димитрій спасенъ матерью и вѣрными друзьями въ то время, когда несчастный Царевичь былъ посланъ въ Угличь. Это предположеніе, неподкрѣпленное никакими свидѣтельствами, противорѣчитъ даже баснѣ Лжедимитрія о мнимомъ его спасеніи. Другія доказательства Маржерета, основанныя на словахъ разныхъ лицъ, столь же неубѣдительны, особенно въ наше время, когда бывшія доселѣ сомнѣнія разрѣшены столь искусно и краснорѣчиво незабвеннымъ Авторомъ Исторіи Государства Россійскаго.

Н. У.

Посвященіе Автора

Генриху IV, Королю Французскому.

Государь!

Еслибъ подданные Вашего Величества, посьщая отдаленныя земли, описывали вѣрно достопамятности, или замѣчаемыя: то, получивъ выгоду сами, они могли бы доставить пользу и Вашему Государству: объяснивъ, чего должно искать, что можно заимствовать у чуждыхъ народовъ, — (ибо для успѣховъ общежитія все въ мірѣ семъ такъ устроено, что мы находимъ у другихъ, чего сами не имѣемъ),–ихъ извѣстія внушили бы охоту многимъ юношамъ праздныхъ и лѣнивыхъ–искать добродѣтели трудною, но благороднаго стезею путешествій, или среди воинствъ иноплеменныхъ; тогда разсѣялось бы заблужденіе многихъ людей, которые думаютъ, что міръ Христіанскій ограничивается Венгріею: я могу увѣрить, что Россія, описанная мною, по приказанію Вашего Величества,

въ семъ сочиненіи, служитъ твердымъ оплотомъ для Христіанства, что она гораздо обширнѣе, сильнѣе, многолюднѣе, изобильнѣе, нежели какъ обыкновенно думаютъ, и что сіе Государство лучше укрѣплено и ограждено отъ Скиѳовъ и другихъ народовъ Магометанскихъ, чѣмъ многіе воображаютъ: властвуя неограниченно, Царь заставляетъ подданныхъ повиноваться своей волѣ безпрекословно; порядкомъ же и устройствомъ внутреннимъ ограждаетъ свои земли отъ безпрерывнаго нападенія варваровъ.

Государь! когда побѣдами и счастіемъ Вы даровали Франціи то спокойствіе, которымъ она теперь наслаждается, я увидѣлъ, что моя ревность къ службѣ не принесетъ пользы ни Вашему Величеству, ни моему Отечеству,—ревность, доказанная мною во времена междоусобій, подъ начальствомъ Г. де Вогренана, при С. Жанъ-де-Лонѣ и въ другихъ мѣстахъ Герцогства Бургундскаго; посему я рѣшился предложить свои услуги сперва Владѣтелю Трансильваніи, потомъ Государю Венгерскому, послѣ того

Королю Польскому: я служилъ имъ въ званіи Капитана пѣхотной роты; наконецъ, Судьба привела меня къ Русскому Царю Борису, удостоившему поручить мнѣ кавалерійскій отрядъ; по смерти же его, когда Димитрій вступилъ на Царскій тронъ, я продолжалъ служить и сему Государю, начальствуя надъ первою ротою его тѣлохранителей. Въ теченіе сего времени, научившись Русскому языку, я имѣлъ случай собрать весьма много свѣдѣній о правленіи, законахъ, нравахъ и Религіи Россіянъ: все это описываю въ семъ небольшомъ сочиненіи съ такою простотою и откровенностію, что не только Вы, Государь! при удивительно здравомъ и проницательномъ умѣ, но и всякъ увидитъ въ немъ одну истину, которая, по словамъ Древнихъ, есть душа и жизнь Исторіи.

Вниманіе Вашего Величества къ моимъ изустнымъ донесеніямъ подаетъ мнѣ надежду, что сія книга принесетъ Вамъ нѣкоторое удовольствіе: вотъ единственное мое желаніе! Въ ней Вы найдете извѣстія о событіяхъ весьма замѣ-

чательныхъ, отчасти поучительныхъ для великихъ Монарховъ; самая участь несчастнаго Государя моего Димитрія можетъ служить для нихъ урокомъ: разрушивъ неодолимыя преграды къ своему престолу, онъ возвысился и низпалъ скорѣе, нежели въ два года; но сего недовольно: его называютъ еще обманщикомъ. Ваше Величество узнаете, равнымъ образомъ, многія подробности о Россіи, достойныя вниманія и совершенно доселѣ неизвѣстныя, какъ по отдаленности сей Державы, такъ и по искусству Россіянъ скрывать и умалчивать дѣла своего Отечества.

Молю Бога даровать Вашему Величеству благоденствіе, Вашей Державѣ миръ, Преемнику желаніе подражать Вашимъ добродѣтелямъ, мнѣ же неизмѣнную, всегда постоянную ревность дѣлами своими оправдать имя,

Государь!

Всепокорнѣйшаго подданнаго, вѣрнѣйшаго и преданнѣйшаго слуги Вашего Величества.

Маржеретъ.

СОСТОЯНІЕ
РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ
И
ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА МОСКОВСКАГО
ВЪ 1606 ГОДУ.

Россія есть страна весьма обширная (1), покрытая въ самыхъ многолюдныхъ областяхъ дремучими лѣсами, на предѣлахъ же Литовскихъ и Ливонскихъ, пространными болотами, ограждающими ее отъ непріятелей (2). Она довольно заселена отъ Нарвы, крѣпости и пристани на границахъ Ливонскихъ, принадлежащей Королевству Шведскому, до Архангельска или Св. Николая (3), другаго приморскаго города, въ разстоянiи отъ Нарвы на 2800 верстъ, или на семьсотъ льё, — и отъ Смоленска (города близь предѣловъ Литовскихъ, обнесеннаго каменною стѣною при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, Борисомъ Ѳеодоровичемъ, тогдашнимъ Правителемъ Государства), до Казани,

на 1300 верстъ (4). Въ странѣ Казанской прежде находилось независимое Царство, основанное Татарами и покоренное Великими Князьями Василіемъ Іоанновичемъ и сыномъ его Іоанномъ Васильевичемъ. Владѣтель Казанскій взятъ былъ въ плѣнъ въ самомъ городѣ Іоанномъ Васильевичемъ; онъ живъ и теперь; зовутъ его Царь Симеонъ (5). Казань построена близъ Волги, рѣки знаменитой, въ которую впадаетъ Ока. Подлѣ сего города обитаютъ Черемисы. За Казанью, по теченію Волги, вливающейся при Астрахани въ Каспійское море, простираются обширныя необитаемыя степи; только немногія крѣпости построены по берегамъ Волги. Отъ Казани до Астрахани около 2000 верстъ. Астрахань, укрѣпленный городъ, производитъ самую дѣятельную торговлю изъ всѣхъ городовъ Россійскихъ и снабжаетъ почти все Государство солью и соленою рыбою. Думаютъ, что земля тамъ весьма плодородна: ибо на степяхъ между Казанью и Астраханью растетъ много малыхъ плодоносныхъ вишенъ и даже нѣсколько лозъ дикаго винограда. Астрахань изобилуетъ хорошими плодами; окрестъ ея находится животно-растеніе, о коемъ упоминали разные писатели, разсказывая, что тамъ изъ земли растутъ ба-

раны, которые, соединяясь съ корнемъ какъ бы кишкою, идущею отъ пупка сажени на 2 или 3, съѣдаютъ вокругъ себя траву и потомъ умираютъ. Сіи бараны величиною съ ягненка; имѣютъ шерсть курчавую. Я видалъ ихъ шкуры иногда совершенно бѣлыя, а иногда съ немногими пятнами (6). — Въ царствованіе Іоанна Васильевича, завоевавшаго землю Астраханскую, Англичане завели здѣсь торговлю съ Персіею. За Волгою обитаютъ Татары, которые называютъ себя Ногаями. Іоаннъ покорилъ еще землю, именуемую Россіянами Царствомъ Сибирскимъ. Сія страна, покрытая лѣсами, дубравами и болотами, мало извѣстна; думаютъ, что она съ одной стороны прилегаетъ къ рѣкѣ Оби. Изъ Сибири получается вся почти мягкая рухлядь, какъ то: черныя лисицы, весьма дорогія и на мѣстѣ; соболи и куницы, приносящіе великій доходъ Государямъ Россійскимъ (7). Теперь начинаютъ обработывать сію землю довольно обильную, особенно хлѣбомъ. Тамъ Россіяне построили четыре города (8) и учредили въ нихъ гарнизоны, которые держатъ въ повиновеніи народъ, весьма простой, малорослый, видомъ похожій на Татаръ Ногайскихъ; ибо Сибиряки имѣютъ лице пло-

ское и широкое, носъ сплюснутый, малые глаза; цвѣтомъ весьма смуглы; опрящиваютъ волосы, не многіе съ бородою, одѣваются соболями шерстью наружу. Лѣтъ за придцать они не знали хлѣба. Въ Сибирь обыкновенно ссылаютъ тѣхъ, которые въ немилости у Государя.

Для отраженія Татаръ, именуемыхъ Крымскими, союзниковъ Турецкаго Султана, коему они часто помогали опустошать Венгрію, особенно въ 95 году, когда была великая битва Агрійская (9), — Россіяне построили на границѣ съ 1593 года по сіе время многіе города и крѣпости; впрочемъ съ сей стороны Россія обитаема только до Ливенъ, отстоящихъ отъ Москвы на 700 верстъ. За Ливнами находятся разные города, какъ то: Борисовъ, Бѣлгородъ, Царевъ-городъ и другіе (10). Царевъ-городъ удаленъ отъ Ливенъ почти на 1000 верстъ. Они болѣе и болѣе населяются; земля весьма плодоносна, но жители осмѣливаются воздѣлывать ее только въ окрестностяхъ городовъ. Думаютъ, что отъ Царева-города до Великаго Хана не болѣе 8 дней пути. Тамъ въ прежнее время обыкновенно собирались Татары, когда они задумывали итти на добычу въ сосѣдственныя земли. Въ заключеніе —

Россія весьма обширна, имѣя предѣлами Литву, Подолію, Турцію, Татарію, рѣку Обь, Каспійское море, Ливонію, Швецію, Норвегію, Новую землю и Ледовитое море.

Въ Сѣверныхъ и Западныхъ областяхъ Русской Державы, наиболѣе обитаемыхъ, стужа бываетъ жестокая; степи же Татарскія, окрестности Волги, Казани, Астрахани и рѣки Оби имѣютъ климатъ благорастворенный. Въ холодной полосѣ зима стоитъ 6 мѣсяцевъ такъ, что снѣгъ бываетъ по поясъ и цѣлыя рѣки можно переѣзжать по льду; не смотря на сіе, почва весьма плодоносна, изобилуя всякимъ хлѣбомъ, извѣстнымъ у насъ, во Франціи: рожь сѣютъ въ началѣ или въ половинѣ Августа, пшеницу и овесъ, по мѣрѣ продолжительности зимы, въ Апрѣлѣ или Маѣ, ячмень въ концѣ Мая; есть плоды, именуемые дынями, весьма огромные, — лучшіе изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ другихъ земляхъ (11); много огурцовъ, яблоковъ, вишенъ; сливъ и грушъ мало; множество орѣховъ, земляники и подобныхъ плодовъ. Лѣтомъ дождь идетъ изрѣдка, зимою же никогда не случается; въ Колмогорахъ, Архангельскѣ и Св. Николаѣ, также и въ другихъ мѣстахъ на Сѣверѣ, лѣтомъ въ продолженіе мѣсяца, или 6 недѣль, солнце

видимо днемъ и ночью: въ полночь оно отстоитъ отъ земли сажени на двѣ или на три; зимою же цѣлый мѣсяцъ дня вовсе не бываетъ, потому что солнце не показывается.— Далѣе вы найдете всякаго рода дичь и животныхъ, какъ и во Франціи, исключая кабановъ; ланей и дикихъ козъ довольно въ Восточныхъ и Южныхъ областяхъ, въ степяхъ Татарскихъ между Астраханью и Казанью; лосей множество во всей Россіи (12); кролики весьма рѣдки; фазановъ, куропатокъ, дроздовъ сѣрыхъ и черныхъ, перепелокъ, жаворонковъ — весьма много, кромѣ безчисленнаго количества другой дичи, исключая бекасовъ, коихъ мало видно. Въ Августѣ и Сентябрѣ бываетъ весьма много журавлей, лебедей, гусей и дикихъ утокъ; изъ аистовъ я видѣлъ только одного совершенно чернаго. Плотоядныя животныя суть: медвѣди бѣлые и черные, — ихъ очень много; лисицы, коихъ пять родовъ, и волки, звѣри обыкновенные по обширности лѣсовъ, весьма вредные для домашняго скота (13). Кромѣ сего въ нѣкоторыхъ Сѣверныхъ областяхъ встрѣчается особенный родъ оленей, менѣе обыкновенныхъ, съ красивыми, вѣтвистыми рогами; шерсть у нихъ сѣрая, близкая къ бѣлой, а копыта раздвоены болѣе, нежели

у обыкновенныхъ оленей. Они доставляютъ пищу, платье и служатъ вмѣсто коней для жителей. Запряженный въ сани, для сего нарочно устроенныя, олень бѣжитъ скорѣе всякой лошади; питается тѣмъ, что находитъ подъ снѣгомъ, большую часть года. — Зимою зайцы бываютъ бѣлые, а лѣтомъ такаго же цвѣта, какъ и во Франціи. Сверхъ того попадаются лѣтомъ и зимою соколы, ястребы и другія хищныя птицы. — Во всей Европѣ нѣтъ лучшей, столь различной и въ такомъ количествѣ рѣчной рыбы, какъ въ Россіи, а именно: стерляди, бѣлуга, осетры, бѣлая рыбица (которая поболѣе семги) и другіе роды, какъ и во Франціи, исключая форелей. Всякая рыба вообще дешева, подобно прочимъ жизненнымъ припасамъ. — Не взирая на великій голодъ, (о коемъ будемъ говорить послѣ), истребившій почти во всемъ Государствѣ домашнихъ животныхъ, я купилъ, во время моего отъѣзда на дорогѣ, ягненка величиною съ нашего барана, или около того, за 10 копѣекъ, что составитъ 13 су, 4 денарія, и курицу за 7 денаріевъ, (каплуновъ держатъ только иностранцы). Такая дешевизна происходитъ отъ того, что каждая овца приноситъ обыкновенно двухъ и трехъ ягнятъ, и отъ каждаго

изъ нихъ въ слѣдующемъ году родится столько же. Рогатый скотъ также размножается чрезвычайно: ибо Россіяне вообще не ѣдятъ телятины, считая ее грѣшнымъ, заповѣднымъ кушаньемъ (14); кромѣ того ежегодно постятся 15 недѣль, сверхъ среды и пятницы, что составитъ около полугода. Отъ сего мясо весьма дешево; хлѣбъ также не дорогъ: собираютъ его много, а за границу не вывозятъ; почва же такъ щучна и такъ плодородна, что ее удабриваютъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Мальчикъ отъ 12 до 15 лѣтъ съ небольшою лошадью обработываетъ десятину или двѣ ежедневно.

Не взирая на изобиліе и дешевизну съѣстныхъ припасовъ, простой народъ довольствуется весьма немногимъ: иначе онъ не могъ бы удовлетворить издержкамъ, ибо не знаетъ никакой промышленности, весьма лѣнивъ, работы не любитъ и такъ преданъ пьянству, какъ не льзя болѣе. Россіяне, желая повеселиться, обыкновенно пьютъ вино и медъ, приготовляемый изъ сотовъ, которые достаются безъ труда и въ великомъ изобиліи; о чемъ можно судить по множеству воска, отправляемаго ежегодно за границу (15). У нихъ есть также пиво и другіе малоцѣнные напитки.

Всѣ, безъ различія, мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки, заражены порокомъ пьянства, самаго неумѣреннаго. Духовенство не уступаетъ мірянамъ, если еще не превосходитъ ихъ. Когда только есть хмѣльное, приготовляемое нешаче, какъ для извѣстныхъ праздниковъ, Россіяне пируютъ день и ночь, пока всего не осушатъ. Я разумѣю просной народъ, ибо Дворяне имѣютъ право дѣлать напитки, какіе имъ угодно, и пить, когда ни пожелаютъ (16).

Великіе Князья ведутъ свой родъ, по извѣстію Русскихъ лѣтописей, отъ трехъ братьевъ, которые переселились изъ Даніи и овладѣли Россіею, Литвою и Подоліею лѣтъ за 800 до нашего времени. Старшій изъ братьевъ Рюрикъ назвалъ себя Великимъ Княземъ Владимірскимъ (17). Отъ него произошли всѣ Россійскіе владѣтели въ прямомъ колѣнѣ, именовавшіеся Великими Князьями до Іоанна Васильевича, который первый получилъ титулъ Императора отъ Максиміліана, Императора Римскаго, послѣ завоеванія Казани, Астрахани и Сибири (18).

Въ разсужденіи титула, Россіяне думаютъ, что слово Царь, употребляемое Россійскими Государями, важнѣе всѣхъ титу-

ловъ на свѣтѣ. Императора Римскаго они именуютъ Цесаремъ, производя это имя отъ Цезаря; прочихъ же Государей Королями, подражая Полякамъ; Владѣтеля Персидскаго называютъ Кизель Баша, а Турецкаго-Великій Господарь Турской, т. е. Великій Султанъ (19). Слово Царь, по ихъ мнѣнію, находится въ Св. Писаніи, гдѣ Давидъ, Соломонъ и другіе Государи названы: Царь Давидъ, Царь Соломонъ. По сему они говорятъ, что имя Царя, коимъ Богу угодно было нѣкогда почтить Давида, Соломона и другихъ властителей Іудейскихъ и Израильскихъ гораздо болѣе прилично Государю, нежели слово Цесарь и Король, изобрѣтенное человѣкомъ и присвоенное, по ихъ мнѣнію, какимъ нибудь завоевателемъ. Когда Ѳеодоръ Іоанновичь, Царь Россійскій, снялъ осаду Нарвы и когда съѣхались полномочные съ обѣихъ сторонъ для заключенія мира между Россіею и Швеціею, посланники болѣе двухъ дней спорили о титулѣ Императорскомъ: Ѳеодоръ хотѣлъ его принять, Шведы же не соглашались уступить. Россіяне объявили наконецъ, что слово Царь еще важнѣе имени Императора, и потому рѣшено было — всегда называть Ѳеодора Царемъ и Великимъ Княземъ Московскимъ: и тѣ, и дру-

гіс, объясняя слово Царь по своему, считали себя въ выигрышѣ. Король Польскій пишетъ также точно; Императоръ слѣдуетъ примѣру покойной Елисаветы [20], а ему подражаютъ Король Великобританскій, Король Датскій и Великій Герцогъ Тосканскій. Шахъ Персидскій и всѣ Владѣтели Азіатскіе величаютъ Царя такъ, какъ ему угодно. Какъ же называетъ его Султанъ Турецкій, я не знаю потому, что при мнѣ между ними не было сношеній.

Іоаннъ Васильевичь женатъ былъ семь разъ [21], вопреки Русской религіи, которая позволяетъ вступать въ бракъ только три раза; онъ имѣлъ трехъ сыновей [22]. Носится молва, что сей Царь собственною рукою умертвилъ старшаго сына. Но это несправедливо: хотя Іоаннъ билъ его концемъ палки, окованной четырегранным желѣзнымъ остріемъ въ видѣ жезла, — каковую палку никто не можетъ носить, кромѣ Государя, ибо прежніе Великіе Князья получали ее въ знакъ покорности отъ Татарскаго Владѣтеля Діопкрима [23], — и хотя Царевичь былъ раненъ; однакоже онъ умеръ не отъ удара, а уже послѣ, во время путешествія на богомолье [24]. Вторый сынъ, Ѳеодоръ Іоанновичь,

вступилъ на престолъ по смерти отца; третій былъ отъ послѣдней жены, изъ рода Нагихъ, именемъ Димитрій. Іоаннъ Васильевичь, прозванный Мучителемъ (25), сомнѣваясь въ преданности своихъ подданныхъ, испытывалъ ихъ разными средствами; главнымъ же было возведеніе на престолъ Царя Симеона, о комъ говорено выше. Іоаннъ короновалъ его и предоставилъ ему весь Царскій инвентарь; самъ же, построивъ дворецъ противъ Кремля, повелѣлъ называть себя Великимъ Княземъ Московскимъ. Симеонъ царствовалъ цѣлые два года, управляя какъ внутренними, такъ и внѣшними дѣлами. Разумѣется, что онъ спрашивалъ у Іоанна совѣта, или справедливѣе, получалъ повелѣнія. Въ концѣ втораго года Іоаннъ низложилъ его съ престола и далъ ему великія богатства (26). По смерти старшаго сына, Царь женилъ втораго, т. е. Ѳеодора, на сестрѣ Бориса Ѳеодоровича (27), который происходилъ изъ хорошаго дома, имѣлъ званіе Дворянина Московскаго и мало по малу вкрался въ милость Іоанна.

По кончинѣ сего Царя, умершаго въ Мартѣ мѣсяцѣ 1584 года, вступилъ на престолъ Ѳеодоръ, Государь слабоумный; нерѣдко о самъ трезвонилъ на колокольнѣ и больш

часть времени проводилъ въ церкви. Борисъ Ѳеодоровичь, тогда любимый народомъ и весьма жалуемый Государемъ, вмѣшался въ правленіе. Обладая умомъ хитрымъ и смѣшливымъ, онъ удовлетворялъ всякаго, такъ что, когда разнеслась молва о намѣреніи Россіянъ низложить слабоумнаго Ѳеодора съ престола, его избрали Правителемъ Государства ([28]). Съ тѣхъ поръ, какъ думаютъ, онъ началъ искать короны, видя, что Ѳеодоръ не имѣлъ дѣтей, кромѣ дочери, умершей на 3 году возраста; для сего старался привлечь къ себѣ народъ благодѣяніями, укрѣпилъ Смоленскъ, обнесъ столицу каменною стѣною, вмѣсто прежней деревянной, построилъ нѣкоторыя крѣпости между Казанью и Астраханью и на предѣлахъ Татарскихъ ([29]). Такъ пріобрѣвъ доброе расположеніе народа и самаго дворянства, исключая дальновидныхъ Бояръ, онъ удалилъ въ ссылку своихъ недруговъ, подъ разными предлогами; отецъ самую Царицу, вдову умершаго Іоанна Васильевича, отправилъ съ сыномъ ея, Димитріемъ Іоанновичемъ, въ Угличь, городъ отстоящій отъ Москвы на 180 верстъ ([30]). Думаютъ, что Царица и нѣкоторые Бояре, предугадывая, къ чему стремится Борисъ, и зная, какая опасность ожидаетъ младенца: ибо

многіе изъ Бояръ, удаленные въ ссылку, были отправлены дорогою, нашли средство подмѣнить Царевича и вмѣсто его приняли другаго мальчика (31). Послѣ того Борисъ предалъ смерти еще многихъ Бояръ невинныхъ; — наконецъ, не опасаясь уже никого, кромѣ Димитрія, рѣшился уничтожить послѣднюю преграду и приказалъ умертвить въ Угличѣ мнимаго Царевича. Это совершилъ сынъ одного Чиновника, опредѣленнаго Борисомъ въ Секретари къ Царицѣ (32). Злодѣй погибъ на мѣстѣ; а подложнаго Царевича, имѣвшаго 7 или 8 лѣтъ, похоронили запросто.

Вѣсть о смерти Димитрія породила въ Москвѣ разные толки; народъ ропталъ. Борисъ, все знавшій, приказалъ ночью зажечь гостиный рядъ, купеческіе домы и другія зданія, съ намѣреніемъ, надѣлавъ жителямъ забопъ, прекратить ропотъ и умы успокоить. Онъ самъ присутствовалъ на пожарѣ, давалъ повелѣнія тушить огонь; причемъ столько хлопоталъ, что, по видимому, несчастіе города весьма его печалило. Потомъ, созвавъ потерпѣвшихъ убытки, старался утѣшить ихъ ласковыми рѣчами, горевалъ о бѣдствіи, далъ слово исходатайствовать у Государя вспоможеніе каждому изъ нихъ для поправки домовъ и обѣщалъ воздвигнуть

каменныя лавки, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ: все это онъ исполнилъ такъ, что каждый остался довольнымъ и считалъ себя счастливымъ, имѣя столь добраго покровителя. По кончинѣ же Ѳеодора, погибшаго, по словамъ нѣкоторыхъ, отъ Бориса, въ Январѣ 1598 года, онъ еще дѣятельнѣе прежняго домогался короны, но такъ скрытно, что одни только самые смѣтливые это замѣчали, не дерзая однакоже сопротивляться. Казалось, онъ хотѣлъ единственно возвести на престолъ свою сестру, вдову покойнаго Ѳеодора, — вопреки Государственнымъ законамъ, въ слѣдствіе коихъ овдовѣвшая Царица или Великая Княгиня удаляется въ монастырь черезъ шесть недѣль послѣ погребенія супруга (33). Борисъ притворно отказывался отъ короны даже и тогда, когда предлагали ему оную, по волѣ сестры его, въ Государственной Думѣ, открытой для всякаго въ продолженіе междуцарствія. И такъ онъ заставилъ просить себя о принятіи Царскаго пипула; но долго не соглашался на сію просьбу и говорилъ избиравшимъ его, что не должно спѣшить, что дѣло требуетъ зрѣлаго размышленія, что никакая опасность [illegible] принуждаетъ, что Россія находится въ мирѣ съ сосѣдами и что она останется

въ томъ же состоянiи, въ какомъ находилась и прежде, когда онъ самъ, при покойномъ Государѣ, былъ ея Правителемъ, доколѣ Россiяне, по зрѣломъ разсужденiи, изберутъ другаго Царя. (Впрочемъ справедливо, что Борисъ, управляя Державою при Ѳеодорѣ, устранялъ отъ нея бѣдствiя, обогатилъ казну, не говоря уже о городахъ и крѣпостяхъ, имъ построенныхъ, и заключилъ дружбу со всѣми сосѣдами). Посему онъ требовалъ притворно созванiя Государственныхъ Чиновъ, т. е. отъ каждаго города по 8 или 10 человѣкъ, дабы весь народъ рѣшилъ единодушно, кого должно возвести на престолъ ко всеобщему удовольствiю. Между тѣмъ, какъ въ исполненiи сего долженствовало пройти много времени, онъ распустилъ молву о вторженiи Ташарскаго Хана въ Россiю съ великими силами, ссылаясь на плѣнниковъ, приведенныхъ Казаками. Устрашенный народъ еще настоятельнѣе просилъ его возложить на себя корону. Борисъ увѣрялъ, что пріемлетъ ее противъ воли, что многiе изъ благороднѣйшихъ поколѣнiй имѣютъ справедливое право на Царское достоинство, что и безъ вѣнца онъ любилъ бы гражданъ, какъ отецъ, и занимался бы дѣлами съ прежнимъ усердiемъ; но что, видя и желанiе народа, и согласiе Вель-

можъ, онъ готовъ принять столь тягостное бремя, только не прежде, какъ отразивъ невѣрныхъ, идущихъ опустошать Государство съ стотысячнымъ войскомъ, и предписавъ законы имъ и прочимъ сосѣдамъ. Тогда вручили Борису всѣ права его предшественниковъ.

Между тѣмъ онъ спѣшилъ исполнить обѣщаніе, собралъ войска въ Серпуховѣ, городѣ на Окѣ, обыкновенномъ мѣстѣ вторженія Татаръ, въ 90 верстахъ отъ Москвы, и по удаленіи сестры своей, Царицы, въ Дѣвичій монастырь, самъ прибылъ въ Серпуховъ, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, для обозрѣнія рати. По словамъ какъ иностранцевъ, такъ и Россіянъ, бывшихъ на этомъ смотрѣ, число воиновъ пѣхотныхъ и конныхъ простиралось до 500,000; говорю еще меньшее число, ибо Россія никогда не была въ такомъ волненіи. Въ удостовѣреніе же справедливости сего показанія, разскажу послѣ, какимъ образомъ Россійское Правительство собираетъ столько людей, чему я самъ былъ свидѣтелемъ. — Но война кончилась тѣмъ, что вмѣсто непріятельской рати, явился Ханскій Посолъ, съ сотнею лихихъ всадниковъ, одѣтыхъ, по Татарскому обычаю, овчинами, для какого-то мирнаго предложенія; — о чемъ Борисъ хорошо зналъ и прежде. Миролюбіе

Хана весьма его прославило: показавъ Татарамъ всѣ Русскія силы, послѣ многократной пальбы изъ пушекъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги на пространствѣ двухъ верстъ и въ довольно дальнемъ одна отъ другой разстояніи, онъ провелъ Посла нѣсколько разъ между орудіями и наконецъ отправилъ его съ великими дарами; потомъ распустивъ воиновъ по домамъ, возвратился въ Москву съ пышнымъ торжествомъ. Носилась молва, что Татаринъ, услышавъ о силахъ Россіянъ, не смѣлъ итти далѣе. Борисъ короновался 1 Сентября, т. е. въ 1 день 1598 года.

Уже около 700 лѣтъ, какъ Россіяне приняли Христіанскую вѣру отъ Епископа Константинопольскаго. Они слѣдуютъ Греческому исповѣданію: крещаемыхъ младенцевъ погружаютъ въ воду трекратно, во имя Отца, Сына и Св. Духа; потомъ Священникъ надѣваетъ на шею младенца крестъ, вручаемый воспріемникомъ, въ знаменіе Крещенія: сей крестъ носятъ до самой смерти. Они признаютъ Св. Троицу, но шѣмъ не менѣе различаются отъ насъ, исповѣдуя, что Св. Духъ исходитъ не отъ Отца и Сына, но только отъ Отца, и что онъ покоится на Сынѣ. — Обра-

зовъ у нихъ много и всѣ вообще живописные, кромѣ одного только Распятія изваяннаго. Говорятъ, что въ Россіи хранится образъ Св. Дѣвы Маріи, писанный собственною рукою Евангелиста Луки. Главный Русскій патронъ — Св. Николай. Въ число Святыхъ, принятыхъ изъ Греціи, они включаютъ много другихъ Угодниковъ; но кромѣ Богородицы, не признаютъ ни одной Святой (34).— Есть Патріархъ, коего достоинство учреждено при Іоаннѣ Васильевичѣ Патріархомъ Константинопольскимъ (35). Если не ошибаюсь, въ Россіи 7 Архіепископовъ, много Епископовъ и Игуменовъ. Одни Священники и притомъ женатые, совершаютъ Таинства; по смерти же своихъ женъ, болѣе не священнодѣйствуютъ (36); когда не вступятъ въ бракъ вторично, постригаются въ Монахи. Иноки безбрачны также, какъ Патріархъ, Епископы и Игумены; посему не могутъ ни пріобщать Св. Таинъ, ни ѣсть мяса, и принимаютъ Св. Дары отъ Священниковъ. Пріобщаются подъ двумя образами всѣ безъ различія, свѣтскіе и духовные, послѣ исповѣди на ухо, обыкновенно однажды въ годъ. Вдовый Священникъ, сочетавшись бракомъ, переходитъ въ свѣтское званіе. Россіяне почитаютъ истинно крещеными только тѣхъ,

которые крестились по Греческому обряду; впрочемъ Католиковъ увольняютъ отъ втораго крещенія. Тщательно наблюдаютъ праздники, даже и Субботу наравнѣ съ Воскресеньемъ, хотя и въ самые великіе праздники открываютъ лавки и работаютъ послѣ обѣда, если требуетъ необходимость. Постятся по Средамъ и Пятницамъ и сверхъ того содержатъ въ году четыре поста, а именно: Великій постъ, о коемъ будемъ говорить ниже, два поста, по 15 дней каждый, и одинъ предъ Рождествомъ Христовымъ, который начинается спустя восемь дней послѣ праздника Св. Николая; наблюдаютъ же оные столь строго, какъ только возможно, не вкушая ни яицъ, ни другой пищи, доставляемой животными. — Они имѣютъ Св. Писаніе на своемъ языкѣ, т. е. на Славянскомъ; весьма уважаютъ псалмы Давида; въ церквахъ никогда не проповѣдуютъ (57); а по праздникамъ читаютъ отрывки изъ Ветхаго или Новаго Завѣта; но таково невѣжество народа, что не найдется и трети, которая знала бы *Отче нашъ* и *Вѣрую во единаго*. Можно сказать, что невѣжество народа есть мать его благочестія; — онъ ненавидитъ науки, и особенно языкъ Латинскій; не знаетъ ни школъ, ни

Университетовъ. Одни Священники наставляютъ юношество чтенію и письму, чѣмъ немногіе впрочемъ занимаются. Русскія буквы большею частію суть Греческія; книги всѣ почти рукописныя, кромѣ немногихъ печатныхъ экземпляровъ Ветхаго и Новаго Завѣта, привезенныхъ изъ Польши: ибо неболѣе 10 или 12 лѣтъ, какъ Россіяне узнали искусство книгопечатанія (38), да и теперь еще рукописныя книги болѣе уважаютъ, нежели печатныя. — Дважды въ году освящаютъ рѣки и воду; послѣ освященія Царь и Вельможи обыкновенно погружаются въ оную; я самъ видалъ, какъ для сего прорубали ледъ и какъ Царь прыгалъ въ прорубь (39). Въ Вербное Воскресенье Патріархъ ѣздитъ на ослѣ, сидя бокомъ по обычаю женщинъ; по недостаткѣ же ословъ, берутъ лошадь, покрываютъ ее бѣлымъ полотномъ, такъ что кромѣ глазъ ничего не видно, и привязываютъ большія уши. Царь ведетъ ее за поводъ изъ Кремля до церкви, именуемой Іерусалимомъ, оттуда въ храмъ Богоматери. Во время сего шествія назначенные люди снимаютъ одежду и разстилаютъ ее по дорогѣ, слѣдуя впереди святителей (40). Въ Россіи существуетъ особенный орденъ, состоящій изъ людей, которые, предчувствуя приближеніе смерти, были соборованы

масломъ, однакоже не умирали: таковые люди обязываются носить до самой кончины платье, похожее на монашеское. Это считается весьма богоугоднымъ дѣломъ. Жены ихъ имѣютъ право выйти за другаго мужа. — Никто изъ иновѣрныхъ не можетъ входить въ Русскую церковь. Патріархъ, Епископы, Игумены назначаются Царемъ; обыкновенныя дѣла церковныя Патріархъ рѣшаетъ самъ, о важнѣйшихъ же случаяхъ докладываетъ Государю. Мужъ имѣетъ право подъ разными предлогами развестись съ женою, заключить ее въ монастырь, и потомъ жениться до третьяго раза.

Всѣ иностранцы могутъ исповѣдывать свою религію всенародно, исключая Римскихъ Католиковъ; Евреи же нетерпимы со временъ Іоанна Васильевича Мучителя (41). Сей Государь приказалъ собрать всѣхъ Евреевъ, находившихся въ Россіи; потомъ связавъ имъ руки и ноги, вывелъ ихъ на мостъ, гдѣ они принуждены были отречься отъ своего закона, и когда сказали, что желаютъ креститься во имя Бога Отца, Сына и Св. Духа, Царь въ ту минуту велѣлъ бросить ихъ въ воду. Сей же Іоаннъ Васильевичъ, лѣтъ за 40 до нашего времени, завоевавъ большую часть Ливоніи и переселивъ въ Россію жителей Дерпта и Нарвы, пожало-

валъ плѣнным Ливонцамъ, послѣдователямъ Люшера, двѣ божницы въ Москвѣ, дозволивъ имъ свободно исполнять обряды религіи; но въ послѣдствіи за дерзость и пщеславіе ихъ, повелѣлъ сіи церкви разрушить, домы разграбить, а Ливонцевъ, не взирая ни на возрастъ, ни на полъ, выгнать на улицу въ зимнюю стужу, оставивъ ихъ, въ чемъ мать родила. Впрочемъ Ливонцы сами виноваты: забывъ минувшее несчастіе, поперявъ и отечество, и имущество, сдѣлавшись рабами народа грубаго и жестокаго, подъ правленіемъ Государя самовластнаго, они, вмѣсто смиренія по причинѣ плковыхъ бѣдствій, вели себя столь гордо, поступали столь высокомѣрно, одѣвались столь роскошно, что казались Принцами и Принцессами; женщины, посѣщая церкви, наряжались не иначе, какъ въ бархатъ, атласъ, камку; самая послѣдняя носила шафтяное платье, хотя ничего болѣе не имѣла. Сіи Ливонцы получали доходъ преимущественно отъ права продавать хлѣбное вино, медъ и другіе напитки; при чемъ имѣли прибыли не по 10 на 100, а 100 на 100; это кажется невѣроятно, но тѣмъ не менѣе справедливо.

Ливонцы всегда оставались одинаковы: казалось, они были приведены въ Россію только

для того, чтобы выказывать свою гордость и высокомѣріе, чего не посмѣли бы сдѣлать и въ собственномъ отечествѣ, по строгости законовъ и правосудія. Посему Царь приказалъ отвести имъ мѣсто за городомъ, гдѣ они выстроили домы и одну церковь, не имѣя дозволенія жить въ столицѣ. — Подъ властію Россіянъ находятся даже Татары, Турки, Персіяне, Мордва и другіе народы Магометанскіе, исповѣдывающіе свободно свою вѣру, не говоря о Сибирякахъ, Лапландцахъ и другихъ племенахъ, которыя не слѣдуютъ ни Христіанскому, ни Магометанскому закону, и поклоняются разнымъ животнымъ, какъ имъ угодно, не претерпѣвая притѣсненій въ своихъ обрядахъ.

Мертвыхъ Россіяне погребаютъ до истеченія 24 часовъ, и Государей, и невольниковъ, такъ что умершаго утромъ хоронятъ вечеромъ. Наемныя женщины обыкновенно оплакиваютъ усопшаго, взывая къ нему: *зачѣмъ ты умеръ, развѣ Царь тебя не жаловалъ; развѣ у тебя мало было богатства, дѣтей или не имѣлъ ты жены честной?* Если умираетъ женщина, приговариваютъ: *развѣ ты не имѣла добраго мужа?* и подобныя [illegible] посли. На покойника надѣваютъ новую ру[illegible]

чулки, башмаки, похожіе на туфли, и шапку; потомъ кладутъ его въ гробъ и несутъ на кладбище въ присутствіи родныхъ и друзей; послѣ погребенія они плачутъ на могилѣ, испуская по прежнему жалобные вопли. Въ концѣ 6 недѣли приходятъ на могилу вдова и нѣсколько ближайшихъ друзей, приносятъ напитки, ясшва и послѣ довольныхъ слезъ, съ прежними спонами, ѣдятъ принесенныя кушанья, раздавая остатки оныхъ нищимъ. Такъ поступаетъ простый народъ; въ случаѣ же смерти особы значительной, дается пиръ въ домѣ, по возвращеніи съ кладбища, гдѣ родственники сами дѣлаютъ умершему вопросы, или нанимаютъ для сего женщинъ; причемъ раздаютъ бѣднымъ все, что приносятъ на могилу. Таковые пиры бываютъ ежегодно по одному разу, въ память усопшаго. По прошествіи 6 недѣль, съ окончаніемъ траура, вдова можетъ снова выйти замужъ.

Великій постъ наблюдается слѣдующимъ образомъ: въ послѣднюю недѣлю предъ онымъ, или на Масляницѣ, Россіяне мяса не ѣдятъ, а употребляютъ въ пищу сыръ, яица, молоко, масло; посѣщаютъ другъ друга, цѣлуются, прощаются, мирятся, если оскорбили одинъ другаго словомъ или дѣломъ; встрѣчаясь даже

на улицѣ, — хотя бы никогда прежде не видались, — цѣлуются, приговаривая: *прости меня пожалуй;* другой отвѣчаетъ: *Богъ тебя проститъ.* При семъ должно замѣтить, что не только въ это время, но и всегда, они цѣлуютъ себя взаимно: ибо какъ мужчины, такъ и женщины считаютъ поцѣлуй знакомъ привѣтствія, когда готовятся въ путь, или встрѣчаются послѣ долговременной разлуки. По окончаніи Масляницы, всѣ идутъ въ баню; а въ первую недѣлю поста вовсе не выходятъ изъ дома, или весьма рѣдко, и цѣлые семь дней ѣдятъ не болѣе трехъ разъ, не употребляя ни мяса, ни рыбы, но довольствуясь только медомъ и овощами. Въ слѣдующую недѣлю являются на улицахъ, но весьма просто одѣтые, какъ будто въ траурѣ; въ остальное время поста, кромѣ послѣднихъ 7 дней, ѣдятъ всякую рыбу, какъ свѣжую, такъ и соленую, но безъ масла и молока; по средамъ же и пятницамъ только соленую и овощи. На послѣдней недѣлѣ постятся также строго, какъ и на первой, или еще строже: тогда всѣ обыкновенно пріобщаются Св. Таинъ.

Во время Пасхи, которая слѣдуетъ за постомъ, они посѣщаютъ другъ друга, какъ на Масляницѣ, и предлагаютъ взаимно красныя

яица, приговаривая — одинъ: *Христосъ воскресе*, другой: *воистину воскресе;* причемъ размѣнявшись яицами, цѣлуются, въ знакъ радости о Воскресеніи Господнемъ. Царь наблюдаетъ сей обычай такимъ образомъ: какъ въ послѣдній день Масляницы, такъ и на другой день по Пасхѣ, онъ дозволяетъ каждому лобызать свою руку; а въ слѣдующій день, когда отправляется въ церковь, Бояре и извѣстные Государю Сановники подходятъ къ нему и также цѣлуютъ руку: онъ раздаетъ поздравляющимъ по одному, по два и по три яйца, смотря по тому, кого болѣе жалуетъ. Въ это время народъ цѣлые 15 дней пируетъ безпрерывно.

При церквахъ находится множество колоколовъ. Хотя Россіяне, по видимому, различаются симъ отъ Грековъ, которые вовсе оныхъ не употребляютъ, что доказываютъ единовѣрцы ихъ Валахи, Молдаване, Ретійцы и другіе народы; но колокольный звонъ дозволяется Греческою религіею; Греки же не смѣютъ звонить потому, что состоятъ подъ властію Турковъ, коимъ Алкоранъ запрещаетъ держать колокола въ мечетяхъ. Впрочемъ Католики, Протестанты и Аріане, обитая въ Трансильваніи, могли благовѣстить,

когда Стефанъ, бывшій Королемъ Польскимъ, и послѣ него Сигизмундъ Баторій управляли ею въ зависимости отъ Султана; но Греки и тогда не имѣли колоколовъ (42).

Всѣ пути изъ Россіи въ другія земли охраняются такъ строго, что безъ Царскаго дозволенія не возможно изъ нея выѣхать, и въ наше время съ оружіемъ никто изъ сего Государства не могъ удалиться: я былъ первый. Россіяне, воюя съ Польшею, не рѣшаются имѣть въ дѣйствующей арміи Поляковъ, имъ подвластныхъ, коихъ довольно много, а распредѣляютъ ихъ на предѣлахъ Татаріи, поступая также и съ прочими иноземцами, въ Россіи обитающими, изъ опасенія, чтобы они не бѣжали и не передались непріятелю: ибо Русскій народъ есть самый недовѣрчивый и подозрительный въ мірѣ.

Всѣ ихъ замки и крѣпости деревянные, исключая Смоленска, Иванъгорода или Нарвы, Тулы, Казани, Астрахани, Коломны, Путивля (на предѣлахъ Подоліи) и Москвы. Сей городъ обширный, среди коего протекаетъ рѣка, широтою превосходящая Сену, обнесенъ деревянною оградою, въ окружности болѣе Парижской; внутри оной находится другая стѣна въ половину менѣе первой, не

простираясь однакоже за рѣку. Потомъ выведена изъ кирпича еще третія, окружающая всѣ каменныя купеческія лавки. Сверхъ того, есть крѣпость, построенная при Василіи Іоанновичѣ, отцѣ Іоанна Васильевича, однимъ Италіянцемъ (43). Въ ней много церквей каменныхъ, изъ коихъ четыре покрыты золоченою мѣдью. Городъ наполненъ деревянными домами; каждый домъ обыкновенно въ два жилья, съ обширнымъ дворомъ, для предупрежденія пожаровъ, которые весьма часто случаются. Съ нѣкотораго времени въ Москвѣ построено довольно церквей каменныхъ; деревянныхъ же находится безчисленное множество, — самые улицы вымощены досками (44).

Высшее Дворянство постоянно живетъ въ Москвѣ; оно состоитъ изъ Князей, Думныхъ Бояръ, то есть Членовъ Государственнаго Совѣта, Окольничихъ или Маршаловъ, Дворянъ Думныхъ и Московскихъ, которые опредѣляются въ Намѣстники и Правители городовъ. Число Членовъ Государственной Думы закономъ не ограничено: Царь назначаетъ въ оную, кого ему угодно. Я зналъ изъ нихъ до 32. Въ случаѣ важныхъ дѣлъ собирается Тайный Совѣтъ, обыкновенно изъ ближнихъ Царскихъ родственниковъ. Для формы спра-

шиваютъ мнѣнія Духовенства, и приглашаютъ въ Думу Патріарха, съ нѣкоторыми Епископами; но въ самомъ дѣлѣ нѣтъ другаго закона, или совѣта, кромѣ безпредѣльной воли Государя. Онъ имѣетъ власть поражать всякаго огнемъ и мечемъ, невиннаго и виновнаго. Владѣтель Россіи, по моему мнѣнію, есть самый неограниченный изъ всѣхъ извѣстныхъ Вѣнценосцевъ: ибо каждый Россіянинъ, знатный и незнатный, самые Царскіе братья называютъ себя *холопами Государевыми* (45).— Въ Думѣ еще присутствуютъ двое Думныхъ Дьяковъ, т. е. Секретарей, а не Канцлеровъ, какъ толкуютъ Россіяне. Одинъ изъ нихъ завѣдываетъ дѣлами посольскими и внѣшними; другой же военнымъ управленіемъ, отъ коего зависятъ Воеводы, Намѣстники и другіе Сановники; но Стрѣльцы (лучшая пѣхота) состоятъ въ особенномъ вѣдомствѣ.

Сверхъ того, въ каждой области находится Членъ Думы, или Окольничій, который, вмѣстѣ съ однимъ Дьякомъ, рѣшаетъ споры, возникающіе между Царскими подданными. Должно замѣтить, что никто изъ Судей, или Сановниковъ, не смѣетъ принимать никакихъ подарковъ отъ просителей: ибо если обвинятъ Судью или собственные слуги, или

подарившіе, (которые доносятъ нерѣдко, обманувшись въ надеждѣ выиграть дѣло), или другіе люди: то уличенный въ лихоимствѣ теряетъ все свое имущество и возвративъ дары, подвергается *правежу* (о чемъ будемъ говорить послѣ), для заплаты въ пеню, по назначенію Государя, пятисотъ, тысячи, или двухъ тысячь рублей, болѣе или менѣе, по степени сана. Но виновнаго Дьяка, не слишкомъ любимаго Государемъ, наказываютъ всенародно кнутомъ, привязавъ къ шеѣ лихоимца копелекъ серебра, мягкую рухлядь, жемчугъ, даже соленую рыбу, или другую вещь, взятую въ подарокъ. Потомъ отправляютъ наказаннаго въ ссылку, съ намѣреніемъ прекратить беззаконіе и на будущее время. При всемъ томъ взятки не испребляются; выдумали слѣдующую хитрость: челобитчикъ приходитъ къ Судьѣ и кладетъ дары предъ его иконами, которыя въ простомъ народѣ называются *Богомъ*, а въ высшемъ кругу — *Образомъ*. Къ симъ иконамъ, украшающимъ жилище каждаго въ весьма большомъ количествѣ, привѣшиваютъ подарки. Впрочемъ если принесенная вещь стоитъ дороже 7 или 8 рублей, и Царь о томъ узнаетъ, Судьи не освобождаются отъ наказанія. Въ продолженіе

восьми дней послѣ Пасхи, имъ дозволено, вмѣстѣ съ красными яицами, принимать малоцѣнныя вещи; но запрещено брать подарки, предлагаемые въ надеждѣ пріобрѣсть ихъ расположеніе: ибо Судья подвергается взысканію, если челобитчикъ докажетъ, что онъ получилъ подарокъ за какое либо дѣло. Впрочемъ въ продолженіе сего времени, доносъ отъ другихъ лицъ не пріемлется; всѣ же Судьи и Чиновники должны довольствоваться годовыми окладами и землями, назначенными отъ Государя. — На рѣшеніе суда жаловаться не дозволено. Всѣ жители самыхъ отдаленныхъ областей, исключая городскихъ обывателей, приходятъ судиться въ Москву. Въ городахъ же всѣ дѣла рѣшаютъ Губные Старосты; на нихъ можно просить въ Столицѣ. Сіи второстепенные сановники также отыскиваютъ и заключаютъ въ тюрьму всѣхъ убійцъ, воровъ и мошенниковъ, дѣлаютъ имъ допросы и по окончаніи слѣдствія, доносятъ въ Москву назначенному для таковыхъ дѣлъ высшему вѣдомству — *Разбойному приказу*. — Во всей Россіи никто не можетъ быть казненъ безъ точнаго повелѣнія верховнаго Московскаго Совѣта. По Русскимъ законамъ каждый подаетъ жалобу и въ Судѣ оправдываетъ себя или самъ, или посредствомъ

родственника, или служителя: ибо въ Россіи неизвѣстны стряпчіе или адвокаты. Всѣ споры, исключая самыхъ очевидныхъ, рѣшаются присягою одной стороны, которая для сего цѣлуетъ крестъ въ церкви съ нѣкоторыми обрядами. Должно замѣтить, что всадники, находящіеся въ Царской службѣ, лично освобождены отъ присяги: они приказываютъ цѣловать за себя крестъ своимъ служителямъ; но въ вѣрности Государю сами клянутся. — Должника, не уплатившаго или казнѣ, или частному лицу, какой либо суммы, по бѣдности, или по упорству, выводятъ на *правежъ*, т. е. въ извѣстномъ мѣстѣ, въ рабочіе дни, особенные люди, именуемые Недѣльщиками, бьютъ его по икрамъ простію, или прутомъ, отъ восхожденія солнечнаго до 10 или 11 часовъ. Я нерѣдко видалъ, что наказанныхъ отвозили съ правежа домой на телѣгахъ. Правежъ прекращается по заплатѣ всего долга: всадники Царской службы изъяты отъ сего наказанія, выставляя за себя одного изъ своихъ людей (46).

Дворяне, т. е. Сановники, получающіе отъ казны ежегодно жалованье и владѣющіе помѣстьями, наблюдаютъ слѣдующій образъ жизни: встаютъ лѣтомъ обыкновенно при

восхожденіи солнца, потомъ отправляются во Дворецъ, (разумѣется, живущіе въ Москвѣ), гдѣ присутствуютъ въ Думѣ отъ перваго часа до шести часовъ дня; потомъ провождаютъ Государя въ церковь, гдѣ онъ слушаетъ литургію отъ 7 до 8 часовъ, (т. е. съ 11 до полудня). По возвращеніи Государя изъ церкви, каждый удаляется обѣдать; послѣ обѣда отдыхаютъ и спятъ часа два или три. Въ 14 часовъ, по звону колокола, снова посѣщаютъ Дворецъ, гдѣ проводятъ около 2 или 3 часовъ вечера; потомъ удаляются, ужинаютъ и ложатся спать. Всѣ они какъ лѣтомъ, такъ и зимою, ѣздятъ въ экипажахъ и никогда пѣшкомъ не прогуливаются. Сидячая жизнь производитъ въ нихъ непомѣрную тучность, которою они впрочемъ гордятся: ибо человѣка съ огромнымъ брюхомъ народъ наиболѣе уважаетъ, называя его *дородный человѣкъ*. Дворяне одѣваются обыкновенно весьма просто, исключая праздничныхъ дней, торжественныхъ Царскихъ выходовъ, или пріема пословъ иноземныхъ.

Знатныя жены лѣтомъ выѣзжаютъ въ колымагахъ, а зимою въ саняхъ. Когда же Царица прогуливается, тогда нѣсколько женщинъ слѣдуютъ за ея каретою, сидя на лоша-

дяхъ верхомъ, какъ мужчины, въ бѣлыхъ поярковыхъ шляпахъ, похожихъ на клобуки Епископскіе, кромѣ того только, что сіи послѣдніе бываютъ сѣрые, темные или черные. Онѣ одѣваются въ длинное платье, равно широкое и вверху и внизу, обыкновенно изъ алой матеріи, или изъ тонкаго краснаго сукна; сверхъ онаго имѣютъ другую одежду изъ какой нибудь шелковой матеріи съ большими рукавами, шириною болѣе 3 футовъ Парижскихъ, (рукава же перваго платья обшиты парчею до самаго локтя). Голову покрываютъ шляпою, унизанною жемчугомъ, а бездѣтныя, или дѣвицы, — черною лисьею, похожею на шапку, надѣваемую Боярами при посольскихъ пріемахъ. Сверхъ того всѣ носятъ жемчужныя ожерелья, шириною добрыхъ четыре пальца, и весьма длинныя серги; обуваются въ сапожки сафьянные, красные, или желтые, на каблукахъ вышиною въ три пальца, подкованныхъ подобно сапогамъ Польскимъ или Венгерскимъ. Молодыя и старыя, богатыя и бѣдныя румянятся и бѣлятся, но весьма грубо, и считаютъ за стыдъ не расписывать лицъ своихъ.

Знатныя Россіянки находятся подъ строгимъ надзоромъ; имѣя отдѣльныя компаты, онѣ принимаютъ посѣщенія единственно отъ

ближайшихъ родственниковъ, и только по особенному благоволенію, мужъ выводитъ къ постороннему гостю свою жену. Самый женихъ, задумавъ сочетаться бракомъ, ведетъ переговоры съ родителями невѣсты; получивъ сначала ихъ согласіе, онъ посылаетъ вѣрнѣйшаго изъ родственниковъ, или друзей, посмотрѣть свою будущую супругу, и по донесенію посланнаго, заключаетъ брачный договоръ, съ условіемъ, кто долженъ заплатить опредѣленную взаимнымъ согласіемъ сумму. Потомъ женихъ можетъ видѣть невѣсту. Въ день свадьбы, ее ведутъ въ церковь, съ покрываломъ на лицѣ, подобно Ревеккѣ при первомъ ея свиданіи съ Исаакомъ. Она такъ бываетъ закупана, что ни сама никого не видитъ, ни посторонніе лица ея разсмотрѣть не могутъ. По совершеніи обряда, новобрачная тѣмъ же порядкомъ возвращается домой и садится за столъ, не снимая покрывала до исполненія супружескаго союза. На другой день молодые моются въ банѣ, или выливаютъ себѣ на голову ведро воды, считая омовеніе необходимымъ, по обычаю Евреевъ и Турковъ. Желая войти въ церковь, или даже приблизиться къ домашнимъ иконамъ, новобрачные требуютъ благословенія Священника, или

Монаха. Супруги наблюдаютъ сіе всякой разъ послѣ наслажденія (17). Приданое невѣсты оцѣнивается вдвое и впрое; если жена умираетъ бездѣтною, мужъ платитъ за оное, по оцѣнкѣ ближайшихъ родственниковъ.

Дворяне измѣряютъ свое богатство по числу слугъ и служанокъ, а не по количеству денегъ, подражая Древнимъ народамъ: ибо каждый господинъ имѣетъ множество слугъ, которые остаются рабами и невольниками, вмѣстѣ съ дѣтьми, за наслѣдниками своего перваго господина. Да и во многихъ случаяхъ Россіяне слѣдуютъ обычаямъ Древнихъ, напримѣръ въ искусствѣ письменномъ: всѣ вѣдомости, записки и просьбы они свертываютъ свитками, не составляя книгъ и не складывая бумагъ по нашему обыкновенію. Такъ поступали и Древніе, самые Евреи, по свидѣтельству Пророка Іезекіиля (гл. 3). Это сходство замѣтно и въ пиршествахъ: Царь, приглашая Пословъ къ обѣду, говоритъ только: *хлѣба пусть со мною.* Сильнѣйшій упрекъ неблагодарному выражается [illegible]омъ: *ты забылъ мою хлѣбъ-соль.* Когда [illegible]ь отправляется въ дорогу, или вступаетъ [illegible]рестолъ, или женится, или присутствуетъ [illegible]рестинахъ, — подданные всегда подносятъ [illegible]кромѣ другихъ подарковъ, хлѣбъ съ солью.

Желая изъявить почтеніе, Россіяне снимаютъ шапку и кланяются, только не по обычаю Турковъ, Персовъ и другихъ Магометанъ, полагая руку на голову или на грудь, но опуская ее до земли, или менѣе, смотря по степени уваженія. Въ случаѣ же просьбы, или во время молитвы, кланяются до самой земли, какъ предъ начальниками, такъ и предъ образами; другихъ знаковъ покорности не вѣдаютъ, колѣнъ также не преклоняютъ, говоря, что это обычай Магометанъ, которые обыкновенно подгибаютъ ноги, садясь на землю. Женщины поступаютъ такимъ же образомъ.

Многіе изъ Россіянъ доживаютъ до 80, 100, 120 лѣтъ и только въ старости знакомы съ болѣзнями. Врачебныя пособія употребляютъ только Царь и нѣкоторые важнѣйшіе Вельможи; простолюдимы считаютъ даже нечистыми многія лекарственныя вещи: пилюли принимаютъ весьма неохотно, а промывательное, мускусъ, выхухоль и другія подобныя средства ненавидятъ; чувствуя себя нездоровыми, они обыкновенно выпиваютъ хорошую чарку вина, всыпавъ въ нее зарядъ ружейнаго пороха, или смѣшавъ напитокъ съ толченымъ чеснокомъ, и немедленно идутъ въ баню, гдѣ въ несноснымъ жару потѣютъ часа два или три.

Такъ лечится простой народъ во всѣхъ болѣзняхъ.

Источники доходовъ Государственныхъ суть слѣдующіе: во первыхъ Царская отчина, управляемая особымъ вѣдомствомъ или *Дворцовымъ приказомъ* (48), подъ главнымъ надзоромъ Дворецкаго, который распоряжаетъ дѣлами при помощи двухъ Дьяковъ; во вторыхъ подати, взимаемыя со всего Государства, раздѣленнаго на пять вѣдомствъ, именуемыхъ *Четями*, куда вносятся постоянные доходы (49). *Большой приходъ*, наблюдая за сими вѣдомствами, собираетъ налоги, въ особенныхъ случаяхъ опредѣляемые. Кромѣ отчины, собственный доходъ Государя состоитъ: въ подушныхъ деньгахъ, платимыхъ вообще всѣми какъ городскими, такъ и сельскими жителями, не исключая и наслѣдственныхъ помѣстій его родственниковъ; въ налогахъ и пошлинахъ съ товаровъ всякаго рода; въ сборѣ съ питейныхъ домовъ, гдѣ продается вино, медъ и пиво (сими напитками дозволено въ городахъ и селахъ торговать однимъ откупщикамъ); въ мягкой рухляди, воскѣ и другихъ произведеніяхъ, особенно же въ потребностяхъ жизненныхъ: хлѣбѣ, винѣ, медѣ, дичи, скотѣ, птицахъ, плодахъ и другихъ съѣстныхъ припасахъ, для стола необходимыхъ.

Опредѣливъ каждой вещи весьма высокую цѣну, съ жителей хотя нѣсколько удаленныхъ отъ столицы, вмѣсто естественныхъ произведеній, собираютъ деньги, напримѣръ, съ выти или участка земли обработанной въ семь или восемь десятинъ, изъ коихъ на каждой можно посѣять двѣ четверти хлѣба, крестьяне платятъ по 10, 12, 15 рублей, даже до 20, смотря по качеству почвы (50); а какъ рубль содержитъ около 6 ливровъ, 12 су: то ежегодный сборъ простирается на великую сумму. И потому въ Дворцовомъ приказѣ хранится обыкновенно отъ 120,000 до 150,000 рублей наличныхъ денегъ, болѣе или менѣе, судя по издержкамъ на посольства и другіе чрезвычайные случаи, коими онъ завѣдываетъ. Нѣкоторыя же изъ 5 Четей, напримѣръ, Казанская и Новая, сберегаютъ, за всѣми расходами на пенсіи и жалованье войску, до 80 или до 100,000 рублей, другія отъ 40 до 60,000 рублей, не говоря о Большомъ приходѣ, въ который поступаютъ особенные налоги, взимаемые по Царскому повелѣнію со всего Государства, и другіе случайные источники, напримѣръ, отъ продажи имѣнія разныхъ особъ, наказываемыхъ за проступки. Далѣе есть еще особенное вѣдомство, называемое *Казною* (51), которая, собирая

мягкую рухлядь, воскъ и пошлину за печать (съ каждой бумаги по четверти рубля), платитъ за всѣ товары, покупаемые для Государя. Сверхъ того, каждое областное вѣдомство въ концѣ года присылаетъ значительную сумму: ибо Царь беретъ десятую часть со всѣхъ тяжебныхъ дѣлъ, въ Судѣ рѣшаемыхъ. Есть еще два особенныя вѣдомства, которыя имѣютъ свои доходы: *Полѣстный приказъ*, раздавая земли, за каждую запись взыскиваетъ 2, 3 или 4 рубля, по величинѣ отводимаго участка, и собираетъ доходы съ помѣстій, принадлежавшихъ опальнымъ, доколѣ Государь не отдастъ оныхъ кому либо другому. *Конюшенный приказъ* имѣетъ также многіе случайные источники: со всѣхъ лошадей, продаваемыхъ въ Государствѣ, кромѣ крестьянскихъ, платятъ въ оный, за совершаемую при куплѣ запись, около 20 су, дабы не отвѣчать, если купленная лошадь окажется краденою. Сему приказу доставляетъ еще большую прибыль конскій торгъ, производимый въ Россіи Татарами Ногайскими: ибо Царь имѣетъ право избирать для себя изъ приведенныхъ ими коней десятаго, за прочихъ же получаетъ отъ продавца, или покупателя, сообразно взаимному условію, съ цѣны оныхъ по 5 копѣекъ на рубль ([52]). Выбираемыя

для Царя лошади — обыкновенно молодыя или жеребята,— по прошествіи 2 или 3 лѣтъ, продаются на большую сумму: ибо я видалъ до 40,000 вдругъ таковыхъ лошадей. Ногаи приводятъ ихъ ежегодно два или три раза, въ большемъ или меньшемъ числѣ, такъ что нельзя сказать навѣрное въ семъ случаѣ о Царскомъ доходѣ.

Не взирая на столь разнообразные налоги, Россія есть Государство весьма богатое. Не высылая денегъ за границу, но ежегодно скопляя оныя, Россіяне платятъ иноземцамъ обыкновенно товарами: мягкою рухлядью, воскомъ, саломъ, кожами воловьими и оленьими, сафьяномъ, льномъ, пенькою, всякаго рода веревками, икрою (которой весьма много отправляютъ въ Италію), соленою семгою, ворванью и другими произведеніями; хлѣба же не смѣютъ вывозить за границу со стороны Ливоніи, не взирая на чрезвычайное изобиліе онаго. Сверхъ того, Россіяне промѣниваютъ иностранцамъ поташъ, льняное сѣмя, пряжу, не покупая ничего отъ нихъ на чистыя деньги; даже самъ Царь платитъ серебромъ только тогда, когда сумма не превышаетъ 4 или 5,000 рублей, обыкновенно же пушнымъ товаромъ, или воскомъ. Онъ имѣетъ свое неприкосновенное сокровище, ежегодно болѣе или ме-

нѣе увеличиваемое. *Расходная казна,* покрывая чрезвычайныя издержки, наполнена въ великомъ количествѣ всякими драгоцѣнными издѣліями, преимущественно изъ жемчуга, который въ Россіи употребляется болѣе, нежели во всей Европѣ. Я видѣлъ въ сей казнѣ до пятидесяти Царскихъ платьевъ, вышитыхъ, вмѣсто позумента, драгоцѣнными узорами; одежды, унизанныя жемчугомъ сверху до низу, или на футъ, полфута и пальца на четыре во всю окружность; съ полдюжины покрывалъ, усыпанныхъ жемчугомъ, и другія подобныя вещи. Тамъжс хранятся весьма дорогіе каменья, ежегодно покупаемые, неключая даримыхъ Послами; четыре короны, изъ коихъ три Царскія и одна старинная Великокняжеская, кромѣ приготовленной, но еще не совсѣмъ отдѣланной, для Царицы, Димитріевой супруги (онъ первый хотѣлъ короновать женщину: ибо ни Царицы, ни Великія Княгини по Русскимъ обычаямъ не коронуются); два скипетра и двѣ державы золотыя: я видѣлъ сіи вещи, имѣвъ честь провождать неоднократно Димитрія Іоанновича въ кладовыя, гдѣ заключаются сокровища. По мнѣнію Россіянъ, платья, дрогоцѣнныя каменья, парча, серебро, все зависитъ отъ казны. — Въ ней находятся двѣ

цѣльныя кости единорога, Царскій посохъ, также изъ цѣльной кости во всю длину, съ поддѣльною рукоятью, и половина единорога, употребляемая въ лекарство ежедневно ([53]). Я видѣлъ еще другой посохъ золотый, внутри нѣсколько выдолбленный для уменьшенія тяжести; весьма много золотыхъ блюдъ, покаловъ разной величины, и несмѣтное количество серебряной посуды, вызолоченной и невызолоченной; о чемъ можно судить изъ слѣдующаго примѣра: Борисъ Ѳеодоровичь, по восшествіи на престолъ, собравъ войско въ Серпуховѣ, давалъ пиры цѣлыя шесть недѣль, угощая ежедневно 10,000 человѣкъ каждый разъ на серебряной посудѣ, подъ шатрами, какъ разсказываютъ очевидцы. Я видѣлъ въ казнѣ съ полдюжины серебряныхъ бочекъ, слитыхъ, по приказанію Іоанна Васильевича, изъ серебряной посуды, взятой имъ въ покоренной Ливоніи: одна изъ сихъ бочекъ величиною почти съ пол — мюи ([54]), другія менѣе; множество серебряныхъ тазовъ, весьма огромныхъ, съ ручкою на каждой сторонѣ; наполнивъ медомъ, ихъ приносятъ обыкновенно четыре человѣка и ставятъ на каждый обѣденный столъ по 3 или по 4; при каждомъ находятся большіе серебряные ковши для черпанія напитка: ина-

че было бы недостаточно 200 или 300 служителей для угощенія пирующихъ за Царскими столами. Вся эта посуда Русской работы. Кромѣ того, есть множество серебряной утвари Нѣмецкой, Англійской, Польской, поднесенной Царю иноземными Послами, или купленной за рѣдкость издѣлія. Казна изобилуетъ всякими шелковыми матеріями, золотою и серебряною парчею Персидскою, Турецкою, всякаго рода бархатомъ, атласомъ, камкою, тафтою и другими шелковыми тканями. Въ самомъ дѣлѣ требуется опыхъ великое количество: ибо кто ни служитъ Государю, получаетъ обыкновенно, кромѣ денежныхъ окладовъ, парчевыя одежды, или кусокъ бархата, камки, атласа — на кафтанъ. Сими же издѣліями Царь награждаетъ какъ военныя, такъ и гражданскія заслуги. Пословъ Татарскихъ, Крымскихъ, Ногайскихъ и другихъ Азіатскихъ народовъ, вмѣстѣ съ Чиновниками ихъ свиты, равнымъ образомъ даритъ шелковыми матеріями каждаго по достоинству. Посему, для наполненія казны, купечество, какъ иностранное, такъ и Русское, обязано предъявлять въ оную всякія шелковыя издѣлія и другія дорогія вещи, изъ коихъ выбираются нѣкоторые для Государя. Если же изъ нихъ

купецъ скроетъ или продастъ что либо на 10 или 12 су, прежде осмотра въ казнѣ, то лишается всего остальнаго, хотя бы заплатилъ пошлину и другія подати (55). Въ Россіи нѣтъ никакихъ минераловъ, исключая желѣза, весьма мягкаго; впрочемъ я не сомнѣваюсь, чтобы въ столь обширной странѣ не было другихъ рудъ: не достаетъ только людей, искусныхъ въ горномъ дѣлѣ.

Россійская ходячая монета состоитъ: изъ денегъ или копѣекъ, цѣною около 16 денаріевъ, изъ московокъ, въ 8 денаріевъ, и полушекъ въ 4 денарія. Кромѣ сей монеты серебряной, нѣсколько чище реаловъ, Россіяне другой не употребляютъ: ею платятъ всякія суммы, считая рублями, (изъ коихъ каждый содержитъ 100 денегъ, или 6 ливровъ, 12 су), пол-рублями, четверть-рублями, гривнами (10 копѣекъ) и алтынами (3 деньги или 4 су (56). Купцы иноземные привозятъ множество рейхсталеровъ или ефимковъ, сбывая оные съ выгодою для Россіянъ, которые принимаютъ каждый ефимокъ въ 12 алтынъ, или въ 36 денегъ, т. е. въ 48 су; но отъ передѣла въ Русскую монету, съ нѣкоторымъ очищеніемъ металла, ефимокъ, вѣсомъ въ 40 су, даетъ уже 42 деньги (57). Отъ тѣхъ же купцевъ Россіяне по-

купаютъ множество червонцевъ и продаютъ ихъ, какъ прочіе товары: торгующіе ими часто получаютъ великую прибыль: я видѣлъ, что за одинъ червонецъ иногда платили 24 алтына, или около 4 ливровъ, 16 су, иногда 16 алтынъ, нерѣдко и 2 руб.; обыкновенная же имъ цѣна — отъ 18 до 21 алтына. Столь непомѣрная дороговизна червонцевъ бываетъ во время Царскаго коронованія, или брака, также при крестинахъ: ибо каждый подноситъ Государю какіе нибудь подарки; а простолюдимы цѣлыми обществами приходятъ съ богатыми дарами, въ числѣ коихъ находятся обыкновенно червонцы, иногда въ кубкахъ, иногда въ серебряныхъ чашахъ, или на блюдахъ, покрытыхъ тафтою. Цѣнность сей монеты увеличивается также за нѣсколько дней до Пасхи: ибо въ продолженіе Святой недѣли, Россіяне, слѣдуя обычаю христосоваться другъ съ другомъ, вмѣстѣ съ красными яицами подносятъ Вельможамъ и своимъ покровителямъ какія нибудь драгоцѣнныя вещи, жемчугъ, или червонцы. Сей праздникъ есть единственное въ году время, когда Сановники могутъ принимать подарки, рублей въ 10 или въ 12; берутъ и болѣе, но тайно: въ противномъ случаѣ подвергаются наказанію.

Важнѣйшее въ Россіи достоинство есть санъ *Конюшаго Боярина*, за нимъ слѣдуетъ *Аптечный Боярин*ъ (58), главный начальникъ Медиковъ и Аптекарей; потомъ *Дворецкій* и наконецъ *Крайчій*: сіи четыре Сановника занимаютъ первыя мѣста въ Думѣ. Кромѣ того, при Дворѣ находится много другихъ чиновъ: Стольниковъ, Чашниковъ, Спряпчихъ, Жильцевъ и проч. (59). Царскую Гвардію составляютъ 10,000 Стрѣльцовъ, которые живутъ въ Москвѣ подъ начальствомъ одного Генерала, раздѣляясь на приказы, т. е. роты, въ 500 человѣкъ каждая; ротою предводительствуетъ *Голова*, по нашему Капитанъ; каждою сотнею *Сотникъ*, а десяткомъ *Десятникъ*, по нашему Капралъ; нѣтъ ни Лейтенантовъ, ни Прапорщиковъ. Каждый Капитанъ, смотря по заслугамъ, получаетъ жалованья отъ 30 и 40 до 60 рублей ежегодно, да земли въ такой же соразмѣрности отъ трехъ и четырехъ до пяти сотъ четвертей. (Словомъ четверть я всегда означаю особенную мѣру земли или аршанъ). Многіе изъ Сотниковъ, владѣя землею, получаютъ окладныхъ отъ 12 до 20 рублей; Десятники до 10 рублей, а Стрѣльцы по 4 и 5 рублей ежегодно; сверхъ того, каждому дается 12 четвертей ржи и столькоже овса. Когда

Царь отправляется за городъ, хотя бы не далѣе 6 или 7 верстъ, большая часть Стрѣльцевъ слѣдуетъ за нимъ на коняхъ изъ Царской конюшни; коней даютъ имъ и тогда, когда посылаютъ ихъ на войну, или для охраненія городовъ; сверхъ того, назначаются люди, которые готовятъ имъ пищу, и для каждаго десятка по одной телегѣ съ провіантомъ. Кромѣ Дворянъ, живущихъ постоянно въ Москвѣ, каждый городъ по возможности присылаетъ отъ 16 до 30 лучшихъ помѣстныхъ владѣльцевъ, именуемыхъ *Выборными Дворянами*: по прошествіи трехъ лѣтъ, они смѣняются другими. Симъ способомъ Царь всегда имѣетъ довольно кавалеріи, такъ что рѣдко выѣзжаетъ безъ 18 или 20,000 всадниковъ: ибо тогда всѣ люди, служащіе при Дворѣ, садятся на коней и слѣдуютъ за Государемъ. Многіе изъ Дворянъ по очереди проводятъ цѣлыя ночи во Дворцѣ безъ всякаго оружія. Царь, намѣреваясь принять какого нибудь Посла съ особеннымъ отличіемъ, приказываетъ Стрѣльцамъ выстроиться рядами, въ полномъ вооруженіи, по обѣимъ сторонамъ дороги, начиная отъ деревянныхъ, или каменныхъ воротъ до Посольскаго Двора. При семъ случаѣ Московскіе Дворяне и главнѣйшіе купцы являются въ весьма дорогихъ

одеждахъ, коихъ великолѣпіе сообразуется съ степенью уваженія къ Посланнику. Для таковыхъ случаевъ каждый Дворянинъ имѣетъ три или четыре перемѣнныхъ кафтана; иногда они получаютъ изъ казны платья парчевыя, изъ золотой и серебряной ткани Персидской, съ высокою шапкою чернаго лисьяго мѣха; иногда одѣваются въ *свѣтлое платье* ([60]), изъ объяри, камлота, или красиваго тонкаго сукна нѣжнаго цвѣта, съ золотыми вышивками, покрывая голову черною шапкою; въ иныхъ случаяхъ носятъ *чистыя платья* ([61]), т. е. нарядную одежду. Число и достоинство людей увеличивается или уменьшается, смотря по чести, оказываемой Посланнику. Встрѣтивъ его за городомъ, на выстрѣлъ изъ лука, а иногда на четверть льё, тамъ, гдѣ подводятъ ему и свитѣ лошадей изъ царской конюшни для въѣзда въ городъ, Дворяне провождаютъ его до Посольскаго Двора, предъ коимъ ставятъ стражей, не дозволяя никому входить въ оный, кромѣ назначенныхъ особъ. Никто изъ посольской свиты не можетъ прогуливаться по городу безъ особенныхъ проводниковъ, которые наблюдаютъ, куда пойдетъ чужеземецъ, что будетъ дѣлать и говорить. На границу также посылаютъ Приставовъ для ихъ продо-

вольствія; и не только Послы, но и всѣ иностранцы, желающіе служить Россійскому Государю, снабжаются и въ Москвѣ, и въ дорогѣ, каждый по достоинству, всѣми не обходимыми жизненными потребностями, какъ сами, такъ и лошади ихъ (это называется *кормомъ*). Содержаніе увеличиваютъ, или уменьшаютъ по повелѣнію Царя. Всѣ же припасы доставляетъ вѣдомство, именуемое Дворцовыхъ приказомъ.

Приступая къ описанію войска, прежде всего скажемъ о *Воеводахъ*, или Генералахъ: въ случаѣ войны, Царь возводитъ въ сіе достоинство Думныхъ Бояръ и Окольничихъ; въ мирное же время посылаетъ Воеводами ежегодно Думныхъ и Московскихъ Дворянъ на южные предѣлы, для отраженія набѣга Татарскихъ отрядовъ, которые нерѣдко опустошаютъ Русскія поля, уводятъ лошадей отъ гарнизоновъ; если же не встрѣтятъ сопротивленія, вредятъ и болѣе. Русское воинство раздѣляется на пять частей: авангардъ, который стоитъ подлѣ какого нибудь города на границахъ Татарскихъ; правое крыло — близъ другаго города; лѣвое крыло, главное войско и аррьергардъ; всѣ сіи отряды находятся въ разныхъ мѣстахъ (62). Но Воеводы, по

первому приказанію, должны соединиться съ главною арміею. Кромѣ Воеводъ, другихъ чиновъ военныхъ не бываетъ; впрочемъ, какъ конница, такъ и пѣхота состоитъ подъ начальствомъ Капитановъ; но у нихъ нѣтъ ни Лейтенантовъ, ни Прапорщиковъ, ни трубъ, ни барабановъ. Каждый Воевода имѣетъ свое особенное знамя, съ ликомъ Святаго, освященное Патріархомъ; держатъ оное два или три человѣка; сверхъ того, около 10 и 12 *набатовъ*, или мѣдныхъ барабановъ, возимыхъ лошадьми, столько же трубъ и нѣсколько гобоевъ. Ихъ употребляютъ только тогда, когда готовятся къ сраженію, или во время небольшой стычки, исключая одного набата, коимъ даютъ знакъ слѣзать съ коней или садиться на оныхъ.

Намѣреваясь открыть непріятеля въ обширныхъ степяхъ Татарскихъ, Россіяне поступаютъ слѣдующимъ образомъ: тамъ пролегаютъ дороги, именуемыя Царскою, Крымскою и путемъ великаго Хана; сверхъ того, изрѣдка растутъ одинокіе, разсѣянные дубы, удаленные одинъ отъ другаго на 8, 10 и до 40 верстъ. По большой части при каждомъ изъ нихъ становятся два стража съ готовыми конями: одинъ сторожитъ на вершинѣ дерева, а товарищъ его кормитъ коней, совсѣмъ осѣд-

ланныхъ. Всадники смѣняются чрезъ каждые четыре дня. Сидящій на вершинѣ дуба, замѣтивъ пыль въ отдаленіи, слѣзаетъ немедленно, не говоря ни слова садится на коня, скачетъ во весь опоръ къ другому дереву, кричитъ издали и показываетъ рукою, гдѣ видѣлъ непріятеля. Стражъ втораго дерева, находясь на вершинѣ, уже вдали замѣчаетъ скачущаго вѣстника и едва пойметъ изъ словъ его, или изъ знаковъ, съ какой стороны поднимается пыль, велитъ своему товарищу, смотрѣвшему за конями, скакать къ третьему дереву. Такъ, увѣдомляя другъ друга, даютъ знать ближней крѣпости и наконецъ самой Москвѣ, не принося иной вѣсти, кромѣ того, что видѣли непріятеля; а нерѣдко, вмѣсто людей, открывается конскій степной табунъ, или стадо дикихъ животныхъ. Но когда стражъ, остававшійся при первомъ деревѣ, также прискачетъ и подтвердитъ слова своего товарища; тогда, съ прибытіемъ вѣстника, воинство беретъ оружіе, а Воеводы соединяются и посылаютъ нарочныхъ развѣдать о силахъ непріятеля. О числѣ враговъ они узнаютъ иногда слѣдующимъ образомъ: недалеко отъ пути, которымъ идутъ Татары, скрываются разсыпанные въ разныхъ мѣстахъ дозоры; выждавъ время,

когда минуетъ непріятель, они выходятъ на слѣды и угадываютъ довольно вѣрно силы его по широтѣ дороги, протоптанной конями въ степяхъ, покрытыхъ высокою травою. Сію траву, выростающую гораздо выше цѣлой лошади, Россіяне зажигаютъ каждою весною для того, чтобы кони Татарскіе не имѣли корма и чтобы самая трава росла выше. Если же враги идутъ по дорогамъ, выше упомянутымъ, Россіяне столь же вѣрно узнаютъ число ихъ по глубинѣ слѣда, или по вихрямъ отдаленной пыли: вообще Татары избираютъ пути извѣстные и неохотно прокладываютъ новые, по степной травѣ, изъ опасенія утомить лошадей. Когда сторожевые дозоры, пробравшись тайными, знакомыми тропинками, принесутъ вѣсть о силахъ непріятельскихъ, Русскіе вожди отступаютъ къ какой нибудь рѣкѣ, или къ лѣсу, въ намѣреніи остановить врага. Но Татаринъ весьма ловокъ и проворенъ: забавляя Россіянъ перестрѣлкою 20 или 30,000 всадниковъ, въ то же время посылаетъ нѣсколько отрядовъ иными дорогами опустошать Царскія владѣнія. Сіи отряды столь быстро исполняютъ свое дѣло, что наносятъ ударъ прежде, нежели Русская армія узнаетъ о ихъ вторженіи. Впрочемъ Татары не

обременяютъ себя иною добычею, кромѣ плѣнниковъ, и не имѣютъ никакой поклажи, хотя у каждаго есть одна или двѣ запасныя лошади, отлично выѣзжанныя и послушныя. Сіи наѣздники столь искусны, что на всемъ скаку прыгаютъ съ одной лошади на другую; кромѣ лука, стрѣлъ и сабли, инаго оружія не вѣдаютъ; стрѣляютъ крѣпче и вѣрнѣе на бѣгу, нежели стоя неподвижно; для пищи запасаются мясомъ, высушеннымъ на солнцѣ и въ мелкіе кусочки изрѣзаннымъ; къ сѣдельному арчаку привязываютъ длинную веревку. Сотня Татаръ всегда разгонитъ двѣсти Россіянъ, исключая отборнѣйшихъ воиновъ; встрѣтивъ же Русскую пѣхоту, или Стрѣльцевъ, укрѣпившихся на рѣчномъ берегу, или въ засѣкѣ, они поспѣшно удаляются, хотя Россіяне, въ самомъ дѣлѣ, умѣютъ лучше пугать Татаръ, нежели вредить имъ: ибо, если отрядъ всадниковъ, тысячь въ пятнадцать или двадцать, рѣшится ихъ преслѣдовать, то подъ пушечнымъ выстрѣломъ остается неболѣе трехъ или четырехъ тысячь человѣкъ, сходствующихъ болѣе съ привидѣніями на ослахъ, нежели съ воинственными всадниками. Такъ удаляются Татары обыкновенно безъ большаго урона, если только Россіяне не займутъ переправы чрезъ рѣку, или прохода

въ лѣсахъ, ожидая возвращенія непріятеля. Но сіе рѣдко случается.

Конница составляетъ главную силу Русской арміи; она образуется изъ Дворянъ вышепоименованныхъ, изъ Дворянъ Выборныхъ, изъ великаго числа Дворянъ Городовыхъ, Дѣтей Боярскихъ и Сыновей Боярскихъ. Отряды называются по имени городовъ, въ округѣ коихъ Дворяне имѣютъ свои помѣстья; нѣкоторые города, на примѣръ, Смоленскъ, Новгородъ и другіе выставляютъ отъ 300 и 400 до 800 и 1200 всадниковъ. Подобныхъ городовъ весьма много. Вступая въ службу, каждый Дворянинъ обязанъ привести съ собою по одному всаднику и одному пѣхотинцу со 100 четвертей владѣемой земли; разумѣю время необходимое: иначе только сами они являются въ войско. Такъ собирается невѣроятное множество народа, но мало воиновъ.

Содержаніе Русскихъ Сановниковъ есть слѣдующее: Члены Совѣта получаютъ отъ 500 до 1200 рублей — (оклада, производимаго Князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому, занимавшему всегда первое мѣсто въ правленіе четырехъ Государей); Окольничіе отъ 200 до 400 рублей и земли отъ 1000 до 2000 четвертей (при мнѣ ихъ было до 15 человѣкъ);

Думные Дворяне, числомъ обыкновенно не болѣе шестии, отъ 100 до 200 рублей и земли отъ 800 до 1200 четвертей; Московскіе Дворяне отъ 20 до 100 рублей и земли отъ 500 до 1000 четвертей; Выборные Дворяне отъ 8 до 15 рублей; Городовые Дворяне отъ 5 до 12 рублей и земли до 500 четвертей. Оклады выдаются ежегодно, а земля назначается однажды; владѣльцы оной обязаны выставлять двухъ человѣкъ съ каждыхъ 100 четвертей, какъ выше сказано. Дѣти Боярскіе и Сыновья Боярскіе получаютъ жалованья 4, 5 и 6 рублей, выдаваемыхъ одинъ разъ въ теченіе шести и семи лѣтъ, кромѣ земли по 100 и 300 четвертей. Служба ихъ соотвѣтствуетъ обыкновенно жалованью: смотрятъ только за тѣмъ, чтобы опредѣленное число всегда было полно.

Главнѣйшіе изъ Дворянъ обязаны имѣть кольчугу, шишакъ, копье, лукъ и стрѣлы, и приводить служителей исправныхъ; другіе должны являться на добрыхъ коняхъ съ лукомъ, стрѣлами и саблею. Такимъ образомъ Царь собираетъ многочисленное войско изъ людей, худо вооруженныхъ, незнакомыхъ ни съ порядкомъ, ни съ искусствомъ, часто болѣе вредныхъ, нежели полезныхъ во время войны. Къ нимъ присоединяютъ до 20,000 всадниковъ Ка-

занскихъ и Черемисскихъ; до 7 или 8,000 наѣздниковъ Мордовскихъ и Ташарскихъ, подвластныхъ Россіи, коимъ опредѣлено жалованья отъ 8 до 30 рублей; около 4,000 Черкассовъ, до 2500 Нѣмцевъ, Поляковъ и Грековъ, съ окладами отъ 12 до 60 рублей (нѣкоторые Капитаны ихъ получаютъ до 120 рублей, кромѣ земли отъ 600 до 1000 четвертей). Наконецъ Патріархъ, Епископы, Игумены и другіе Духовные владѣльцы помѣстій высылаютъ *Людей Даточныхъ*, а именно: со 100 четвертей одного всадника и одного пѣхотинца; въ случаѣ надобности Святители даютъ, вмѣсто ратниковъ, военные снаряды и множество лошадей для артиллеріи, Стрѣльцевъ и разныхъ Сановниковъ: такова Русская кавалерія.

Въ Россію лошади приводятся наиболѣе изъ Ташаріи Ногайской: ихъ называютъ *конялли;* онѣ роста средняго, весьма удобны для работы и бѣгутъ безъ отдыха 7 или 8 часовъ; но если слишкомъ упомятся и выбьются изъ силъ, то потребно 4 или 5 мѣсяцевъ для ихъ поправленія; весьма дики и пугаются ружейнаго выстрѣла; обыкновенно бываютъ неподкованы, какъ и Русскія; многія овса не ѣдятъ вовсе и пріучаются къ нему исподоволь, ежели хозяинъ намѣренъ кормить онымъ.

Сверхъ того, Россіяне покупаютъ изрѣдка жеребцевъ Черкасскихъ (63), которые весьма красивы, но въ продолжительной ѣздѣ не столь крѣпки и быстры, какъ Ногайскіе кони; есть лошади Турецкія и Польскія, именуемыя *аргамаками;* между ими попадаются хорошія; всѣ аргамаки вообще мерины. У Ногайцевъ бываютъ иногда небольшія, весьма красивыя лошадки бѣлыя съ черными пятнами, какъ тигры или леопарды, будто бы разрисованныя. Лошади Русскія, называются *мериналш* (64): онѣ малорослы, но крѣпки, особенно изъ окрестностей Вологды, и гораздо понятливѣе Ногайскихъ. Татарская лошадь, или Русская, весьма красивая и добрая, купленная за 20 рублей, прослужитъ долѣе аргамака, цѣною въ 50, 60 и 100 рублей. — Въ Россіи лошади чаще хвораютъ, нежели во Франціи, особенно отъ болѣзни, именуемой Марица (65). Это — гной, накопляющійся въ груди животнаго. Если не истребятъ его немедленно, онъ бросается въ ноги и тогда нѣтъ спасенія. Хозяинъ, при первомъ знакѣ болѣзни, тотчасъ разсѣкаетъ кожу на груди, почти между ногъ, вкладываетъ въ рану конецъ веревки, свитой изъ пеньки съ древесною корою и натертой

варомъ; потомъ гоняетъ лошадь раза два или три ежедневно, до сильнаго пота, часто передвигая веревку; дня черезъ три или четыре, гной созрѣетъ и выпечется изъ раны. По прошествіи 15 дней или 3 недѣль, веревку вынимаютъ и рана закрывается, лошадь же послѣ сего дѣлается совершенно здоровою. Въ предупрежденіе этой болѣзни, обыкновенно гоняютъ лошадей въ рѣку, лишь только распаетъ ледъ, и держатъ ихъ въ водѣ по самую шею, часъ или два, до тѣхъ поръ, когда онѣ отъ сильнаго озноба почти не могутъ стоять. Это повторяется около 15 дней сряду; послѣ чего, онѣ становятся бодрыми и живыми. Сверхъ того, лошади Татарскія и Русскія бываютъ весьма одышливы, употребляются въ работу не моложе 7 или 8 лѣтъ, и служатъ до 20-ти. Я видалъ впрочемъ лошадей 25 и 30 лѣтъ, по наружности не старѣе 10 или 12, еще способныхъ къ работѣ. Наконецъ — въ Россіи попадаются весьма хорошіе иноходцы.

Лучшая пѣхота, какъ сказано, состоитъ изъ Стрѣльцевъ и Казаковъ. Первыхъ въ Москвѣ 10,000. Сверхъ того, въ каждомъ городѣ, отстоящемъ на 100 верстъ отъ предѣловъ Татаріи, смотря по величинѣ крѣпостей, находятся гарнизоны изъ 60, 80 и 150 Стрѣльцевъ;

въ городахъ же пограничныхъ содержатъ ихъ гораздо болѣе. Казаки бываютъ разные: однихъ располагаютъ зимою въ городахъ Заокскихъ, выдавая имъ отъ казны стрѣлецкое жалованье, хлѣбъ, порохъ и свинецъ; другіе, владѣя землями, не трогаются съ мѣста; изъ сихъ не болѣе 5 или 6,000 употребляютъ оружіе. Настоящіе Казаки обитаютъ въ степяхъ Татарскихъ, по берегамъ Волги, Дона и Днѣпра; часто они вредятъ Татарамъ болѣе, нежели вся Русская армія. Государь даетъ имъ небольшое содержаніе, не отнимая права — какъ говорятъ — дѣлать зло, сколько могутъ. Имъ дозволено, временемъ, приходить въ пограничные города, продавать тамъ добычу и покупать необходимыя для себя вещи. Царь, намѣреваясь воспользоваться ихъ оружіемъ, посылаетъ имъ порохъ, свинецъ и отъ 7 до 10,000 рублей. Они всегда первые приводятъ Татарскихъ плѣнниковъ, отъ коихъ Русскій Дворъ узнаетъ замыслы непріятеля. Тому, кто возметъ и представитъ плѣнника, даютъ изъ казны обыкновенно конецъ хорошаго сукна и камки на два платья, 40 кунницъ, серебряную чашу и 20 или 30 рублей. Сіи Казаки въ случаѣ надобности, по Царскому повелѣнію, оставляютъ свои жилища и въ числѣ 10,000 усили-

ваютъ Русскую армію. (Впрочемъ Днѣпровскіе безпрестанно грабятъ Подолію). Къ нимъ присоединяютъ людей даточныхъ, со ста четвертей по одному человѣку, — поселянъ, болѣе способныхъ управлять сохою, чѣмъ оружіемъ, хотя по виду похожихъ на Казаковъ: и тѣ и другіе надѣваютъ кафтаны за колѣна, не шире фуфайки, съ длиннымъ отложнымъ воротникомъ, висящимъ до пояса. Одни изъ сихъ рашниковъ, дѣйствующіе вмѣстѣ съ Казаками, должны имѣть ружья, два фунта пороха, четыре фунта свинца и саблю. Другіе же, находясь въ распоряженіи своихъ владѣльцевъ, вооружаются лукомъ, стрѣлами и рогатиною, удобною только для встрѣчи медвѣдя, выходящаго изъ берлоги. Сверхъ того, въ случаѣ необходимости, купцы выставляютъ людей по своимъ средствамъ, кто три, кто четыре, болѣе или менѣе.

Когда Казаки приведутъ плѣнниковъ — что случается обыкновенно въ началѣ Великаго поста — и Дворъ свѣдаетъ, собирается ли Татаринъ; тогда, судя по вѣстямъ, Русское Правительство разсылаетъ повелѣнія по всему Государству, чтобы до растаянія снѣговъ, каждый отправлялъ на саняхъ съѣстные припасы въ тѣ города, близъ коихъ опредѣлено ожидать непріятеля. Провіантъ Русской арміи

составляютъ: *сухари*, т. е. хлѣбъ, изрѣзанный въ мелкіе куски и высушенный въ печкѣ; *крупа* ячная, просяная, а наиболѣе гречневая ([66]); *толокно*, т. е. поджаренный и высушенный овесъ, измолотый въ муку (его употребляютъ разнымъ способомъ, въ видѣ кушанья и питья: смѣшавъ въ доброй чашѣ двѣ или три горсти толокна съ водою и двумя или тремя щепотями соли, воины выпиваютъ эту смѣсь, считая ее вкусною и здоровою); соленое и копченое мясо баранье, свиное и рогатаго скота; масло, сыръ истолченный въ муку — его пьютъ съ водою; большое количество хлѣбнаго вина; наконецъ рыба сушеная и соленая, которую ѣдятъ сырую. Это пища начальниковъ: воины довольствуются сухарями, гречневою крупою и толокномъ, съ небольшимъ количествомъ соли. — (Безъ подножнаго корма Россіяне рѣдко выходятъ въ поле воевать съ Татарами, наблюдая то же правило въ войнѣ и съ прочими врагами, если только не бываетъ нечаяннаго вторженія). — Для содержанія войска Царь болѣе ничего не тратитъ какъ въ военное, такъ и въ мирное время, исключая наградъ за какія нибудь заслуги, напримѣръ: кто приведетъ плѣнника, убьетъ непріятеля, получитъ рану или

отличится другимъ образомъ, тому даютъ деньги, смотря по заслугѣ, кусокъ парчи или другой шелковой матеріи на платье.

Русскіе Цари имѣютъ сношеніе съ Императоромъ Римскимъ, Королями Англійскимъ и Датскимъ и Шахомъ Персидскимъ; прежде они были въ союзѣ съ Королями Польскимъ и Шведскимъ; но теперь съ ними дружны только по виду, ибо не довѣряютъ одинъ другому, ожидая войны съ часа на часъ. Между Россіею и Турціею въ теченіе 40 лѣтъ было только два взаимныхъ посольства съ тѣхъ поръ, какъ Турки сняли осаду Астрахани, которую думали завоевать при помощи Ногайскихъ Татаръ и Пятигорскихъ Черкесовъ, т. е. жителей Георгіи (67); и хотя Царь не воюетъ теперь съ Султаномъ, однако между ними нѣтъ ни сношеній, ни привѣтствій уже лѣтъ 30, какъ будто они еще болѣе отдалены другъ отъ друга. Въ теченіе сего времени Русскій Государь велъ войну только съ Крымскими Татарами и съ Пятигорскими Черкесами, построивъ на ихъ землѣ и предѣлахъ четыре или пять городовъ и крѣпостей, изъ коихъ главные суть Терки и Самара (68). Въ 1605 году Черкесы взяли одну крѣпость, ближайшую къ своимъ предѣламъ, при помощи Турковъ;

но это дѣло было не важное. Сіи воинственные, ловкіе и быстрые наѣздники, вооруженные легкими лапами изъ крѣпкой стали, всѣ употребляютъ копья или дротики. Они могли бы весьма много вредить Россіи, хотя отдѣляются отъ нея Волгою, обитая между Каспійскимъ и Чернымъ морями, еслибъ были столь же многочисленны, какъ и другіе ея сосѣды.

Возвратимся къ Борису Ѳеодоровичу. Принявъ Царскую корону 1 Сентября 1598 года, онъ началъ властвовать мирно, счастливѣе всѣхъ предшественниковъ; но вскорѣ совершенно измѣнился: пересталъ разсматривать жалобы и просьбы, которыя прежде самъ выслушивалъ, скрывался во Дворцѣ, рѣдко показывался народу и то съ недоступными обрядами, неизвѣстными древнимъ Государямъ. Имѣя сына и дочь, онъ задумалъ соединиться родствомъ съ Вѣнценосцами иноземными, въ намѣреніи утвердить и упрочить какъ себя, такъ и свое поколѣніе на Царскомъ престолѣ; въ то же время наказывалъ ссылкою людей подозрительныхъ, заставлялъ Бояръ заключать браки по своему произволу и соединялъ узами свойства главнѣйшихъ, наиболѣе полезныхъ себѣ Вельможъ, съ своимъ домомъ. Въ Москвѣ оста-

лось не болѣе пяти или шести знатныхъ поколѣній, съ коими онъ не породнился; къ числу ихъ принадлежало семейство Мстиславскаго. Одна изъ сестеръ сего Боярина была въ замужествѣ за Царемъ Симеономъ, другая же оставалась дѣвицею: Борисъ приказалъ ее, противъ воли, постричь въ Монахини, а Мстиславскому запретилъ жениться. Былъ еще родъ Шуйскихъ, состоявшій изъ трехъ братьевъ. Желая сблизиться съ симъ домомъ, Борисъ выдалъ за средняго брата, именемъ Димитрія, сестру своей супруги, не дозволивъ старшему помышлять о бракѣ — то былъ Князь Василій Ивановичь Шуйскій, нынѣшній Государь Московскій: Борисъ опасался, чтобы нѣсколько домовъ, соединясь узами родства, не вздумали сопротивляться ему; съ тою же мыслію удалилъ въ ссылку Царя Симеона, женатаго на сестрѣ Мстиславскаго. Въ день своего рожденія, день, который празднуютъ во всей Россіи съ великимъ торжествомъ, Царь обрадовалъ заточеннаго Симеона надеждою скораго освобожденія и прислалъ ему при своемъ письмѣ вина Испанскаго: Симеонъ и служитель его, выпивъ вина за Царское здоровье, оба въ короткое время ослѣпли; Царь Симеонъ слѣпъ и теперь.— Я слышалъ это изъ собственныхъ устъ его.

Во второй годъ своего правленія, Борисъ успѣлъ заманить въ Россію Густава, сына Короля Шведскаго Эрика, низложеннаго съ престола роднымъ братомъ Іоанномъ, Королемъ Шведскимъ, — въ надеждѣ сочетать съ Принцемъ собственную дочь, если бы нашелъ его сообразнымъ съ своими видами. Густавъ, принятый весьма великолѣпно, получилъ драгоцѣнные дары отъ Государя: серебряную посуду для своего дома, множество золотой и серебряной парчи Персидской, бархата, атласа и другихъ шелковыхъ тканей для всей свиты, дорогіе каменья, золотыя цѣпи, жемчужныя ожерелья, красивыхъ коней со всѣмъ уборомъ, всякаго рода мягкую рухлядь и 10,000 рублей деньгами, сумму незначительную въ сравненіи съ дарами. Вшествіе Принца въ Москву было Царское. Но онъ худо себя велъ; его удалили, какъ опальнаго, въ городъ Угличь, — мѣсто убіенія мнимаго Димитрія Іоанновича, — гдѣ при хорошемъ хозяйствѣ, онъ могъ имѣть до 4,000 рублей дохода ежегодно.

Въ 1600 году прибылъ изъ Польши великій Посолъ Левъ Сапѣга, нынѣ Канцлеръ Литовскій. Заключивъ миръ на 20 лѣтъ, онъ долго, противъ воли, жилъ въ Москвѣ, т. е. съ Августа мѣсяца до конца Великаго поста

1601 года, по случаю Борисовой болѣзни. Принимая отпускную грамоту, Сапѣга цѣловалъ Царскую руку. Въ сей день Борисъ явился въ пріемной палатѣ на Царскомъ тронѣ, съ короною на головѣ, со скипетромъ въ деснцѣ; держава лежала предъ нимъ, сынъ сидѣлъ подлѣ него по лѣвую сторону; Члены Совѣта и Окольничіе занимали мѣста кругомъ всей палаты на скамьяхъ, въ одеждѣ изъ драгоцѣнной парчи, обшитой жемчугомъ, въ высокихъ шапкахъ черныхъ лисьихъ; по обѣимъ сторонамъ Государя стояли по два молодыхъ Боярина (69), одѣтыхъ въ бархатные бѣлые кафтаны, обложенные кругомъ на полфута шириною горностаемъ, въ высокихъ бѣлыхъ шапкахъ, съ двумя огромными золотыми цѣпями, висящими на груди крестообразно: каждый изъ нихъ держалъ дорогія сѣкиры изъ Дамасской стали, подъятыя на плечо, какъ бы для удара, — величіе неизъяснимое! Пространная палата, гдѣ проходятъ Послы, наполнена лавками, на коихъ сидятъ другіе Дворяне, также одѣтые въ парчевыя платья— иначе не льзя явиться въ Дворецъ. Во время шествія Посла, они сидятъ неподвижно, наблюдая столь глубокое молчаніе, что зала кажется пустою. Такъ принимаются Послы

обыкновенно. — Сапѣга обѣдалъ въ присутствіи Царя, вмѣстѣ съ своею свитою до 300 человѣкъ. Всѣ они были угощаемы на золотой посудѣ, которой весьма много — (разумѣю блюды, о тарелкахъ и салфеткахъ нечего и упоминать: самъ Царь ихъ не употребляетъ); — ѣли весьма хорошую рыбу, но худо приготовленную: это случилось постомъ, когда не вкушаютъ ни яицъ, ни масла, ни молока; попивъ довольно за здравіе обоихъ Вѣнценосцевъ, Сапѣга отправился съ добрыми и честными дарами.

По старинному обычаю, при Царскомъ столѣ бываетъ весьма пышная услуга — изъ 200 или 300 Дворянъ ([70]), одѣтыхъ въ кафтаны изъ золотой и серебряной Персидской парчи, съ длинными воротниками, висящими по спинѣ на добрыхъ полфута и унизанными жемчугомъ. На головѣ у нихъ шапки, осыпанныя жемчугомъ, безъ полей, похожія на суповыя миски съ отбитыми ручками; на сіи надѣваютъ другія высокія шапки изъ чернаго лисьяго мѣха; а на грудь вѣшаютъ большія золотыя цѣпи. Число Дворянъ сихъ соразмѣрно числу гостей. Они подносятъ яства Государю и держатъ оныя до тѣхъ поръ, пока онъ потребуетъ того или другаго блюда. Пиръ бываетъ такимъ

образомъ: когда Царь сядетъ за столъ и Послы, или другія званыя особы, также займутъ свои мѣста, — Дворяне въ вышеупомянутомъ уборѣ подходятъ по два въ рядъ къ Царскому столу, дѣлаютъ низкій поклонъ и удаляются попарно, одни за другими, въ кухню за яствами, которыя подносятъ потомъ Государю; но прежде, нежели подадутъ кушанья, разставляютъ по всѣмъ столамъ въ серебряныхъ кувшинахъ водку, наливаемую въ небольшія чаши. — На столахъ кромѣ хлѣба, соли, уксуса и перца, нѣтъ болѣе ничего, ни тарелокъ, ни салфетокъ. — Между тѣмъ, какъ угощаемыя особы пьютъ водку, Царь разсылаетъ каждому изъ нихъ въ особенности ломоть хлѣба, называя громко по имени того, кому назначаетъ оный: тотъ встаетъ — и ему подносятъ хлѣбъ, съ сими словами: *Царь Господарь и Великій Князь *** всея Руссіи жалуетъ тебѣ* (71); онъ беретъ хлѣбъ съ низкимъ поклономъ и садится; также подносятъ и прочимъ. Потомъ, когда Царь тѣмъ же порядкомъ раздаетъ главнымъ особамъ по одному блюду съ кушаньемъ, на всѣ столы подаютъ яства въ великомъ изобиліи. За симъ Царь посылаетъ каждому отдѣльно кубокъ, наполненный виномъ Испанскимъ съ тѣми же словами и обрядами,

какъ выше сказано. Когда обѣдъ зайдетъ за половину и Царь разошлетъ гостямъ снова по большой чашѣ съ какимъ нибудь краснымъ медомъ (онъ бываетъ разныхъ сортовъ); тогда приносятъ и ставятъ по столамъ огромныя серебряныя ведра съ бѣлымъ медомъ, который черпаютъ ковшами. По мѣрѣ того, какъ одни сосуды опоражниваются, подаютъ другіе съ напитками, болѣе или менѣе крѣпкими, по желанію пирующихъ. За симъ Царь посылаетъ каждому чрезъ чашу съ крѣпкимъ медомъ или ароматнымъ виномъ; а по окончаніи обѣда четвертую и послѣднюю, наполненную *паточнымъ* медомъ (72), напиткомъ весьма вкуснымъ, легкимъ и, какъ вода ключевая, прозрачнымъ. Въ заключеніе — жалуетъ блюдо кушанья каждому изъ пирующихъ для домашнихъ; причемъ яства, даримыя особамъ наиболѣе приближеннымъ, Государь сначала самъ отвѣдываетъ. Какъ при семъ случаѣ, такъ и въ продолженіе всего пира, повторяются тѣ же слова, о коихъ выше упомянуто. Кромѣ гостей, Царь посылаетъ по одному блюду на домъ каждому Дворянину и вообще всѣмъ лицамъ, при Дворѣ уважаемымъ. Сіи, такъ называемыя *подачи*, раздаются не только во время праздника, но и всякой день непремѣнно.

Если Государь, послѣ торжественнаго пріема, не намѣренъ угощать Посла, согласно обычаю, то посылаетъ обѣдъ къ нему слѣдующимъ образомъ: знатный Дворянинъ въ парчевой одеждѣ, съ вышитымъ воротникомъ, въ шапкѣ унизанной жемчугомъ, отправляется верхомъ объявить Послу Царское милостивое слово и вмѣстѣ съ нимъ обѣдать; 15 или 20 служителей идутъ вокругъ его лошади; за ними слѣдуютъ попарно: двое Стрѣльцевъ съ скатертями, сложенными свитькомъ; двое съ солонками; двое съ уксусомъ въ склянкахъ; двое съ парою ножей и парою ложекъ драгоцѣнныхъ; шесть человѣкъ съ хлѣбомъ; потомъ съ водкою; за ними несутъ съ дюжину серебряныхъ сосудовъ, въ три шопина каждый, наполненныхъ разными винами, наиболѣе крѣпкими Испанскимъ, Канарскимъ и другими; послѣ того, сколько же огромныхъ покаловъ Нѣмецкой работы. Далѣе кушанья: холодное (подаваемое сначала), горячее, жареное и пирожное — все въ большихъ серебряныхъ блюдахъ; а въ случаѣ особеннаго Царскаго благоволенія, вся посуда бываетъ золотая. Потомъ — до 18 или 20 огромныхъ оловянниковъ съ медомъ разныхъ сортовъ: ихъ поднимаютъ два человѣка; за ними идутъ человѣкъ 12, каждый съ пятью или

шествію большими ковшами. Шествіе заключаютъ двѣ или три телеги съ медомъ и пивомъ для прислуги. Всѣ припасы несутъ Стрѣльцы, весьма опрятно одѣтые. Я видалъ человѣкъ 300 или 400, которые вышеписаннымъ порядкомъ несли кушанья и напитки для одного обѣда; видалъ также, что въ одинъ день посылали три обѣда разнымъ Посламъ, одному болѣе, другому менѣе, но всегда съ тѣми же обрядами, какъ выше сказано.

Въ 1601 году начался достопамятный трехлѣтній голодъ: мѣра хлѣба возвысилась въ цѣнѣ отъ 15 су до 3 рублей, т. е. до 20 ливровъ. Въ сіи три года случались дѣла ужасныя, почти невѣроятныя; казалось обыкновеннымъ, если мужъ бросалъ жену и семейство, если жена умерщвляла мужа, мать своихъ дѣтей — и съѣдали ихъ. Я видѣлъ четырехъ женщинъ, которыя, бывъ оставлены мужьями, рѣшились на слѣдующій поступокъ: одна пошла въ рынокъ и, сторговавши возъ дровъ, привела крестьянина на свой дворъ, обѣщая отдать ему деньги; но лишь только онъ сложилъ дрова и явился въ избу для полученія платы, женщины удавили его и, спрятавъ тѣло въ погребъ, чтобы не повредилось, хотѣли сначала съѣсть лошадь убитаго. Когда

же убійство обнаружилось, онѣ признались, что умерщвленный крестьянинъ былъ третьею жертвою. — Голодъ свирѣпствовалъ съ такою силою, что, кромѣ умершихъ въ другихъ городахъ, въ одной Москвѣ погибло отъ него болѣе 120,000 людей, похороненныхъ за городомъ на трехъ кладбищахъ ждавшеніемъ Государя, повелѣвшаго выдавать даже саваны для погребенія. Столь великая смертность въ Москвѣ произошла отъ того, что Царь Борисъ приказалъ раздавать ежедневно милостыню всѣмъ бѣднымъ обитателямъ столицы каждому по московкѣ, т. е. около 7 денаріевъ. Услышавъ о таковой щедрости Государя, жители окрестные устремились въ Москву, хотя нѣкоторые изъ нихъ еще имѣли средства кормиться; прибывъ же въ столицу съ пустыми руками, не могли содержать себя означенною милостынею, не смотря на то, что каждый большій праздникъ и воскресенье получали по деньгѣ, т. е. вдвое; посему терзаемые голодомъ, одни умирали на улицахъ, другіе дорогою на возвратномъ пути: наконецъ Борисъ, узнавъ, что со всего Государства народъ двинулся въ столицу на явную смерть, оставляя города и села, повелѣлъ раздачу денегъ прекратить. Тогда открылось зрѣлище неописанное; по дорогамъ

лежали мертвые и умирающіе отъ холода и голода. Сумма, выданная Борисомъ для бѣдныхъ, невѣроятна: не говоря о Москвѣ, во всей Россіи не было города, куда бы онъ не посылалъ денегъ болѣе или менѣе для раздачи народу. Я знаю, что въ Смоленскъ отправлено было съ однимъ изъ моихъ знакомыхъ 20,000 рублей. Къ чести сего Царя должно замѣтить, что онъ охотно раздавалъ щедрыя милостыни и награждалъ Духовенство, которое также было ему предано. Голодъ весьма уменьшилъ и силы и доходы Государственные (73).

Въ началѣ Августа 1602 года, посѣтилъ Россію Герцогъ Іоаннъ, братъ Христіерна, Короля Датскаго, съ намѣреніемъ жениться на Царской дочери. Онъ принятъ былъ съ великими почестями, по Русскому обычаю; въ свитѣ его находилось около 200 человѣкъ, а почетная стража состояла изъ 24 Стрѣльцевъ и 24 Алебардщиковъ. Черезъ три дня послѣ пріѣзда, Герцогъ представлялся въ Золотой палатѣ Государю, который принялъ его ласково, называя сыномъ, и посадилъ рядомъ съ Царевичемъ Ѳеодоромъ. По окончаніи аудіенціи, гость обѣдалъ вмѣстѣ съ Его Величествомъ. Случай безпримѣрный: по Русскимъ обычаямъ, никто, кромѣ Государевыхъ сыно-

вей, не можетъ сидѣть за Царскимъ столомъ. Послѣ угощенія, Герцогъ, щедро одаренный, удалился въ назначенный ему домъ. Дней чрезъ 15 онъ сдѣлался боленъ, какъ думаютъ, отъ неумѣренности, и вскорѣ умеръ. Царь посѣтилъ его прежды во время болѣзни, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ; долго сокрушался и прогнѣвался на всѣхъ медиковъ. Не дозволивъ бальзамировать усопшаго, — что несогласно съ Русскою вѣрою, — Борисъ повелѣлъ схоронить его въ Нѣмецкой церкви, версты двѣ за городомъ; все Дворянство провождало гробъ и присутствовало на похоронахъ. Три недѣли Царь и Вельможи носили трауръ. Чрезъ нѣсколько недѣль скончалась сестра его, вдова Царя Ѳеодора Іоанновича: она погребена въ Дѣвичьемъ монастырѣ.

Между тѣмъ недовѣрчивость и подозрѣнія безпрестанно тревожили Бориса: онъ удалялъ неоднократно Шуйскихъ, наиболѣе для него опасныхъ, хотя одинъ изъ нихъ женатъ [illegible] на Царской свояченицѣ; пытали многихъ людей невинныхъ только за то, что они [illegible] сѣщали иногда Шуйскихъ, даже и въ то время, когда сіи послѣдніе были въ милости. Ни одинъ медикъ не дерзалъ, подъ опасеніемъ ссылки, пользовать Вельможъ, безъ именнаго при-

казанія Государя (во всей Россіи никогда не было другихъ аптекъ и лекарей, кромѣ Царскихъ). Наконецъ съ 1600 года, когда разнеслась молва о Димитріи Іоанновичѣ, Борисъ занимался ежедневно только изтязаніями и пытками: рабъ, клеветавшій на своего господина въ надеждѣ сдѣлаться свободнымъ, получалъ отъ Царя награжденіе; а господина его, или главнаго изъ служителей дома подвергали пыткѣ, дабы исторгнуть признаніе въ томъ, чего онъ никогда не дѣлалъ, не слыхалъ и не видалъ. Димитріеву мать вывели изъ ея монастыря и удалили отъ Москвы верстъ за 600. Въ столицѣ весьма немногіе изъ знатныхъ семействъ спаслись отъ подозрѣній тирана, по наружности милосердаго: ибо во все время своего царствованія, до появленія Димитрія въ Россіи, онъ не казнилъ и десяти человѣкъ всенародно, кромѣ нѣкоторыхъ мошенниковъ, пойманныхъ изъ шайки до 500 человѣкъ; но тайно терзалъ весьма многихъ особъ, иныхъ наказывалъ заточеніемъ, другихъ умерщвлялъ ядомъ и безчисленное множество утопилъ. При всемъ томъ не нашелъ отрады.

Въ 1604 году обнаружилось то, чего онъ столько опасался: Димитрій Іоанновичъ, сынъ Царя Іоанна Васильевича, убіенный, какъ ду-

мали, въ городѣ Угличѣ, отъ Подольскихъ предѣловъ вступилъ въ Россію съ 4,000 воиновъ. Ему покорились одна за другою крѣпости Черниговъ, Путивль, Рыльскъ, Кромы, Карачевъ и многія иныя, послѣ кратковременнаго сопротивленія; со стороны же Татаріи: Царевъ-городъ, Борисовъ, Бѣлгородъ, Ливны и другія мѣста. Увеличивъ такимъ образомъ свои силы, онъ осадилъ построенную на горѣ крѣпость Новгородъ Сѣверскій, гдѣ начальствовалъ Петръ Ѳедоровичь Басмановъ. Сей Воевода оборонялся такъ упорно, что Димитрій не могъ овладѣть Новгородомъ. Между тѣмъ, Царское войско 15 Декабря верстъ на десять приблизилось къ его отряду. Князь Ѳедоръ Иваповичь Мстиславскій, главный вождь Борисов[illegible] ожидалъ еще подкрѣпленія; но 20 числа [illegible]лось. Послѣ двухъ или трехъ часо[illegible]е-пріятели разошлись безъ важнаго у[illegible] ко Димитрій при семъ случаѣ упус[illegible] рукъ побѣду, отъ явной неопытности Капитановъ въ военномъ искусствѣ: во вр[illegible] схватки, три Польскіе отряда бросились на одинъ Русскій батальонъ столь стремительно, что опрокинули его на правое крыло и потомъ на главный корпусъ; вся Царская рать поколебалась и въ смятеніи обратила

врагамъ тылъ; уцѣлѣло одно лѣвое крыло. Если бы въ сію минуту другіе 400 всадниковъ ударили во флангъ, или въ другой баталіонъ, уже полуразстроенный: то нѣтъ сомнѣнія, что четыре Польскіе отряда разбили бы все Русское войско. Главный вождь Мстиславскій, сбитый съ коня, получилъ три или четыре раны въ голову, и дружина Стрѣльцевъ едва спасла его отъ плѣна. Казалось, у Россіянъ не было рукъ для сѣчи, хотя число ихъ простиралось отъ 40 до 50,000. Послѣ сей битвы, оба войска ничего не дѣлали до Рождества Христова; Царскіе же Воеводы послали въ Москву нѣсколько плѣнниковъ и въ числѣ ихъ Капитана Польской кавалеріи, Домараскаго.

28 Декабря Димитрій Іоанновичъ снялъ осаду Н[illegible], не имѣя надежды взять его, [illegible] страну Сѣверскую, весьма [illegible]. гдѣ Поляки большою частію его [illegible]. Не теряя бодрости, онъ собралъ [illegible] сколько могъ, Русскихъ, Польскихъ, [illegible]овъ, и присоединилъ къ нимъ довольно земдѣльцевъ, пріучивъ ихъ владѣть оружіемъ. Борисъ, имѣя запасное войско близъ Кромъ, усиливалъ ежедневно главную рать свою, которая преслѣдовала Димитрія, но такъ медленно, что, казалось, не имѣла охоты къ

сраженію: цѣлый мѣсяцъ блуждала по лѣсамъ и дубравамъ, и наконецъ снова приблизилась къ отряду непріятельскому. Димитрій, узнавъ, что войско Борисово тѣснится въ одной деревнѣ такъ, что не можетъ двигаться, рѣшился ночью напасть на оное врасплохъ и приказалъ тамошнимъ жителямъ, знавшимъ всѣ выходы, зажечь село; но дозоры замѣтили поджигателей — и Россіяне изготовились къ битвѣ. На разсвѣтѣ 21 Января 1605 года, войска сразились. Послѣ небольшой стычки, когда началась съ обѣихъ сторонъ пушечная пальба, Димитрій приказалъ своей главной конницѣ спуститься въ лощину и отрѣзать Царскую рать отъ деревни. Замѣтивъ сіе, Мстиславскій двинулъ впередъ правое крыло, съ двумя отрядами Иноземцевъ, и предупредилъ непріятеля. Но предводитель Польскихъ всадниковъ рѣшился рѣдкою отвагою сломить враговъ, заслонившихъ ему дорогу: онъ бросился съ десяткомъ хоругвей на правое крыло Россіянъ съ такою яростію, что послѣ нѣкотораго сопротивленія Иноземцевъ, оно разбѣжалось — и между тѣмъ, какъ главная рать Царская стояла неподвижно, въ какомъ — то безчувственномъ оцѣпенѣніи, — Полякъ повернулъ вправо къ селу, гдѣ находилась большая

часть Русской пѣхоты съ нѣсколькими орудіями. Сія пѣхота допустила непріятеля весьма близко и залпомъ изъ 10 или 12,000 ружей такъ встрѣтила Поляковъ, что объятые ужасомъ, они поворотили коней въ совершенномъ разстройствѣ. Остальная конница и пѣхота Польская, думая, что дѣло выиграно, неслись во весь духъ къ деревнѣ; но, увидѣвъ своихъ въ безпорядкѣ бѣгущихъ, — спѣшили удалиться, бывъ преслѣдуемы 5 или 6,000 всадниковъ, на пространствѣ 7 или 8 верстъ. Димитрій потерялъ почти всю свою пѣхоту, 15 знаменъ и штандартовъ, 13 орудій, оставивъ на мѣстѣ 5 или 6,000 убитыми, кромѣ плѣнныхъ. Изъ числа послѣднихъ измѣнившіе Борису были повѣшаны среди войска; а прочихъ вмѣстѣ съ знаменами, трубами и барабанами торжественно водили по столицѣ (74).

Димитрій съ остальными силами удалился въ Путивль, гдѣ оставался до Мая мѣсяца; Полководцы же Борисовы осаждали Рыльскъ, покорившійся Димитрію, но въ 15 дней ничего не сдѣлавъ, сняли осаду и хотѣли распустить на нѣсколько мѣсяцевъ свое войско, весьма утомленное. Борисъ, свѣдавъ о семъ, запретилъ строго увольнять воиновъ. И такъ, послѣ кратковременнаго отдохновенія въ Сѣ-

верской землѣ, Мстиславскій и Князь Василій Ивановичь Шуйскій, присланный ему въ товарищи, двинулись къ другой ратии, которая, услышавъ о пораженіи Димитрія, осадила Кромы. Соединенныя войска остановились при семъ городѣ, занимаясь дѣлами, достойными одного смѣха, до самой кончины Бориса Ѳеодоровича, умершаго апоплексіею въ субботу 23 Апрѣля того же года.

Прежде продолженія нашей повѣсти, замѣтимъ, что Россіяне вовсе не терпятъ поединковъ, во первыхъ потому, что ходятъ всегда безоружные, исключая военнаго времени, или путешествій; во вторыхъ потому, что оскорбленный словами или другимъ образомъ вѣдается судомъ, который опредѣляетъ виновному наказаніе, именуемое *безчестіемъ*. Оно обыкновенно зависитъ отъ воли обиженнаго: иногда виновнаго сѣкутъ *батожьемъ*, т. е. обнаживъ спину до рубахи, кладутъ его на землю ничкомъ; при чемъ два человѣка держатъ его за голову и за ноги, а другіе въ присутствіи Судьи, истца и посторонихъ лицъ, дерутъ ему спину прутьями толщиною въ палецъ, до тѣхъ поръ, пока Судья скажетъ: стой! Иногда же уличенный въ оскорбленіи другаго платитъ обиженному окладъ, назначенный ему отъ

Государя, и сверхъ того женѣ его вдвое: кому даютъ отъ казны 15 рублей ежегодно, тому и безчестія 15 рублей, да женѣ его 30, слѣдовательно всего 45 рублей. Такъ поступаютъ всегда, соразмѣрно жалованью. За иныя обиды, виновнаго сѣкутъ среди города кнутомъ и взыскавъ означенную пеню, отправляютъ его въ ссылку. Въ случаѣ же поединка между иностранцами (что видѣлъ я въ 6 лѣтъ однажды), кто ранитъ другаго — вызвавшаго, или вызваннаго, все равно — тотъ наказывается, какъ преступникъ уголовный, и ничѣмъ оправдать себя не можетъ; еще болѣе: не взирая на жесточайшую брань, запрещено бить поносителя даже рукою, подъ опасеніемъ вышеупомянутаго взысканія; если же сіе случится, причемъ другой и самъ ударитъ, а потомъ дѣло дойдетъ до жалобы: тогда обоихъ наказываютъ тѣлесно, или денежною пенею въ казну, для того, чтобы оскорбленный, говорятъ Россіяне, самовольною расправою не присвоивалъ себѣ власти правосудія, которое одно имѣетъ право разбирать и преслѣдовать преступленія. И потому судъ, въ случаѣ споровъ, обидъ и оскорбленій, бываетъ гораздо скорѣе и строже, нежели въ другихъ дѣлахъ. Сей обычай наблюдаютъ весьма тщательно не только

мирные жители городовъ, но и воины во время походовъ, разумѣя о Дворянствѣ: за безчестіе простолюдина и гражданина платится не болѣе 2 рублей. Справедливо и то, что Россіяне не любятъ придираться къ словамъ: они весьма просты въ обхо[illegible] говорятъ — *ты;* а прежде бы[illegible] Если имъ случалось иногда слы[illegible] сомнительное, или несправедли[illegible] словъ: *Ваше лишніе* или *извините*, или другихъ учтивыхъ выраженій, они отвѣчали на отрѣзъ: *ты лжешь*. Такъ говорилъ даже слуга своему господину. Самъ Іоаннъ Васильевичь, названный Мучителемъ, не гнѣвался за подобныя грубости. Но теперь, познакомясь съ иноземцами, Россіяне отвыкаютъ отъ прежней дерзости въ разговорѣ, бывшей обыкновенною лѣтъ за двадцать или за тридцать.

По смерти Бориса, вдовствующая Государыня и Ѳеодоръ Борисовичь, сынъ умершаго, немедленно отозвали Князей Мстиславскаго и Шуйскаго, поручивъ главное начальство надъ войскомъ, еще невѣдавшимъ о кончинѣ Государя, Петру Ѳедоровичу Басманову. Сей Воевода, начальствовавшій въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, во время осады сей крѣпости Димитріемъ, прибылъ въ армію съ товарищемъ,

27 Апрѣля, и привелъ воиновъ къ присягѣ въ вѣрности и повиновеніи Ѳеодору Борисовичу. Новый Царь ласковыми грамотами убѣждалъ ихъ служить ему столь же вѣрно, какъ и покойному отцу его Борису Ѳеодоровичу, обѣщая наградить каждаго щедро, по прошествіи шестинедѣльнаго траура.

17 Мая Князь Василій Ивановичь Голицынъ и Петръ Ѳедоровичь Басмановъ, со многими иными, передались Димитрію Іоанновичу, связавъ двухъ другихъ Воеводъ, Ивана Годунова и Михайла Салтыкова. Прочіе Воеводы и воины обратились въ бѣгство къ Москвѣ, оставивъ всѣ орудія и снаряды въ окопахъ. Города и крѣпости ежедневно покорялись Димитрію, шедшему отъ Путивля, съ шестью отрядами Польской кавалеріи, числомъ до 600 всадниковъ, съ нѣсколькими Казаками Донскими и Днѣпровскими и малымъ числомъ Россіянъ. Прибывъ къ покорившейся арміи, онъ приказалъ немедленно распустить недѣли на двѣ или на три тѣхъ воиновъ, которые имѣли помѣстья подъ Москвою, другихъ же отправилъ къ столицѣ съ повелѣніемъ пресѣчь подвозъ съѣстныхъ припасовъ; а самъ между тѣмъ подвигался къ ней медленно съ двухтысячнымъ отрядомъ и разсылалъ ежедневно грамоты къ

Дворянству и простому народу, обѣщая милость покорнымъ, угрожая Божіимъ и Царскимъ гнѣвомъ строптивымъ и мятежнымъ. Народъ, получивъ одну изъ сихъ грамотъ, собрался на площади предъ Дворцемъ. Тщетно Мстиславскій, Шуйскій, Бѣльскій и другіе хотѣли укротить волненіе: прочитавъ грамоту всенародно, Москвитяне съ воплями ворвались во Дворецъ, заключили Царицу, вдову Борисову съ ея сыномъ и дочерью, также всѣхъ Годуновыхъ, Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ — ближайшихъ родственниковъ — и все, что могли найти, разграбили.

Димитрій Іоанновичъ былъ въ Тулѣ за 100 верстъ отъ Москвы, когда получилъ извѣстіе о волненіи Москвитянъ. Онъ отправилъ Князя Василія Голицына для приведенія ихъ къ присягѣ: между тѣмъ, всѣ Вельможи спремились къ нему на встрѣчу до самой Тулы. 20 Іюня погибла вдовствующая Царица съ сыномъ своимъ Ѳеодоромъ: — носилась молва, что они сами приняли ядъ; но думаютъ, что ихъ задушили. Къ дочери Борисовой приставили стражу, родственниковъ ея сослали въ разныя мѣста, а тѣло Бориса Ѳеодоровича, по просьбѣ Вельможъ, вырыли изъ Архангельскаго собора, гдѣ погребаются Государи, и похоронили въ другой церкви.

Наконецъ, 30 Іюня, Димитрій Іоанновичъ вступилъ въ столицу. Приказавъ немедленно Мстиславскому, Шуйскому, Воротынскому, Масальскому и другимъ привезти Государыню, свою матушку, изъ монастыря, удаленнаго отъ Москвы на 600 верстъ, онъ встрѣтилъ ее за версту отъ города; поговоривъ съ сыномъ около четверти часа въ присутствіи всѣхъ Вельможъ и гражданъ, она сѣла въ колесницу, а Царь и Бояре провождали ее пѣшкомъ до самого Дворца; здѣсь она жила до того времени, какъ изготовили ей монастырь, въ коемъ погребена супруга Царя Ѳеодора Іоанновича, сестра Борисова. — Въ послѣдній день Іюля Димитрій короновался, но безъ пышныхъ обрядовъ: только вся дорога отъ Дворца до церкви Богоматери и Архангельскаго собора, была устлана по червленной ткани Персидскою парчею. Когда Государь прибылъ во храмъ Богоматери, гдѣ Патріархъ со всѣмъ Духовенствомъ ожидалъ его, — по совершеніи молитвъ и разныхъ обрядовъ, вручили ему корону, скипетръ и державу, изъ Казны принесенныя. По выходѣ отсюда въ Архангельскій соборъ, бросали на дорогу золотыя небольшія монеты, цѣною въ пол-экю, въ экю и въ два экю, нарочно для сего случая приготовленныя

(въ Россіи вовсе не дѣлаютъ золотой монеты). Изъ Архангельскаго собора Димитрій возвратился во Дворецъ, гдѣ былъ столъ, открытый для всякаго, кто могъ помѣститься. Таковъ обычай при коронаціи.

Чрезъ нѣсколько времени, въ присутствіи выборныхъ Чиновъ изъ всѣхъ сословій, Князя Василія Шуйскаго судили и признали виновнымъ въ оскорбленіи Величества. Царь повелѣлъ отрубить ему голову, а двухъ братьевъ его сослать въ заточеніе. Въ четвертый день послѣ приговора, Шуйскаго вывели на площадь народную, и когда уже положили его на плаху, объявлено прощеніе, по ходатайству Царской матери, Поляка Бучинскаго и другихъ особъ; преступника наказали только, вмѣстѣ съ братьями, ссылкою; но онъ вскорѣ былъ призванъ ко Двору. Никогда Димитрій не поступалъ такъ неблагоразумно, какъ въ семъ случаѣ: помиловавъ Шуйскаго, онъ погубилъ самого себя.

Въ то же время Царь отправилъ въ Польшу Посломъ Аѳанасія Ивановича Власьева, для исполненія, какъ думаютъ, тайнаго договора, заключеннаго съ Воеводою Сендомирскимъ, которому Димитрій далъ слово жениться на его дочери, въ благодарность за содѣйствіе при

завоеваніи Государства, какъ скоро, съ помощію Божіею, онъ вступитъ на престолъ отца своего, Іоанна Васильевича. Аѳанасій велъ сватовство столь удачно, что въ Краковѣ совершилось торжественное обрученіе въ присутствіи самого Короля Польскаго. Между тѣмъ, Димитрій учредилъ Иноземную стражу изъ сотни Стрѣлковъ, охранявшихъ особу его, подъ моимъ начальствомъ, и двухъ сотенъ Аллебардщиковъ, дотолѣ неизвѣстныхъ въ Россіи (75). Бояре, не смѣвшіе въ правленіе Борисово заключать брачныхъ союзовъ, получили отъ Димитрія разрѣшеніе. Мстиславскій женился на двоюродной сестрѣ Царской матери, которая два дня сряду пировала на свадьбѣ; Василій Шуйскій, освобожденный изъ заточенія и столь же милостиво принятый при Дворѣ, какъ и прежде, успѣлъ обручиться съ дѣвицею, также изъ рода Нагихъ; бракъ его долженствовалъ исполниться чрезъ мѣсяцъ послѣ Царскаго; — только и слышно было о пирахъ и свадьбахъ къ удовольствію каждаго: ибо Димитрій мало по малу давалъ чувствовать Россіянамъ, сколь счастливъ народъ свободный, управляемый милосердымъ Государемъ. Ежедневно разъ или два онъ посѣщалъ Царицу, мать свою. Сей Государь

иногда, казалось, слишкомъ ласково обходился съ Вельможами, которые воспитывались и выростали въ такомъ униженіи и страхѣ, что при Царѣ почти не смѣли сказать слова безъ приказанія; впрочемъ въ случаѣ надобности, онъ умѣлъ являть величіе и достоинство, свойственныя Государю; весьма былъ разуменъ и столько смышленъ, что среди Членовъ своего Совѣта казался учителемъ среди школьниковъ. — Не взирая на сіе открылись тайные замыслы: схваченъ былъ одинъ Дьякъ или Секретарь; его пытали въ присутствіи Петра Ѳедоровича Басманова, но не могли исторгнуть признанія и открыть начальника заговора — Василія Шуйскаго, какъ свѣдали послѣ. Дьяка сего сослали.

Между тѣмъ въ предѣлы Россіи вступила Царская Невѣста съ своимъ отцемъ, брашомъ, зятемъ, по имени Вишневецкимъ, и многими другими Вельможами. 20 Апрѣля Михайло Игнатьевичъ Тапищевъ, Бояринъ, доселѣ весьма любимый Государемъ, впалъ въ немилость за дерзкое слово, сказанное Димитрію въ защиту Князя Василія Шуйскаго, во время ихъ спора о жареной телятинѣ, поданной на столъ, вопреки Русскимъ обычаямъ. Въ день Пасхи Тапищевъ получилъ прощеніе,

по ходатайству Петра Ѳедоровича Басманова, хотя всѣ догадывались, даже и самъ Димитрій, — Государь впрочемъ неподозрительный, — что Татищевъ задумалъ какое-то коварное дѣло; ибо никогда прежде онъ такъ не поступалъ, какъ дней за 15 до своей опалы. Возвращеніе Татищева было ошибкою столь же важною, какъ и помилованіе Шуйскаго: всѣ знали его злое сердце, не забывавшее никакой обиды.

Въ концѣ Апрѣля, Димитрій получилъ извѣстіе о волненіи Казаковъ, собравшихся до 4,000 между Казанью и Астраханью. Всѣ вообще Казаки, о коихъ мы доселѣ говорили, сражаются пѣшіе: ихъ не должно смѣшивать съ тѣми наѣздниками, которые, подъ именемъ Казаковъ, обитая въ Подоліи и Черной Россіи, подъ властію Короля Польскаго, нерѣдко воюютъ въ Трансильваніи, Валахіи, Молдавіи и другихъ земляхъ. Казаки, упоминаемые въ семъ сочиненіи, какъ одѣяніемъ, такъ и вооруженіемъ, искони сходствуютъ съ Татарами и только съ нѣдавняго времени употребляютъ ружья, обороняясь единственно саблями. Свирѣпствуя по Волгѣ, они распустили молву, что съ ними находится юный Принцъ, именемъ Царь Петръ, — истинный

сынъ (по ихъ словамъ) Царя Ѳеодора Іоанновича и сестры Бориса Ѳеодоровича, родившійся около 1588 года и тайно подмѣненный дѣвочкою (умершею на 3 году, какъ выше сказано). Если бы Казаки говорили правду, то Царю Петру было бы 16 или 17 лѣтъ; но имъ хотѣлось только подъ симъ предлогомъ вольнѣе грабить Царскія области, по неудовольствію на Димитрія, не давшаго имъ такой награды, какой они желали. Впрочемъ Государь послалъ къ Самозванцу письмо, увѣдомляя, что если онъ истинный сынъ Ѳеодора Іоанновича, то пожаловалъ бы въ Москву, и что для продовольствія его въ дорогѣ дано будетъ приказаніе; если же онъ обманщикъ, то удалился бы изъ Русскихъ предѣловъ. Между тѣмъ, какъ гонцы скакали къ нему и отъ него, несчастный Димитрій былъ умерщвленъ; впрочемъ до моего отъѣзда изъ Россіи, Казаки взяли и разграбили три Волжскія крѣпости, захватили нѣсколько орудій и военныхъ снарядовъ, наконецъ разсѣялись: сильнѣйшая толпа удалилась въ Татарскія степи, другіе овладѣли крѣпостію на пути между Казанью и Астраханью, въ надеждѣ грабить купцевъ, отправлявшихъ въ Астрахань свои товары, или по крайней мѣрѣ брать съ нихъ хорошіе

окупы. Въ Архангельскѣ же я узналъ, что волненіе утихло и что Казаки смирились.

Димитріева Невѣста торжественно вступила въ Москву 12 Мая, въ пятницу, съ такимъ великолѣпіемъ, какого прежде Россіяне не видывали: ея колесницу везли 10 Ногайскихъ лошадей, всѣ бѣлыя съ черными пятнами, какъ тигры и леопарды, столь сходныя одна съ другою, что не льзя было различить ихъ. Ее провождали Польскіе всадники, богато одѣтые, на лихихъ коняхъ, и отрядъ Гайдуковъ, назначенныхъ въ тѣлохранители. Въ свитѣ находились многіе Вельможи. Царица остановилась въ монастырѣ, гдѣ обитала мать Государева, и жила тамъ до 17 Мая, когда заняла во Дворцѣ свою половину. На другой день она была коронована, съ тѣми же обрядами, какъ и Димитрій. Ее вели подъ руки — справа Посолъ Короля Польскаго, Кастелянъ Малаховскій, слѣва супруга Мстиславскаго; по выходѣ же изъ церкви, за правую руку велъ ее самъ Димитрій, а лѣвую поддерживалъ Василій Шуйскій. Въ праздникѣ этаго дня участвовали одни Россіяне. 19 числа совершилось брачное торжество, въ присутствіи всѣхъ Поляковъ, исключая Посла, потому, что Царь не хотѣлъ посадить его за своимъ столомъ, — и хотя по

Русскимъ обычаямъ никакой Посолъ не можетъ обѣдать вмѣстѣ съ Государемъ; однакоже Малаховскій не переставалъ говорить Димитрію, что Король Польскій удостоилъ сей чести Русскаго Посла, сидѣвшаго при обученіи за столомъ Королевскимъ. Въ субботу и воскресенье Малаховскій пировалъ во Дворцѣ за особеннымъ столомъ, подлѣ Царскаго.

Въ сіе время Димитрій, увѣдомленный и своимъ тестемъ, Воеводою Сендомирскимъ, и Секретаремъ, и Басмановымъ, и другими лицами о умыслѣ на жизнь свою, повелѣлъ взять нѣкоторыхъ людей подъ стражу; впрочемъ казалось, не очень вѣрилъ извѣту. Наконецъ 27 Мая (по новому стилю, какъ и въ прочихъ мѣстахъ сего сочиненія, — Россіяне слѣдуютъ старому), когда менѣе всего помышляли объ опасности, насталъ пагубный день для Царя Димитрія Іоанновича: въ 6 часовъ утра его умертвили безчеловѣчно, побивъ въ то же время, какъ полагаютъ, 1705 Поляковъ, разсѣянныхъ по домамъ въ дальнемъ одинъ отъ другаго разстояніи. Заговорщиками начальствовалъ Василій Ивановичь Шуйскій. Петръ Ѳедоровичь Басмановъ былъ убитъ въ сѣняхъ предъ Царскими покоями; первый ударъ нанесъ ему тотъ самый Татищевъ, которому онъ недавно исхо-

дашайствовалъ свободу; погибли также нѣкоторые Стрѣльцы изъ числа пѣлохранителей. Царица, Димитріева супруга, ея отецъ, братъ, зять и всѣ спасшіеся отъ яростной черни, были заключены, какъ плѣнники, въ отдѣльныхъ домахъ. А Димитрія, мертваго, нагаго, убійцы влекли мимо жилища его матери на площадь народную, гдѣ Василій Шуйскій долженствовалъ потерять голову; тамъ положили трупъ его на столѣ длиною въ аршинъ, такъ, что съ одного конца висѣла голова, а съ другаго ноги: тѣло же Петра Басманова помѣстили подъ столомъ. Въ семъ положеніи они были предметомъ всеобщаго любопытства около трехъ дней, до избранія Государемъ начальника заговора, Василія Ивановича Шуйскаго. Хотя Русскій престолъ не избирательный, а наслѣдственный, но какъ Димитрій былъ послѣднимъ въ родѣ и никого отъ Царской крови не оставалось, то Шуйскій получилъ корону чрезъ происки и хитрые ковы, подобно Борису Ѳеодоровичу. Новый Царь приказалъ зарыть Димитрія за городомъ подлѣ большой дороги. Въ первую ночь по убіеніи сего Государя, насталъ жестокій морозъ, который продолжался 8 дней и повредилъ весь хлѣбъ на поляхъ, деревья, даже траву луговую.

Для прекращенія сего бѣдствія, доселѣ неслыханнаго, по челобитью приверженцевъ Шуйскаго, тѣло Димитрія чрезъ нѣсколько дней вырыли изъ могилы, сожгли и обратили въ прахъ. Но ропотъ со всѣхъ сторонъ раздавался, одни плакали, другіе стонали, немногіе веселились. Въ Думѣ, въ народѣ, во всемъ Государствѣ возникли раздоры и новыя измѣны; въ областяхъ свирѣпствовали мятежи и долго было неизвѣстно, чѣмъ они кончатся. Польскаго Посла держали въ тѣсномъ заключеніи; всѣхъ получившихъ отъ покойнаго какую либо милость — сослали. Наконецъ вдовствующую Царицу, супругу Димитрія, крѣпко стерегли въ домѣ отца ея, вмѣстѣ съ придворными дамами и другими Польками (76).

Желая прекратить волненіе умовъ и ропотъ народный, Царь Василій Шуйскій послалъ брата своего Димитрія, Михайла Тапищева и другихъ клевретовъ въ Угличь, съ повелѣніемъ отрыть тѣло или кости убіеннаго лѣтъ за 17, по ихъ мнѣнію, истиннаго Димитрія, сына Іоанна Васильевича. Посланные обрѣли (по ихъ словамъ) тѣло невредимое въ одеждѣ столь свѣжей, какъ въ день погребенія (въ Россіи обыкновенно хоронятъ въ томъ платьѣ, какое находилось на убиппомъ), даже самые орѣхи,

бывшіе въ рукѣ Царевича, оказались совершенно цѣлыми. Вынутое изъ могилы, оно совершало, по ихъ извѣстію, многія чудеса, какъ въ Угличѣ, такъ и на пути къ столицѣ. При торжественномъ внесеніи въ Москву, его провождали Патріархъ, Духовенство, со всѣми мощами, Царь Василій Шуйскій, Царица, мать Димитрія, и все Дворянство. Шуйскій повелѣлъ объявить убіеннаго Святымъ; но не успокоилъ народа, и двукратно едва не былъ сверженъ съ престола, не смотря на то, что онъ 20 Іюня короновался.

Отославъ въ Польшу многихъ незначительныхъ Поляковъ, особенно служителей, Царь удержалъ въ Россіи главнѣйшихъ особъ, въ надеждѣ принудить Короля Польскаго къ миролюбію; Воеводу же Сендомирскаго, страдавшаго тяжкою болѣзнію, и дочь его, Царицу, отправилъ въ Углич, приказавъ держать ихъ подъ стражею.

Димитрій Іоанновичь, сынъ Царя Іоанна Васильевича, прозваннаго Мучителемъ, погибъ на 25 году; роста былъ средняго, вовсе безъ бороды, крѣпкаго, сильнаго сложенія, цвѣтомъ смугловатый, съ бородавкою подлѣ носа подъ правымъ глазомъ; имѣя умъ быстрый и проницательный, душу добрую, милосердую, ха-

рактеръ весьма вспыльчивый, но только на минуту, онъ пылалъ честолюбіемъ, уважалъ людей съ душею благородною и хотѣлъ прославиться въ потомствѣ; въ концѣ Августа 1606 года, онъ думалъ послать во Францію на Англійскомъ кораблѣ Секретаря своего, въ намѣреніи привѣтствовать Короля Французскаго и съ нимъ познакомиться: Димитрій часто разговаривалъ со мною о Его Величествѣ съ великимъ уваженіемъ (77). Христіанство много потеряло гибелью сего Государя, если только онъ умеръ, хотя смерть его кажется несомнительною. Говорю такъ потому, что я не видалъ его трупа своими глазами, бывъ тогда боленъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ мятежа, пронесся слухъ, что умертвили не Димитрія; что онъ, узнавъ за нѣсколько часовъ о намѣреніи заговорщиковъ, повелѣлъ занять свое мѣсто другому человѣку, на него похожему, самъ же удалился изъ Москвы — не отъ страха (такъ я думаю, если только молва справедлива, ибо онъ успѣлъ бы разрушить заговоръ), — но въ намѣреніи узнать, кто болѣе всѣхъ ему преданъ: Димитрій могъ прибѣгнуть къ сколь опасному средству для открытія истинныхъ приверженцевъ, чтобы отклонить подозрѣніе о своей недовѣрчивости къ

поданнымъ. Эта молва не умолкала до самаго отъѣзда моего изъ Россіи, 14 Сентября 1606 года. Тогда я полагалъ, что ее распускали какіе нибудь новые злоумышленники, въ надеждѣ воспламенить въ народѣ ненависть къ Василію Ивановичу Шуйскому, начальнику возмущенія, и тѣмъ удобнѣе достигнуть своей цѣли. То же думаю и теперь, основываясь на доказательствахъ, ниже сего приведенныхъ. Россіяне же, увѣряя въ спасеніи Димитрія отъ смерти, разсказываютъ, что едва миновала полночь, по Царскому повелѣнію взяты были изъ малой Дворцовой конюшни три коня Турецкіе, которые въ послѣдствіи неизвѣстно куда дѣвались; что Шуйскій, допрашивая того, кто отпустилъ коней, замучилъ виновнаго до смерти; что хозяинъ дома, гдѣ открылся Димитрій въ первый разъ по удаленіи изъ Москвы, разговаривалъ съ Царемъ, и даже принесъ собственноручное письмо его, въ коемъ онъ, будто бы, укоряя Россіянъ въ неблагодарности, въ забвеніи его щедротъ и милосердія, угрожалъ виновнымъ продолжительною местію. Кромѣ того, на улицахъ находили неоднократно подметныя письма, въ коихъ было сказано, что Димитрія узнавали во многихъ мѣстахъ, гдѣ онъ бралъ почтовыхъ лошадей. Въ Августѣ же

мѣсяцѣ появились вновь подобныя письма, увѣрявшія, что заговорщики обманулись и что Димитрій не замедлитъ повидаться съ ними въ первый день новаго года.

Скажу мимоходомъ, что разсказывалъ мнѣ Французскій купецъ, Бертранъ де Кассанъ, видѣвшій на площади трупъ Димитрія: *я не думалъ*, говорилъ онъ, *чтобы Царь былъ съ бородою, которой прежде я не замѣтилъ* (въ самомъ дѣлѣ Димитрій не имѣлъ оной); *на лицѣ же убіеннаго остались ясные знаки густой бороды, уже обритой*; *да и волосы у него были длиннѣе, чѣмъ мнѣ казалось, когда я видѣлъ Царя наканунѣ его смерти.* Кромѣ сего, по свидѣтельству Секретаря Димитріева, родомъ изъ Польши, Станислава Бучинскаго, былъ молодой Русскій Вельможа, весьма любимый и жалуемый Царемъ, съ коимъ онъ много сходствовалъ, исключая только того, что имѣлъ небольшую бороду: этого Господина, по словамъ Россіянъ, нигдѣ не находили и не знали, что съ нимъ сдѣлалось.

Еще мнѣ разсказывалъ одинъ Французъ, поваръ Воеводы Сендомирскаго, что Царица, вдова Димитрія, свѣдавъ о носившейся молвѣ, удостовѣрилась въ спасеніи своего супруга, и убѣжденная въ истинѣ этого событія, съ тѣхъ поръ казалась веселѣе прежняго.

Чрезъ нѣсколько времени по избраніи Шуйскаго, открылся бунтъ въ пяти, или шести главныхъ городахъ на предѣлахъ Татаріи: мятежники схватили Воеводъ и побили часть войска; впрочемъ, еще до отъѣзда моего, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, раскаялись и получили отъ Московскаго Двора прощеніе, оправдавшись тѣмъ, что они были обмануты молвою о спасеніи Царя Димитрія. Въ то же время Вельможи, негодуя на избраніе Шуйскаго Государемъ безъ ихъ согласія, едва не свели его съ престола. Наконецъ все успокоилось, и Шуйскій былъ коронованъ 20 Іюня.

Послѣ вѣнчанія, возникли опять тайныя козни противъ сего Государя, въ пользу (какъ я думаю) Князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго, которому, при избраніи Царя, многіе предлагали престолъ, и если бы всѣ Чины были созваны, ему вручили бы скипетръ: ибо онъ происходилъ отъ самаго знатнаго поколѣнія. Впрочемъ сей Князь, какъ говорятъ, отказывался отъ короны и рѣшился постричься въ монахи, если на него падетъ жребій. За нимъ была двоюродная сестра матери Димитріевой, изъ рода Нагихъ: и потому весьма вѣроятно, что возвести Мстиславскаго на престолъ замышляли женины родственники, вопреки его

собственному желанію. — Главнымъ зачинщикомъ сего заговора былъ обвиненъ знатный Боярин Петръ Никитичь Шереметевъ, изъ дома Нагихъ, находившійся въ отсутствіи, только по извѣту свидѣтелей; — его сослали и, какъ я слышалъ, на дорогѣ отправили.

Въ то же время на воротахъ многихъ Вельможъ и иностранцевъ ночью было написано, что Царь Василій Шуйскій повелѣваетъ народу разграбить домы сихъ измѣнниковъ. Въ намѣреніи исполнить это повелѣніе, собрались толпы черни, пріученной къ добычѣ прежними перемѣнами и согласной, въ надеждѣ грабежа, имѣть еженедѣльно новаго Государя: — ее съ трудомъ усмирили. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, въ воскресный день, именемъ Шуйскаго, но безъ его вѣдома, созвали жителей Москвы на Дворцовую площадь подъ предлогомъ, что Царь желаетъ говорить съ ними. Случайно я находился тогда подлѣ Государя, идущаго къ обѣднѣ: узнавъ о созваніи народа, онъ весьма удивился и приказалъ изслѣдовать, кто дерзнулъ на такой поступокъ; между тѣмъ, не трогаясь съ мѣста, въ присутствіи многихъ людей, устремившихся со всѣхъ сторонъ, Шуйскій началъ плакать и, укоряя окружавшихъ въ непостоянствѣ, говорилъ,

что имъ непужно было выдумывать коварныхъ средствъ, если хотятъ отъ него избавиться; что избравъ его Царемъ, имѣютъ власть и низложить его, если онъ имъ неугоденъ, и что онъ оставитъ корону безъ сопротивленія. Потомъ, отдавъ имъ Царскій жезлъ и шапку, продолжалъ: *если такъ то выбирайте, кого хотите;* но въ ту же минуту снова принялъ жезлъ и сказалъ: *лишь уже надобли сіи козни: то меня хотите умертвить, то Вельможъ и самыхъ иноземцевъ, по крайней мѣрѣ думаете ограбить ихъ; если вы признаете меня Царемъ, я требую казни виновныхъ.* Тогда всѣ окружавшіе Государя воскликнули, что они клялись ему въ вѣрности и повиновеніи, хотятъ умереть за него и просятъ наказать преступниковъ. Между тѣмъ, народу уже велѣно было разойтись по домамъ; причемъ поймали пятерыхъ злоумышленниковъ. Думаютъ, что если бы Шуйскій вышелъ изъ Дворца, или вся чернь собралась бы на площади, ему не миновать бы участи Димитрія. Спустя нѣсколько дней, означенные пять человѣкъ были наказаны, по Русскому обычаю, кнутомъ всенародно и сосланы. Въ приговорѣ объявлено, что Мстиславскій, обвиняемый въ зломъ умыслѣ, оправдался и что вся вина падаетъ на Петра Шереметева.

Василію Шуйскому угрожала новая опасность во время перенесенія въ Москву мнѣла истиннаго, по его словамъ, Димитрія, умерщвленнаго за 17 лѣтъ: говорятъ, что Царя хотѣли побить каменьями, когда онъ, вмѣстѣ съ Патріархомъ и Духовенствомъ, вышелъ за городъ на встрѣчу гробу; но Бояре успѣли укротить чернь прежде, чѣмъ она успѣла собраться.

Въ то же время открылся бунтъ въ Княжествѣ Сѣверскомъ, уже присягнувшемъ, по сказанію Россіянъ, новому Государю: 7 или 8,000 человѣкъ приняли оружіе, утверждая, что Димитрій живъ; но какъ мятежники не имѣли предводителей, то ихъ разсѣяли войска, посланныя Василіемъ Шуйскимъ въ числѣ 50 или 60,000 человѣкъ, между коими находились и всѣ Иноземные воины; о чемъ я узналъ въ Архангельскѣ. Избѣгнувшіе пораженія удалились въ Путивль, одинъ изъ главныхъ городовъ области Сѣверской. Говорятъ, что и сей городъ покорился и что виновниками смятенія были Поляки, собравшіеся на предѣлахъ Россіи и Подоліи: они распустили молву, что Димитрій здравствуетъ въ Польшѣ.— Вотъ все, что случилось до 14 Сентября 1606 года, въ подтвержденіе молвы о мнимомъ спасеніи Димитрія.

Въ заключеніе скажу свои мысли въ отвѣтъ на мнѣніе нѣкъ людей, которые признаютъ Димитрія Іоанновича не сыномъ Іоанна Васильевича Мучителя, а обманщикомъ.

Россіяне, повѣривъ словамъ Бориса Ѳеодоровича, Государя весьма тонкаго и коварнаго, также разсказамъ и другихъ непріятелей Димитрія, говорятъ, что онъ былъ обманщикъ, Разстрига (т. е. монахъ, выгнанный изъ монастыря), Гришка или Григорій Отрепьевъ, и что истинный Димитрій Іоанновичь умерщвленъ на 8 году въ Угличѣ за 17 предъ симъ лѣтъ, о чемъ говорили мы выше.

Другіе же, предполагая въ себѣ болѣе проницательности, также иноземцы, знавшіе Димитрія, увѣряютъ, что онъ былъ не Россіянинъ, а Полякъ, Трансильванецъ, или другой иноплеменникъ, избранный только орудіемъ для исполненія замысла другихъ особъ.

Въ отвѣтъ на первое возраженіе, я уже объяснилъ, для чего Борисъ Ѳеодоровичь, правившій Государствомъ при Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, сослалъ Димитрія, вмѣстѣ съ матерью, въ Угличь. Изъ моего сочиненія очевидно всякому, что Ѳеодоръ, и по простотѣ своей, и по малолѣтству брата, неопаснаго

пятилѣтняго младенца, не думалъ удалять его: это сдѣлано коварнымъ Борисомъ. Посему весьма вѣроятно, что мать и знатнѣйшіе Бояре, напримѣръ, Нагіе, Романовы, угадывая, чего желаетъ Борисъ, употребили всѣ способы къ избавленію младенца отъ погибели. Спасти же Царевича они иначе не могли, по моему мнѣнію, какъ подмѣнивъ его и воспитавъ тайно, доколѣ настанетъ лучшее время, или разрушатся планы Бориса Ѳеодоровича. — Сей цѣли они достигли, какъ не льзя лучше: кромѣ вѣрныхъ соучастниковъ, никто не вѣдалъ о подлогѣ; Царевичь воспитывался тайно; по смерти же брата своего Ѳеодора, когда избрали Царемъ Бориса, вѣроятно удалился въ Польшу, вмѣстѣ съ Разстригою, одѣвшись монахомъ, чтобы перейти Русскую границу(78): тамъ вступилъ онъ въ службу къ Польскому Вельможѣ, Вишневецкому, зятю Воеводы Сендомирскаго; наконецъ перешелъ къ сему послѣднему и открылся. Воевода представилъ его Польскому Двору, гдѣ онъ получилъ нѣкоторое вспоможеніе. — Изъ вышесказаннаго очевидно, что въ Угличѣ умерщвленъ былъ не Царевичь, а занявшій его мѣсто.

Россіяне называютъ Димитрія Разстригою, — но дѣло состоитъ въ томъ: вскорѣ по

воцаренiи Бориса Ѳеодоровича, одинъ монахъ,— Секретарь Патрiаршiй,— именемъ Гришка Отрепьевъ, котораго Борисъ называлъ Разстригою, бѣжалъ въ Польшу: этотъ случай возбудилъ подозрѣнiе въ Борисѣ; онъ развѣдывалъ до самой смерти, чтобы сiе значило. Но въ монашескомъ платьѣ, какъ я знаю за достовѣрное, убѣжали двое: Разстрига и другой человѣкъ — доселѣ безъименный (79). Борисъ разослалъ гонцевъ по всѣмъ предѣламъ Государства съ повелѣнiемъ стеречь всѣ дороги и задерживать всякаго, даже съ пропускнымъ видомъ, объявивъ, что два Государственные преступника намѣрены скрыться въ Польшѣ. На всѣхъ путяхъ къ границѣ учредили заставы, какъ бы отъ моровой язвы, и три или четыре мѣсяца никто не могъ ѣздить изъ города въ городъ.

Кромѣ сего, дознано и доказано, что Разстригѣ было отъ 35 до 38 лѣтъ; Димитрiй же вступилъ въ Россiю 23 или 24-лѣтнимъ юношею и привелъ съ собою Разстригу, котораго всякъ могъ видѣть: его братья живы и теперь, имѣя помѣстья близъ Галича. Этотъ Разстрига, до побѣга изъ Россiи, слылъ негодяемъ и горькимъ пьяницею, за что Димитрiй удалилъ его на 230 верстъ отъ

столицы въ Ярославль. Тамъ находился домъ Англійской компаніи; одинъ изъ жившихъ въ семъ домѣ, въ то время, когда умертвили Димитрія, сказывалъ мнѣ, что Разстрига, услышавъ о смерти Царя и о восшествіи Шуйскаго на престолъ, признавалъ Димитрія истиннымъ сыномъ Іоанновымъ, коего онъ вывелъ изъ Россіи; божился, клялся въ справедливости словъ своихъ, называлъ себя Гришкою Отрепьевымъ, Разстригою, и говорилъ, что никто не можетъ сего опровергнуть. Вотъ собственное признаніе Отрепьева (80)! — и немногіе изъ Россіянъ мыслятъ иначе. Чрезъ нѣсколько времени, Василій Шуйскій, возведенный на Царство, приказалъ его отыскать; что же съ нимъ сдѣлалось послѣ, я не знаю. — Сего довольно для отвѣта на первое возраженіе.

Разсмотримъ второе: многіе иноземцы, именуя Димитрія Полякомъ, или Трансильванцемъ, который рѣшился на обманъ или самъ собою, или по замыслу другихъ людей, въ доказательство своего мнѣнія приводятъ то, что онъ говорилъ по-Русски неправильно, осмѣивалъ Русскіе обычаи, наблюдалъ Русскую вѣру только для вида: однимъ словомъ, говорятъ они, всѣ пріемы и поступки обличали въ немъ Поляка.

Но если онъ былъ Полякъ, нарочно воспитанный для потрясенія Бориса, то надлежало бы наконецъ узнать: кто избралъ его своимъ орудіемъ? Притомъ, для сей цѣли, безъ сомнѣнія, не льзя было употребить какого нибудь бродягу (замѣчу мимоходомъ, что изъ 500 человѣкъ не сыщется ни одинъ способный къ исполненію того, что предпринялъ двадцати трехъ-лѣтній Димитрій). И чего могли надѣяться замышлявшіе возвести на Русскій престолъ обманщика, въ то время, когда Россіяне не сомнѣвались въ убіеніи Царевича, когда Борисъ Ѳеодоровичъ царствовалъ счастливѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, уважаемый народомъ, страшный для всякаго, когда мать Димитрія и многіе изъ родственниковъ ея могли засвидѣтельствовать истину? Вѣроятно ли, чтобы Король Польскій дозволилъ помогать обманщику? а подданные, безъ его свѣденія, конечно не рѣшились бы на столь важное дѣло, которое, въ случаѣ неудачи, навлекло бы долговременную, бѣдственную войну Государству. Если же Король согласился бы содѣйствовать коварному умыслу, то Димитрій вступилъ бы въ Россію не съ полною 4,000 человѣкъ; Король послалъ бы съ нимъ какихъ нибудь знатныхъ Вельможъ,

для руководства, и снабдилъ бы его денежною казною. Тогда Поляки не оставили бы Димитрія, отступившаго отъ Новагорода Сѣверскаго, тѣмъ болѣе, что онъ еще имѣлъ въ своихъ рукахъ до 15 городовъ и ежедневно усиливалъ свое войско. — Говорить же, что все сіе предпринялъ самъ собою обманщикъ, который, назвавъ себя Димитріемъ, имѣлъ не болѣе 21 года и для сей цѣли гораздо прежде научился Русскому языку, даже чтенію и письму, — есть мнѣніе нелѣпое. Кромѣ того, что Самозванецъ на всѣ вопросы, безъ сомнѣнія предложенные при первомъ его появленіи, долженъ былъ отвѣчать умно и удовлетворительно, гдѣ могъ иноплеменникъ узнать Русскій языкъ? ибо Россія не такая свободная страна, куда всякъ воленъ приходить, учиться языку, выѣдывать то и другое и потомъ удаляться: въ этомъ Государствѣ, почти недоступномъ, все дѣлается съ такою тайною, что весьма трудно угадать истину, если не видишь ее собственными глазами. И потому мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы Самозванецъ могъ исполнить свой замыслъ безъ содѣйствія другихъ; если же имѣлъ соучастниковъ, то они долженствовали обнаружиться или при жизни, или по смерти его.

Наконецъ, бывъ Полякомъ, онъ поступалъ бы иначе съ своими единоземцами; да и самъ Воевода Сендомирскій не поспѣшилъ бы дать ему какого либо обѣщанія, не свѣдавъ обстоятельно его рода и племени. Думать, что сей Воевода не зналъ, кто былъ его зять, — вовсе невѣроятно, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

Иные говорятъ, что онъ воспитанъ и приготовленъ Іезуитами: но гдѣ же его отечество? Доказано выше, что онъ не могъ родиться въ Польшѣ и тѣмъ менѣе въ другой странѣ, кромѣ Россіи. Если же признать его Россіянином, то надобно открыть, гдѣ именно взяли его Іезуиты: ибо они, до воцаренія Димитрія, никогда въ Россіи не являлись; немногіе пріѣзжаютъ съ Послами, но за ними такъ строго смотрятъ, что имъ невозможно увезти кого либо изъ Государства. Іезуиты имѣли средства похитить какого нибудь младенца только въ то время, когда Баторій, лѣтъ за 30, вторгнулся въ Россію, или когда Царь воевалъ съ Королемъ Шведскимъ; однакоже вѣроятно ли, чтобы въ Россіи не осталось родственниковъ увезеннаго? Да и не льзя было воспитывать его столь тайно, чтобы кто либо изъ Поляковъ и наконецъ Воевода Сендомирскій не удостовѣрились въ

обманѣ. — По крайней мѣрѣ, Димитрій не могъ не вѣдать своего рода.

Если же онъ воспитывался у Іезуитовъ, то безъ сомнѣнія долженъ былъ знать языкъ Латинскій: но я увѣряю, что Димитрій не умѣлъ на ономъ говорить, и еще менѣе читать или писать, какъ я докажу подписью имени его, весьма нетвердою ([81]). Кромѣ сего, когда онъ оказалъ бы Іезуитамъ гораздо болѣе милости: въ Россіи явилось бы ихъ не прое—и то съ Польскими войсками, не имѣвшими другихъ Патеровъ. Одинъ изъ нихъ, послѣ Царскаго вѣнчанія, отправился въ Римъ, по просьбѣ товарищей.

Возражаютъ еще: Димитрій нечисто объяснялся по-Русски; но и это несправедливо: слышавъ, какъ онъ разговаривалъ на Русскомъ языкѣ, вскорѣ по прибытіи въ Россію, я нашелъ выраженія его столь правильными, какъ не льзя лучше; только для прикрасы онъ примѣшивалъ иногда Польскія поговорки. Я видалъ самыя письма о разныхъ предметахъ, писанныя со словъ Димитрія, еще до пришествія его въ Москву: ни одинъ Русскій не могъ найти въ нихъ ошибокъ. Неточное же произношеніе нѣкоторыхъ словъ ни мало не доказываетъ, чтобы сей Госу-

дарь былъ иноземецъ, если извѣстно, сколь долго, съ юныхъ лѣтъ, онъ не видалъ Отечества.

Приводятъ въ свидѣтельство еще то, что онъ осмѣивалъ Русскія обыкновенія и только для вида наблюдалъ обряды Религіи. Это неудивительно, когда знаемъ обычаи и нравы Россіянъ: сей народъ грубъ и необразованъ, весьма невѣжливъ, лукавъ, вѣроломенъ, не уважаетъ ни законовъ, ни совѣсти, зараженъ грѣхомъ содомскимъ и множествомъ другихъ постыдныхъ пороковъ. Если Борисъ Ѳеодоровичъ, коренный Россіянинъ, — въ чемъ никто не будетъ сомнѣваться, — ненавидѣлъ не столько подданныхъ, сколько ихъ пороки, и произвелъ нѣкоторое преобразованіе въ обычаяхъ: то могъ ли Димитрій, знавшій отчасти большой свѣтъ, живши нѣсколько времени въ Польшѣ, сторонѣ свободной, среди знатныхъ Вельможъ, довольствоваться только желаніемъ просвѣщенія и образованности своему народу?

Онъ нестрого наблюдалъ обряды Религіи: я знаю многихъ Россіянъ, также поступавшихъ, между прочими, Посника Димитрія, который, бывъ въ Даніи Посланникомъ Бориса Ѳеодоровича и узнавъ тамъ отчасти ис-

пинную Религію ([82]), по возвращеніи въ Отечество, шутилъ явно, въ кругу пріятелей, надъ невѣжествомъ Москвитянъ. Почему же Димитрій не могъ презирать народнаго суевѣрія, тѣмъ болѣе, что онъ владѣлъ здравымъ смысломъ, любилъ читать Св. Писаніе и, бывъ въ Польшѣ, вѣроятно слыхалъ сужденія о разныхъ вѣроисповѣданіяхъ, вразумившія его во догматы Религіи, принятые всѣми Христіанами? Впрочемъ, я возражаю только на слова, а въ самомъ дѣлѣ найдется весьма немного какъ иноземцевъ, такъ и Россіянъ, которые замѣтили бы въ поступкахъ его достаточный поводъ къ обвиненію въ семъ случаѣ: ибо онъ вообще исполнялъ обряды Русской церкви, хотя и рѣшился, какъ я знаю, основать Университетъ. — Наконецъ, бывъ Полякомъ, онъ не досаждалъ бы никому изъ своихъ единоземцевъ, и ни Борисъ, ни Василій Шуйскій не упустили бы изъ рукъ своихъ столь завиднаго скипетра, если бы съ достовѣрностію могли доказать, что Димитрій былъ иноплеменникъ. ([83]).

Нѣкоторые изъ Россіянъ говорятъ: кто бы ни былъ Димитрій, но Воевода Сендомирскій не зналъ его истиннаго произхожденія. Если сіе справедливо и если Димитрій былъ

не сынъ Іоанновъ, то вѣроятно ли, что бы Сендомирскій столъ поспѣшно вступилъ съ нимъ въ родство, уже свѣдавъ объ измѣнѣ Шуйскаго, уличеннаго вскорѣ по прибытіи Димитрія въ Москву? а рѣшившись выдать свою дочь за человѣка неизвѣстнаго, Воевода, безъ сомнѣнія, присовѣтовалъ бы зятю не распускать пришедшихъ съ нимъ Поляковъ и Казаковъ, которыхъ Димитрій могъ бы удержать при себѣ, не возбудивъ подозрѣнія: ибо всѣ предшественники его старались привлечь въ свою службу сколь можно болѣе иностранцевъ; — но этаго не было сдѣлано: Царь оставилъ при себѣ только сотню всадниковъ. Равнымъ образомъ, Сендомирскій привелъ бы гораздо болѣе войска съ своею дочерью, и нашелъ бы средства расположить Поляковъ въ совокупности, а не разсѣялъ бы ихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ столицы—на произволъ Россіянъ. Притомъ же, по совершеніи брака, когда уже носилась всеобщая молва объ измѣнахъ, Польскій Вельможа заставилъ бы Димитрія совѣтами, просьбами, убѣжденіями принять мѣры предосторожности, коими легко можно было предупредить всѣ умыслы.

Для очевиднаго доказательства въ обманѣ, противники Димитрія долженствовали от-

крыть истинныхъ его родителей: враги же сего Государя были сполъ дѣятельны и при жизни, и по смерти его, что, при извѣстномъ въ Россіи порядкѣ суда и расправы, имъ легко было добраться до истины. Притомъ, чувствуя себя виновнымъ, Димитрій старался бы всѣми средствами понравиться Россіянамъ, зная довольно, что Борисъ ничѣмъ не могъ такъ поддержать себя на престолѣ, какъ называя его еретикомъ. Посему онъ не привелъ бы въ Москву никого изъ своей свиты и вступилъ бы въ родство, по обычаю всѣхъ предшественниковъ своихъ, съ какимъ нибудь Русскимъ домомъ, въ коемъ могъ найти опору, не забывъ, что Борисъ навлекъ на себя негодованіе народа намѣреніемъ породниться съ Государемъ иноземнымъ. Но Димитрій презиралъ сіи средства, и его самоувѣренность доказываетъ, что онъ могъ быть сыномъ только Вѣнценосца; его краснорѣчіе восхищало Россіянъ; въ немъ блистало какое то неизъяснимое величіе, дотолѣ неизвѣстное Вельможамъ Русскимъ и тѣмъ менѣе простому народу, гдѣ должны были скрываться его родители, если бы онъ не былъ сыномъ Іоанна Васильевича. Самое намѣреніе овладѣть престоломъ доказываетъ справедливость его

дѣла: съ ничтожными силами онъ идетъ въ обширную Державу, никогда столь не процвѣтавшую, какъ въ то время, — бороться съ Государемъ хитрымъ, грознымъ для подданныхъ, который былъ въ родствѣ съ главнѣйшими Русскими Вельможами, изгналъ, уморилъ всѣхъ людей подозрительныхъ, пользовался расположеніемъ всего Духовенства, милостями, благодѣяніями привлекалъ сердца всего народа, находился въ дружбѣ со всѣми сосѣдами и 8 или 9 лѣтъ царствовалъ спокойно. Наконецъ, не льзя также забыть и матери Димитрія, и многихъ ея родственниковъ, которые, въ случаѣ обмана, могли бы оный обнаружить.

Размышляя, сверхъ того, о положеніи Димитрія, оставленнаго почти всѣми Поляками, — чему приписать довѣренность, съ которою предался онъ въ руки 8 или 9,000 Русскихъ поселянъ, еще сомнительныхъ преданностію, и рѣшился итти на встрѣчу стотысячному войску? Неудача въ битвѣ не лишаетъ его бодрости: слабыя силы его разсѣяны, немногія пушки со всѣми снарядами въ рукахъ непріятеля,—но онъ отступаетъ, окруженный 30 или 50 воинами, въ городъ Рыльскъ, недавно покорившійся, не бывъ увѣренъ въ

приверженности его жителей; оттуда въ Путивль, городъ обширный и богатый, и живетъ тамъ четыре мѣсяца, ни мало не измѣняя, среди несчастій, мужеству своему, не страшась Бориса, который и явно, и скрытно старался погубить его желѣзомъ, ядомъ, или поймать живаго. Увѣряя народъ ложными свидѣтельствами, что Димитрій есть обманщикъ, Борисъ не хотѣлъ однако допросить матери его всенародно, чтобы узнать истинное его происхожденіе; вмѣсто сего объявилъ: что если бы онъ родился и отъ Іоанна Васильевича, то и тогда не имѣлъ бы права на корону, какъ еретикъ и незаконнорожденный ([84]), т. е. сынъ отъ 7 брака (что противно обычаю); но это вовсе не идетъ къ дѣлу. Не льзя также забыть, какое милосердіе изъявлялъ онъ каждому и особенно Василію Шуйскому: сего послѣдняго уличили въ измѣнѣ, доказали самыми лѣтописями и поступками предателя въ разсужденіи Бориса, что ни онъ, ни предки его никогда не служили вѣрно Русскимъ Государямъ; даже всѣ приближенные убѣждали Димитрія казнить его, какъ неусыпнаго возмутителя тишины общественной, — говорю, что видѣлъ я своими глазами, что слышалъ своими ушами, — но Димитрій его помиловалъ,

хотя зналъ, что никто, кромѣ рода Шуйскихъ, не дерзалъ помышлять о коронѣ; простилъ и иныхъ недруговъ, бывъ чуждъ подозрѣнія.

Если справедливо, что Димитрій былъ Самозванецъ и что въ этомъ увѣрились не задолго до убіенія его, то для чего не заключили виновнаго въ темницу, или не вывели на городскую площадь, гдѣ могли бы уличить его предъ всѣмъ народомъ въ обманѣ, не убивая преступника безъ отвѣта и не подвергая бѣдствіямъ раздоровъ всего Государства? Могъ ли народъ повѣрить его преступленію безъ другихъ доказательствъ, кромѣ свидѣтельства 4 или 5 человѣкъ — главныхъ заговорщиковъ? и для чего Василій Шуйскій съ единомышленниками выдумалъ клевету, въ намѣреніи сдѣлать Димитрія ненавистнымъ народу? ибо они торжественно читали письма, въ коихъ было сказано, что Димитрій хотѣлъ большую часть Россіи отдать Королю Польскому и тестю своему, Воеводѣ Сендомирскому, замышлялъ раздробить Государство, отправилъ сокровища въ Польшу(85); даже назначилъ, будто бы, день (вторый по смерти его, т. е. воскресенье), когда намѣренъ былъ вывести весь народъ и Дворянство за городъ, подъ предлогомъ пове-

селить своего тестя и показать ему свои пушки, а въ самомъ дѣлѣ тайно приказалъ Полякамъ истребить всѣхъ Россіянъ картечью, разграбить ихъ домы и зажечь городъ, пославъ и въ Смоленскъ подобное повелѣніе (86). Разсѣявали много и другихъ несправедливыхъ слуховъ. Къ сему присовокупили, какъ выше сказано, что тѣло истиннаго осьмилѣтняго Димитрія, чрезъ 17 лѣтъ по его убіеніи, найдено въ совершенной цѣлости; почему Шуйскій — въ надеждѣ убѣдить народъ — повелѣлъ признать его Святымъ (87).

Въ заключеніе скажу: простая истина, изложенная удовлетворительно, могла бы сдѣлать Самозванца ненавистнымъ каждому; Димитрій же, чувствуя себя виновнымъ, повѣрилъ бы доносамъ о заговорахъ и измѣнахъ, противъ его особы замышляемыхъ, и весьма легко успѣлъ бы устранить ихъ. Но какъ извѣстно, что ни при жизни, ни по смерти его, не могли доказать обмана; что Борисъ, узнавъ о появленіи своего врага, терзался совѣстію и тиранствовалъ; что противники Димитрія думаютъ весьма несогласно о его происхожденіи, и что самъ онъ изъявлялъ всегда рѣшительную смѣлость и другія качества, свойственныя не обманщику, а Госуда-

рю, соединенныя съ довѣрчивостію и самонадѣянностію: — сообразивъ все вышесказанное, я убѣжденъ, что онъ былъ истинный Димитрій, сынъ Царя Іоанна Васильевича Мучителя (88).

Конецъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) По исчисленію Гасселя, Россійская Держава въ началѣ XVII столѣтія заключала въ себѣ 154.894 квадр. мили. *Hassel's Ephemeriden на* 1826 *годъ*. Съ того времени она увеличилась вдвое.

(2) Баронъ Майербергъ, бывшій въ Россіи въ 1661 году, пишетъ, что все пространство между Вязьмою и Можайскомъ, на 130 верстъ, покрыто было дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ находилась одна только деревушка. *Iter in Moscoviam Bar. Mayerberg ... стр.* 98. То же свидѣтельствуетъ Сочинитель извѣстія о трехъ посольствахъ Графа Карлиля съ 1663 по 1665 годъ: „Проѣхавъ по Россіи, говоритъ онъ, по мѣстамъ, наиболѣе заселеннымъ, мы видѣли только лѣса безконечные.“ *La relation de trois Ambassades de M. le Comte de Carlisle* .... 2 изд. 1672.

(3) „Русскій городъ Архангелъ, означаемый на ландкартахъ обыкновенно подъ именемъ Св. Михаила Архангела, построенъ въ недавнее время, тамъ, гдѣ рѣка Двина раздѣляется на два протока. Прежде корабли приставали къ монастырю Св. Николая, въ гавани того же имени, бывшей въ лѣвомъ рукавѣ Двины. Но какъ въ послѣдствіи сей рукавъ обмелѣлъ отъ наноснаго песку, а правый сдѣлался глубже, то прежнюю гавань оставили и устроили новую въ правомъ протокѣ — тамъ, гдѣ стоитъ Архангелъ

зинъ, гдѣ былъ монастырь Св. Николая. *Ис. Гос. Рос.* VIII, 231. X, 70.

(4) Олеарій считаетъ въ одной Нѣмецкой милѣ пять верстъ: слѣдовательно тогдашняя верста была болѣе нынѣшней 200 саженъ.

(5) Астраханскій Царевичь Едигеръ Магметъ возведенъ на Казанскій престолъ въ 1552 году. Взятый въ плѣнъ при завоеваніи Казани, онъ принялъ Св. Крещеніе съ именемъ Симеона. *Карамзинъ.* VIII. 199.

(6) „Намъ разсказывали, *говоритъ Олеарій*, что за Самарою, между Волгою и Дономъ, растутъ дыни или тыквы удивительнаго рода: онѣ величиною съ обыкновенную дыню, а наружнымъ видомъ похожи на ягненка, имѣя ясные признаки членовъ животнаго; отъ сего по-Русски, называются *Баранцами* (Boranetz). Созрѣвая, сіи плоды перекатываются съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ длины стебля, идущаго какъ бы отъ пупа къ кор[illegible] и изсушаютъ подъ собою траву, или, по словамъ Россіянъ, *пожираютъ* ее. Когда плодъ созрѣетъ, стебель увядаетъ, а кожа дѣлается курчавою, какъ на ягненкѣ: ее можно, по мнѣнію Россіянъ, дубить и приготовлять для зимней одежды. Въ Москвѣ намъ показывали нѣсколько небольшихъ лоскутковъ отъ постельнаго покрывала, сшитаго, будто бы, изъ овчины Баранца. Шерсть на нихъ

многіе изъ другихъ иноземцевъ, бывшихъ въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ, разсказываютъ о Баранцахъ въ такомъ же смыслѣ, какъ читалъ гдѣ—то нашъ Маржеретъ, напримѣр. *Рейтенфельсъ* (*de rebus Moschoviticis*.... 1680 стр. 238) и особенно *Стрёйсъ* (*The voyages of J. Struys through Moscovia* .... 1683, *стр.* 180). Ученый *Кемпферъ* (въ началѣ XVIII ст.) первый началъ увѣрять, что овчины такъ называемыхъ Баранцевъ получаются не съ растеній, а съ ягнятъ, вынутыхъ изъ матерней утробы еще до рожденія. (см. *Витсена* стр. 288). Впрочемъ источникъ этой сказки неизвѣстенъ.

(7) Около 1586 года, Сибирь должна была доставлять въ казну ежегодно 200.000 соболей, 10.000 лисицъ черныхъ, 500.000 бѣлокъ. *Карамз.* х. *прилыч.* 44.

(8) Россіяне положили основаніе Сибирскимъ городамъ: Тобольску въ 1587 году, Пелыму, Березову въ 1592, Тарѣ въ 1594, Нарыму и Кетскому Острогу въ 1596. Въ дѣлахъ Посольскихъ 1686 года говорится о какихъ—то 94 городахъ Сибирскихъ. *Карамз.* х. *прим.* 44.

(9) Авторъ разумѣетъ, вѣроятно, завоеваніе *Егера* (Agria) въ 1596 году Султаномъ Турецкимъ Магометомъ III.

(11) Олеарій не мало дивился, получивъ отъ добраго пріятеля въ подарокъ *пудовую* дыню, весьма вкусную.

(12) Самые большіе лоси находились въ лѣсахъ близъ Ростова, Вычегды, Новагорода, Мурома и Перми. *Карамз.* х. 251.

(13) Лизекъ, Секретарь Цесарскаго Посла, бывшаго въ Москвѣ въ 1675 году, увѣряетъ, что дорога отъ Смоленска до Москвы была весьма опасна отъ множества волковъ, которые изъ темнаго, безпрерывнаго лѣса бросались на путешественниковъ. *Relatio .... strictim recensita per Ad. Lyseck.* 1676, *cap.* VII.

(14) Предки наши не ѣли телятины до начала XVIII столѣтія, когда стали продавать ее на рынкахъ, вмѣстѣ съ прочими съѣстными припасами. *Mons. de la Neuville: Relation ... de Moscovie*, *стр.* 26.

(15) „Прежде, говоритъ Флетчеръ, воску отпускалось 20.000, а нынѣ т. е. въ 1588 г. только 10.000 пудъ: ибо Россія уже не имѣетъ Нарвской пристани.“ *Карамз.* х. *пр.* 423.

(16) „Россіяне всякаго возраста, пола и званія, до такой степени заражены страстію къ вину, что они смотрятъ равнодушно, какъ на дѣло обыкновенное, когда пьяные мужчины и [illegible]мъ..

то сей послѣдній считаетъ неприличнымъ отказываться, сколько бы ему ни подносили, доколѣ вино не спибетъ его съ ногъ. Не только чернь, но и Бояре, самые Послы Царскіе, болѣе всѣхъ обязанные внушать уваженіе къ своему Государю при Дворахъ иноземныхъ, не знаютъ никакой мѣры на пиршествахъ, пьютъ вино, какъ воду, теряютъ разсудокъ, нерѣдко самую жизнь. Такъ великій Посолъ Царскій, пріѣхавшій въ 1608 году ко Двору Карла IX, Короля Шведскаго, до того напился крѣпкаго хлѣбнаго вина, что наканунѣ аудіенціи найденъ былъ мертвымъ въ постелѣ.“ *Олеарій*, 194.

(17) Видно Маржеретъ читалъ Русскія лѣтописи не очень прилежно.

(18) Максиміліанъ I, прежде всѣхъ Западныхъ Вѣнценосцевъ называвшій Императоромъ Государя Россійскаго (Василія Іоанновича), умеръ слишкомъ за 10 лѣтъ до рожденія Іоанна IV. *Карамз.* VII. *пр.* 101.

(19) Ils appellent le Roy de Perse *kisel Bascha*. Et le Turc *Veliqui Ospodar-tursk* ... *Кызылбашъ* на Турецкомъ языкѣ значитъ *красноголовый*. Персы гордились нѣкогда симъ именемъ, по извѣстію Олеарія, *стр.* 582.— Въ государственныхъ бумагахъ нашихъ XVII столѣтія владѣтель Персидскій чаще назывался *Шахомъ*, а Турецкій *Салтаномъ Турскимъ*. Собр. Госуд. Грам. II. 125. Карамз. X. пр. 127. Писали однако и *Кызылбашскій Посланникъ*.

(20) Елисавета именовала Іоанна IV Императоромъ. *Карамз.* IX. *прим.* 266.

(21) Супруги Іоанна IV: 1. Анастасія Романовна (соч. брак. 1547 года; умер. 1560). 2. Марія Темгрюковна (1561—1569) 3. Марѳа Васильевна, дочь купца Новгородскаго (1571) 4. Анна Алексѣевна (бракъ сей утвержденъ Духовенствомъ 1572). 5. Анна Васильчикова (около 1575—безъ имени Царицы). 6. Василиса Мелетьева (*Женище*). 7. Марія Ѳеодоровна (1580—), мать Св. Димитрія Углецкаго.

(22) Іоаннъ IV имѣлъ *пять* сыновей: отъ Анастасіи Романовны — Димитрія (1552—1553), Іоанна (1554—1582) и *Ѳеодора* (1557—1598); отъ Маріи Темгрюковны — Василія (1568), и отъ Маріи Ѳеодоровны—*Димитрія* (19 Октября 1583—15 Мая 1591).

(23) Въ подлинникѣ: Le bruit court qu'il tua son aisné de sa propre main. Ce qui se trouve autrement. Car combien qu' il le frappa du bout d'vn baston ferré d'une poincte d'acier carrée, lequel baston est en forme de crosse, nul ne l'osant porter que les Empereurs, qui est un baston dont iadis les grands Ducs recevoient hommage du Tartare Diotkrim, il fut aucunement blessé du coup, mais n'en mourut pas, ains quelque temps apres en un pelerinage. Что значитъ выраженіе *du Tartare Diotkrim* — мудрено догадаться; думаю, что это опечатка: Авторъ, кажется, хотѣлъ сказать *du Tartare dit Krim*, какъ онъ называетъ Крымскаго Хана въ другомъ мѣстѣ. Впрочемъ изъ Исторіи не видно, чтобы Ханы Крымскіе присылали нашимъ Государямъ жезлы въ знакъ покорности.

(24) Вообще въ смерти Царевича Іоанна обвиняютъ отца его. *Карамз.* IV. *пр.* 610. *и* 612.

(25) „Народъ .... отвергнулъ или забылъ названіе *Мучителя*, данное ему современниками, и по темнымъ слухамъ о жестокости Іоанновой, доныне именуетъ его только *Грознымъ*.“ *Карамзинъ.* IX. 472.

Маржеретъ называетъ сего Государя: Johannes Basilius surnommé *le Tiran*.

(26) Симеонъ получилъ отъ Іоанна Тверь, съ именемъ Царя и Великаго Князя Тверскаго. Изъ современныхъ Лѣтописей нашихъ не видно, чтобы Грозный раздѣлилъ съ нимъ свою Державу; но Флетчеръ, Петрей и Сочинитель Морозовской лѣтописи подтверждаютъ извѣстія Маржерета. *Карамз.* IX, *прим.* 137.

(27) Въ подлинникѣ: Jl maria son second fils à la *fille* de Boris Federvits — безъ сомнѣнія опечатка: въ послѣдствіи Маржеретъ вездѣ называетъ супругу Ѳеодора сестрою Годунова.

(28) Enfin fut Boris esleu protecteur du païs ..... Избраніе Годунова въ *Правители* Государства (какъ называетъ его Патріархъ Іовъ), по извѣстію Бера, произходило слѣдующимъ образомъ:

„Царь Ѳеодоръ Іоанновичь .... объявивъ Совѣту Князей и Бояръ, что правленіе сполъ обширною Державою для него слишкомъ обременительно и что онъ желаетъ единственно въ безмятежной тишинѣ служить Господу Богу, — повелѣлъ избрать мужа благоразумнаго, на котораго онъ могъ бы возложить

всю тяжесть забошъ Государственныхъ. Въ слѣдствіе сего, Правителемъ Царства былъ избранъ Дворянинъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, человѣкъ рода не знатнаго, но умный и проницательный. По совершеніи приличныхъ обрядовъ, Ѳеодоръ всталъ съ своего мѣста и, снявъ съ себя золотую цѣпь, украсилъ ею Правителя, сказавъ ему: *Влысть съ сею цѣпію снимаю я, Царь и Самодержецъ всея Руси, бремя съ моей выи и возлагаю оное на тебя, Борисъ Ѳеодоровичъ! Рцшай въ моемъ Государствѣ всѣ дѣла, кромѣ важнѣйшихъ, которыя докладывай мнѣ, не приводя оныхъ въ исполненіе безъ моей Царской воли: я буду по прежнему Царемъ Государемъ.* Сказавъ сіе, Ѳеодоръ повелѣлъ провозгласить Годунова Правителемъ.“ *Берова Лѣтопись Московская стр.* 2 *и* 3.

(29) Въ правленіе Ѳеодора, Борисъ основалъ Архангельскъ, крѣпости по Волгѣ: Цывильскъ, Уржумъ, Царевъ-городъ на Кокшагѣ, Санчурскъ, Самару; сверхъ того: Уфу, Пелымъ, Березовъ, Сургутъ, Тару, Нарымъ, Кетскій Острогъ; Ливны, Кромы, Воронежъ, Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйку.

(30) Царевичь Димитрій удалился въ Угличь по завѣщанію отца своего, который на смертномъ одрѣ назначилъ ему сей городъ въ удѣлъ: слѣдовательно Борисъ не могъ быть виновникомъ мнимой ссылки Димитрія.

(31) Сія *догадка*, ничѣмъ не подкрѣпляемая, послужила Маржерету главною опорою для доказательства, что Самозванецъ былъ истинный сынъ Грознаго. Вообще всѣ защитники Лжедимитрія несогласны въ повѣствo-

ваніи о мнимомъ спасеніи Царевича отъ смерти. Паерле, напримѣръ, разсказываетъ слѣдующимъ образомъ:

„Властвуя именемъ Ѳеодора, Годуновъ задумалъ при удобномъ случаѣ овладѣть престоломъ; это желаніе съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе въ немъ усиливалось. Но предчувствуя, что слабый и хилый Ѳеодоръ недолго будетъ царствовать, онъ опасался неудачи въ своемъ намѣреніи, если воцарится родный братъ Государя, Димитрій, какъ законный наслѣдникъ; посему Годуновъ рѣшился устранить сію преграду: золотомъ склонилъ на свою сторону нѣсколько Москвитянъ и послалъ ихъ въ городъ Угличь съ повелѣніемъ тайно умертвить жившаго тамъ Димитрія; но какъ сіе ужасное дѣло не могло совершиться безъ согласія Димитріева Наставника, именемъ Симеона, то злоумышленники старались уговорить и его къ участію въ своемъ намѣреніи, обѣщая великія богатства за содѣйствіе и грозя вѣрною смертію въ случаѣ сопротивленія. Симеонъ далъ имъ слово; но въ тоже время, — одушевленный любовію и преданностію къ своему питомцу,— принялъ столь вѣрныя мѣры, что, съ помощію Божіею, разрушилъ коварный умыселъ слѣдующимъ образомъ: предъ наступленіемъ ночи, увѣдомивъ обо всемъ юнаго Князя, Симеонъ объявилъ ему, что нѣтъ никакой надежды отвратить убійство, что они окружены злодѣями, которые пресѣкли всѣ пути извѣстить Ѳеодора; но что онъ придумалъ средство, коимъ надѣется — при помощи Божіей, если только Димитрій на оное согласится — избавить его отъ смерти. Получивъ желаемое со-

гласіе, Наставникъ — по волѣ Небесъ — взялъ отрока, весьма похожаго лицемъ и видомъ на Димитрія, и въ ту же ночь положилъ его на постель Царевича. Убійцы, думая, что время настало и что все устроено согласно съ ихъ намѣреніемъ, прокрались въ комнату и умертвили отрока; а самого Димитрія между тѣмъ спряталъ Симеонъ, и въ слѣдующую ночь отправилъ его въ одинъ монастырь, давъ наставленіе, что дѣлать и какъ называть себя..... Въ одеждѣ монаха, никѣмъ незнаемый, скитаясь отъ одного монастыря къ другому, Димитрій достигъ предѣловъ Польши — и пробывъ нѣсколько времени въ Русскихъ пограничныхъ обителяхъ, явился наконецъ къ благородному Господину Адаму Вишневецкому." Изъ рукописи, подъ заглавіемъ: *Beschreibung der Moscowitterischen Rayse, welche ich Hans Georg Peyerle von Augsburg mit Herrn Andreasen Nathan und Matheo Bernhardt Manlichen dem Jüngern Ady* 19 *Martii a.* 1606 *von Crachaw aus, angefangen, vnd was wir wahrhafftiges gehört .... alles aufs khürzest beshriben, bis zue vnserer, Gottlob, wider dahirr Ankunft den* 15 *decembris anno* 1608. *стр.* 2 *и* 4.

(32) Данило, сынъ Дьяка Битяговскаго, правившаго въ Угличѣ хозяйствомъ вдовствующей Царицы. Злодѣю помогалъ Качаловъ.

(33) Вдовствующія Великія Княгини и Царицы не всегда чрезъ 6 недѣль удалялись въ монастырь: мать Іоанна IV около 5 лѣтъ правила Государствомъ, вдова же сего Государя неволею пострижена чрезъ 7 лѣтъ послѣ его смерти.

(34) Непонятно, какъ вкралась эта ошибка: Свв. Софія, Елена, Магдалина были почитаемы столько же, какъ и нынѣ.

(35) Патріаршество учреждено въ 1589 году, при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ.

(36) По извѣстію Олеарія, овдовѣвшій Священникъ могъ служить только заутреню и вечерню; не пріобщалъ Св. Таинъ и не крестилъ младенцевъ.

(37) Олеарій разсказываетъ, что Патріархъ сослалъ одного Священника, вздумавшаго, вопреки обычаю, проповѣдывать въ церкви. Этотъ обычай отмѣненъ Патріархомъ Никономъ, который восхищалъ народъ своимъ краснорѣчіемъ.

(38) Первая Московская Типографія заведена въ 1553 году. Древняйшая изъ печатныхъ книгъ — Дѣянія Апостольскія — издана 1564 года.

(39) Въ подлинникѣ: Deux fois l'an les fleuves et eaux courantes y sont benistes, et apres ladite benediction l'Empereur et les grands ont accoûtumé de sauter dedans l'eau, mesmes j'ay veu couper la glace à cét effet, et l'Empereur sauter dedans.

(40) Олеарій видѣлъ обрядъ сей при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, — отмѣненный въ 1678 году Московскимъ Соборомъ. *Древ. Росс. Вивліоика*, II, 329. VI. 357.

(41) Еще при Василіи Іоанновичѣ, какъ пишетъ Іовій, предки наши не терпѣли Евреевъ и запрещали имъ жить въ Москвѣ. По извѣстію Олеарія, назвать Русскаго *Жидолъ*—

было самою обидною бранью. Папистовъ также не любили. *Стр.* 317.

(42) Стефанъ Баторій и Сигизмундъ Баторій управляли Трансильваніею въ зависимости отъ Римскаго Императора. *Schmidt's Geschichte d. Deutschen* VII. 301. VIII. 121.

(43) Авторъ, безъ сомнѣнія, разумѣетъ Кремль: но Кремлевскія стѣны и башни воздвигнуты въ правленіе Іоанна III разными Итальянскими художниками. *Карамз:* VI. 78.

(44) По извѣстію Петрея, современника Маржерету, въ Москвѣ считалось 4.500 церквей, а въ Кремлѣ 50. Олеарій уменьшаетъ число ихъ до 2.000. Окружность столицы, по его же словамъ, простиралась на 3 Нѣмец. мили. *Стр.* 146.

(45) Clops hospodaro.

(46) Правежъ могъ продолжаться не болѣе мѣсяца, какъ сказано въ Судебникѣ. Онъ отмѣненъ Петромъ I; Биронъ однако употреблялъ его нерѣдко въ царствованіе Анны Іоанновны для взысканія недоимокъ. *Болтина Примѣч. на Ист. Леклерка* II, 468.

(47) Доселѣ мы еще не имѣемъ подробнаго извѣстія о свадебныхъ Русскихъ обрядахъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ: въ Исторіи Государства Россійскаго находимъ только описаніе брака Великокняжескаго. На первый случай предлагаю отрывокъ изъ сочиненія Олеарія, въ дополненіе къ Маржерету:

„Хотя Венера, говоритъ онъ, соблазняетъ Россіянъ не менѣе другихъ людей; но имъ неизвѣстны публичные домы, которые, къ

сожалѣнію, нерѣдко встрѣчаются въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Персіи, гдѣ Правительство получаетъ отъ нихъ значительную прибыль. Россіяне наблюдаютъ брачные уставы: мужъ имѣетъ только одну жену; вдовецъ можетъ жениться въ другой и третій разъ: болѣе законъ не дозволяетъ, — и Священникъ, вѣнчавшій кого либо на четвертой женѣ, лишается сана. Святитель церкви, совершающій Таинства, долженъ быть непремѣнно женатый; если жена его умретъ, онъ остается навсегда вдовцемъ, или, скинувъ рясу, переходитъ въ купеческое и другое свѣтское званіе.

„Заключая брачные союзы, Россіяне остерегаются близкаго родства, даже свойства: посему двое родныхъ братьевъ не могутъ жениться на двухъ сестрахъ; кума не выходитъ за кума. Сватовство же происходитъ такимъ образомъ:

„Юноши не могутъ бесѣдовать съ дѣвицами и шѣмъ менѣе искать ихъ руки, или требовать ихъ согласія на брачные узы: это — дѣло родителей. Обыкновенно отецъ взрослой дочери, имѣя на примѣтѣ жениха, отправляется къ нему на домъ и заводитъ рѣчь о невѣстѣ или съ нимъ, или съ его родными и друзьями, старается внушить ему доброе объ ней мнѣніе и охоту жениться. Если предложеніе понравится и родные жениха пожелаютъ видѣть ее: отецъ сперва не соглашается исполнить сего требованія, но потомъ дозволяетъ посмотрѣть свою дочь въ присутствіи матери, или подруги, особенно когда дѣвица не дурна собою. Требуется только, что бы она не имѣла очевидныхъ недостатковъ, не была бы,

напримѣръ, слѣпа или кривонога: тогда родители и друзья съ обѣихъ сторонъ договариваются о приданомъ и другихъ условіяхъ брака.

„Но люди сколько нибудь значительные воспитываютъ своихъ дочерей въ недоступномъ теремѣ, скрывая ихъ отъ взора постороннихъ — и женихъ не прежде увидитъ свою невѣсту, какъ тогда, когда приведутъ ее къ нему въ спальню. Посему нерѣдко случается, что вмѣсто красавицы, онъ находитъ какого нибудь урода, вмѣсто дочери Боярина, совсѣмъ иную дѣвицу, даже служанку. Удивительно ли, если мужъ нерѣдко живетъ съ своею женою, какъ кошка съ собакою, и если жена обыкновенно переноситъ безпрестанные побои?

„При Княжескихъ и Боярскихъ свадьбахъ наблюдаются слѣдующіе обряды:

„Со стороны жениха и невѣсты назначаютъ двухъ женщинъ, которыя, подъ именемъ *свахъ*, хозяйничаютъ въ томъ домѣ, гдѣ празднуется свадьба. Сваха невѣстина въ день брака отправляется въ домъ жениха и приготовляетъ брачное ложе: ее провождаютъ до 100 служителей въ кафтанахъ; каждый изъ нихъ несетъ что нибудь на головѣ для убранства спальной комнаты и постели. Брачное ложе стелютъ на 40 ржаныхъ снопахъ, заранѣе женихомъ приготовленныхъ. Подлѣ нихъ ставятъ нѣсколько кадей съ ячменемъ, овсомъ и пшеницею, для того, чтобы молодые жили всегда въ изобиліи и довольствѣ.

„По окончаніи всѣхъ нужныхъ приготовленій, женихъ отправляется поздо вечеромъ съ своими дружками (Freunde) въ домъ невѣ-

стны; предъ нимъ ѣдетъ Попъ, который долженъ вѣнчать его. Друзья невѣстины, ласково принявъ жениха со всѣми провожатыми, главнѣйшихъ, или ближайшихъ изъ нихъ сажаютъ за столъ, гдѣ не болѣе трехъ кушаньевъ, которыхъ никто однако не трогаетъ. На первомъ мѣстѣ сидитъ мальчикъ: женихъ, поговоривъ съ друзьями невѣсты, сводитъ его учтиво и самъ на оное садится. Потомъ приводятъ невѣсту, закутанную въ великолѣпную одежду и сажаютъ ее рядомъ съ женихомъ; а чтобы они не увидѣли другъ друга, протягивается между ними красная тафта, которую держатъ два мальчика. Послѣ того, является сваха, разчесываетъ у невѣсты волосы, распущенные по плечамъ, заплетаетъ ихъ въ двѣ косы и надѣвъ ей на голову корону (кику), оставляетъ ее съ открытымъ лицемъ. Корона дѣлается изъ площенаго золота или серебра съ камчатнымъ подбоемъ; по краямъ же оной близъ ушей висятъ по 4, 6 и болѣе жемчужныхъ нитокъ, такъ что, если дѣвица нѣсколько наклонится, подвѣски сіи падаютъ ей на грудь. Ферезь ея бываетъ вышитъ крупнымъ жемчугомъ спереди, около рукавовъ (длинныхъ въ 3 аршина) и по воротнику шириною въ 3 пальца. Такая одежда стоитъ иногда гораздо болѣе 3.000 талеровъ.

„Сваха чешетъ и жениха; между тѣмъ женщины, стоя на скамейкахъ, поютъ шутовскія пѣсни. Потомъ приходятъ двое юношей въ красивой одеждѣ съ сыромъ и хлѣбомъ на подносѣ, увѣшанномъ соболями. Это называется *крабейникомъ* (караваемъ?). Священникъ благословляетъ крабейникъ, который отно-

сятъ въ церковъ. Послѣ того ставятъ на столъ большую серебряную мису, наполненную четыре-угольными отрѣзками атласа, тафты, сколько нужно для небольшаго кошелька, также квадратными серебряными пластинками, перемѣшанными съ хмѣлемъ, овсомъ, ячменемъ. Сваха накрывъ невѣсту, осыпаетъ изъ мисы всѣхъ Бояръ и друзей жениховыхъ: они же — если хотятъ — подбираютъ съ земли кусочки серебра и атласа; во все это время поются пѣсни безъ умолку. Въ заключеніе родители невѣсты и жениха, вставъ съ своихъ мѣстъ, размѣниваютъ кольцы молодой четы.

„По окончаніи сихъ обрядовъ, сваха выводитъ изъ дома невѣсту, сажаетъ ее въ сани и везетъ въ церковь подъ покрываломъ. Шея лошади, запряженной въ сани, также и хомутъ увѣшиваются лисьими хвостами. За невѣстою слѣдуетъ жениховъ верхомъ съ дружками и Священникомъ, который иногда уже на вечеринкѣ такъ хорошо подгуляетъ, что его надобно поддерживать, дабы онъ не свалился съ лошади; ему нужна сія помощь и въ церкви, когда онъ отправляетъ свою обязанность. Подлѣ саней идутъ нѣсколько пріятелей и слугъ, поющихъ самыя нескромныя пѣсни.

„Часть церковнаго помоста, гдѣ происходитъ вѣнчаніе, покрываютъ красною тафтою, и сверхъ того, подъ ноги новобрачныхъ стелютъ особенную ткань. Предъ началомъ обряда, подаютъ Священнику пироги и паштеты, а надъ головою жениха и невѣсты держатъ большія иконы.

„Священникъ, благословивъ чету, беретъ у жениха правую руку, а у невѣсты лѣвую; и соединивъ ихъ, спрашиваетъ новобрачныхъ прижды: желаютъ ли они жить другъ съ другомъ? Когда же услышитъ троекратное *да*, обводитъ ихъ вокругъ и поетъ 128 псаломъ: а они подпѣваютъ ему, приплясывая (*). Послѣ того, кладетъ имъ на голову красивые вѣнцы (вдовѣ же, или вдовцу на плечо), съ сими словами: *растите и множитесь; что соединяетъ Богъ, того не расторгнутъ человѣку.* Между тѣмъ, всѣ гости, находящіеся въ храмѣ, зажигаютъ небольшія восковыя свѣчи и подаютъ Священнику деревянную вызолоченную чашу, иногда же хрустальный кубокъ, съ краснымъ виномъ: онъ пьетъ чашу за здоровье новобрачныхъ, которые также должны осушить ее прижды. Женихъ, ударивъ сосудомъ о землю, топчетъ его вмѣстѣ съ невѣстою, приговаривая: *такъ да погибнетъ подъ нашими ногами, кто вздумаетъ ссорить и мутить насъ.* Въ заключеніе женщины осыпаютъ молодыхъ льнянымъ и конопляннымъ сѣменемъ, желая имъ всякаго благополучія; причемъ дергаютъ невѣсту, какъ будто стараются отнять ее у жениха; но онъ держитъ ее крѣпко и проводивъ до саней, садится опять на лошадь. Подлѣ саней несутъ шесть восковыхъ свѣтильниковъ и припѣваютъ по прежнему всякую всячину.

„Изъ церкви возвращаются къ жениху; гости садятся съ нимъ за столъ, ѣдятъ, пьютъ и веселятся; невѣсту же немедленно раздѣ-

(*) Трудно повѣрить. *Издатель.*

ваютъ и кладутъ въ постель. Лишь только молодой примется за первое блюдо, его требуютъ къ невѣстѣ: предъ нимъ идутъ шесть или восемь мальчиковъ съ горящими факелами. Молодая, услышавъ о его приближеніи, встаетъ съ постели и, накинувъ на себя соболью шубу, привѣтствуетъ милаго наклоненіемъ головы. Мальчики, воткнувъ свѣчи въ кадь пшеницы и ячменя, получаютъ въ подарокъ по парѣ соболей и выходятъ вонъ. Женихъ садится за накрытый столъ вмѣстѣ съ невѣстою, которую онъ только теперь видитъ въ лице. Имъ подаютъ кушанья, между прочимъ жаренаго пѣтуха; женихъ, разорвавъ его на части, бросаетъ первый кусокъ — ногу или крыло — чрезъ себя, а другой ѣстъ. По окончаніи ужина, впрочемъ непродолжительнаго, молодые ложатся въ постель; за дверьми же спальни остается одинъ только старый служитель; и между тѣмъ какъ друзья и родные ворожатъ и колдуютъ для счастія новобрачныхъ... гремятъ трубы и литавры. Чрезъ нѣсколько часовъ, молодые идутъ въ баню, гдѣ они моются отдѣльно водою, виномъ, медомъ; за симъ юная жена даритъ мужа новою сорочкою съ жемчужнымъ на воротникѣ узоромъ.

„Слѣдующіе два дня проводятъ въ роскошныхъ пирахъ, пляскахъ и разныхъ увеселеніяхъ, какія только могутъ выдумать, при звукахъ музыкальныхъ инструментовъ и между прочимъ *псалтиря*, инструмента, похожаго на гусли: его держатъ близъ груди и пальцами перебираютъ струны, какъ на арфѣ. На сихъ то пирахъ, когда мужья порядочно подгуляютъ, жены ихъ находятъ случай повесе-

литься съ посторонними мужчинами ..... Такъ женятся люди знатные.

„Въ случаѣ же свадьбы простолюдина, женихъ посылаетъ невѣстѣ наканунѣ брака новыя платья, шапку и пару сапоговъ; сверхъ того, ларчикъ съ румянами, гребнемъ и зеркальцемъ. Въ день свадьбы приходитъ Попъ съ серебрянымъ небольшимъ крестомъ, провождаемый двумя мальчиками, несущими зажженныя восковыя свѣчи. Онъ благословляетъ сперва мальчиковъ, потомъ гостей; женихъ и невѣста садятся за столъ, раздѣляясь другъ отъ друга также красною шапною; когда сваха начнетъ чесать невѣстѣ волосы, молодые прижимаются другъ къ другу и прикоснувшись щеками смотрятся въ зеркальце и посмѣиваются. Между тѣмъ свахи осыпаютъ ихъ и гостей хмѣлемъ. Послѣ того всѣ отправляются въ церковь, гдѣ вѣнчаніе происходитъ съ тѣми же обрядами, какъ выше сказано.“ *Олеарій*, 210—215.

(48) Въ подлин. *de Vorest* т. е. Дворецъ.

(49) *Setuart.* — *Новая* четь или четверть вѣдала доходы съ питейной продажи; а другія четыре назывались: Галицкою, Новгородскою, Устюжскою, Казанскою. *Олеар.* 268.

(50) *Voit.* Въ выти считалось 12 четвертей доброй земли; въ десятинѣ 2 четверти, или 2.400 квадр. саженъ. *Карамз.* х. 259.

(51) Въ подл. *Casna.* Другія вѣдомства Авторъ называетъ такимъ образомъ: Bolschoi Prichod, pomiesnej pricas, Conusnej prikas, Roschodnoy Casna. Вообще Маржеретъ пи-

шетъ Русскія слова довольно правильно — для иностранца.

(52) „Съ лошадей, продаваемыхъ въ городахъ и селахъ брать пошлину отъ продавца деньгу, отъ купца деньгу же.“ *Судеб.* § 94.

(53) По извѣстію Бера (стр. 486), Поляки, овладѣвъ Москвою въ 1611 году и разграбивъ Царскія сокровища, похитили сей скипетръ — единственный въ мірѣ по драгоцѣнности. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ кость Единорога считалась самымъ цѣлебнымъ лекарствомъ отъ всѣхъ вообще болѣзней. *Рихтерова Исторія Медиц.* II. 202.

(54) Demy — muid. Т. е. около 8 ведръ.

(55) „А что Царь Государь, Князь Великій велѣлъ у гостей и у иноземцевъ у всякихъ и у всѣхъ людей, которые привозятъ бархаты, и камки, и всякое узорочье, и лошади, смотрѣть на себя Государя, что ему Государю пригодится, и какой гостъ, какой товаръ привезетъ, и таможникомъ тому выписи приносить къ Дьякамъ; а доколѣ о томъ Дьякамъ выписи принесутъ и доколѣ осмотрятъ, что Государю пригодится, того товару таможникомъ не отдавати и продавати не велѣти.“ *Уставная Таможенная Грамота* 1571 *года, въ. Собр. Госуд. Грам.* II. 57.

(56) Основываясь на семъ, Карамзинъ цѣнитъ каждый рубль XVI вѣка въ 5 нынѣшнихъ серебряныхъ, или около 2 червонцевъ. *И. Г. Р.* X. *пр.* 406.

(57) Ефимками назывались у насъ Рейхсталеры; слово *Ефимокъ* произошло отъ

Jochimsthal. *(Олеар. 223).* Въ половинѣ XVII вѣка мы принимали ихъ по 50 коп. каждый и передѣлывали въ свою монету съ прибылью: ибо въ семъ случаѣ 100 коп. вѣсили на поллота менѣе 2 ефимковъ.

(58) Abtesqui Baiarj — едва ли не опечатка, вмѣсто Abtecarsqui.

(59) Stolnic, Tshesnic, Strepsik, *pages* (*жильцы*, которыхъ Олеарій называетъ Edelknaben).

(60) *Suietnoi Plati.* Свѣтлое, или цвѣтное?

(61) Schisteit Plati.

(62) Наше войско состояло изъ пяти *полковъ: большаго* — главнаго корпуса, *передоваго* — авангарда, *праваго, лѣваго* и *сторожеваго* — резерва.

(63) De genets des *Gogiens,* опечатка, вмѣсто *Georgiens*, какъ называетъ Маржеретъ въ другомъ мѣстѣ Черкесовъ.

(64) Koin—конь, merin—меринъ: т. е. Авторъ думаетъ, что конями назывались у насъ лошади Ногайскія, а меринами — Русскія.

(65) Maritse. Эта болѣзнь извѣстна и нынѣ подъ симъ же названіемъ.

(66) Въ подлинникѣ: Croup qui est fait de millet et orge mondé. Mais le principal est fait *d'avoine*. Кажется ошибка, вмѣсто *гречневой*.

(67) Petigorsqui Shercassi qui sont les Georgiens. Турки осаждали Астрахань въ 1569 году.

(68) Терская крѣпость находилась близъ устья Терека. Въ 50 верстахъ отъ нея жили Пятигорскіе Черкесы. *Древняя Россійск. Идрограф.* 66.

(69) Это были *Рынды.*

(70) Въ подлинникѣ: deux ou trois cens Gentils-hommes.

(71) Царское привѣтствіе: „*Zar hospodar y veliquei knes: N. fsia Russia ialoet tebe,* qui veut dire, l'Empereur Seigneur et grand Duc: N. de tous les Russes te fait grace.

(72) *Patisni mieud,* qui veut dire, Medon de miel vierge. (т. е. напитокъ изъ крупчатаго меда). Предки наши любили медъ едва ли не болѣе другихъ напитковъ и умѣли приготовлять весьма искусно разные сорты онаго: вишневый, смородинный, мозжевеловый, обарный, приварный, бѣлый *паточный*, малиновый, черемховый, старый, вешній, медъ съ гвоздцы, Княжій и Боярскій.

(73) Очевидецъ Беръ описываетъ сіе ужасное событіе, согласно съ Маржеретомъ, слѣдующимъ образомъ:

„Голодъ, свирѣпствовавшій въ Россіи съ 1601 года по 1604, превосходитъ несравненно и то бѣдствіе Іерусалима, о коемъ повѣствуетъ Іосифъ Флавій, разсказывая, что Евреи должны были ѣсть кошекъ, мышей, крысъ, подошвы и голубиный навозъ; что одна благородная женщина, для утоленія нестерпимаго голода, умертвила собственное дитя свое, изрубила его части, сварила, сжарила и потомъ съѣла.

Ужаснѣе сего мы не находимъ ни одного событія въ сочиненіи Еврейскаго Историка.

„Свидѣтельствуюсь истиною и Богомъ, что въ Москвѣ я видѣлъ собственными глазами людей, которые, валяясь на улицахъ, лѣтомъ щипали траву, а зимою ѣли сѣно; у мертвыхъ находили во рту самый нечистый навозъ. Многіе родители убивали, рѣзали и варили своихъ дѣтей; дѣти своихъ родителей; мясо человѣческое, мелко изрубленное, продавалось въ пирогахъ за говяжье на рынкахъ; путешественники страшились останавливаться въ гостинницахъ.

„Когда разнеслась молва о столь ужасныхъ, неслыханныхъ злодѣяніяхъ, и на улицахъ находили ежедневно груды мертвыхъ людей, погибшихъ отъ голода; Борисъ Ѳеодоровичь, стараясь облегчить народное бѣдствіе помощію казны своей, приказалъ въ четырехъ оградахъ близъ городской стѣны каждое утро раздавать бѣднымъ жителямъ по деньгѣ. Свѣдавъ о семъ, окрестные земледѣльцы оставили свои жилища и съ семействами устремились въ Москву, чтобы также участвовать въ Царскомъ благодѣяніи. Такимъ образомъ до самого окончанія дороговизны съѣстныхъ припасовъ, раздавалось ежедневно до 50.000 денегъ. Сверхъ того, по волѣ Царя назначены были особенные люди, которые подбирали на улицахъ мертвыя тѣла, обмывали ихъ, завертывали въ бѣлое полотно и обувъ въ красные башмаки, вывозили *въ Божій Долъ* для погребенія. Безъ содроганія не льзя было смотрѣть на множество труповъ, вывозимыхъ изъ города ежедневно. До какой же степени, въ сіи не-

тыре года всеобщей дороговизны, казна оскудѣла отъ Царскаго милосердія, о томъ можно судить изъ слѣдующаго соображенія: я слышалъ самъ отъ нѣкоторыхъ купцевъ и достовѣрныхъ Сановниковъ, что въ одной Москвѣ погибло отъ голода болѣе 500.000 человѣкъ, которыхъ Его Величество при жизни кормилъ, а по смерти приказалъ одѣть и похоронить на своемъ иждивеніи. Если одинъ городъ испыталъ такое бѣдствіе, сколько же людей долженствовало погибнуть отъ глада и мора во всемъ Государствѣ и чего стоило казнѣ погребеніе оныхъ? Страшенъ Божій гнѣвъ, карающій Царства и народы! *Берова Лѣтопись Московская, стр.* 93—98.

(74) Сраженіе происходило при деревнѣ Добрыничахъ (нынѣ Добрынь).

„Въ сей день, *говоритъ Беръ*, Московская сила была бы совершенно истреблена, если бы два знамя не удержали побѣдоноснаго непріятеля. Однимъ изъ нихъ начальствовалъ Вальтеръ Фонъ-Розенъ, Лифляндецъ, а другимъ Яковъ Маржеретъ, Французъ. Воскликнувъ: *Hilf Gott*, сіи Герои бросаются на Поляковъ и, отразивъ ихъ стремленіе, принуждаютъ ихъ бросить отнятыя у Россіянъ пушки и обратиться въ бѣгство. Преслѣдуя, истребляя войско Димитріево, они безпрестанно призываютъ Бога на помощь. Москвитяне, увидѣвъ торжество малочисленныхъ Нѣмцевъ, останавливаются и, восклицая также *Hilf Gott* по-Нѣмецки, помогаютъ имъ разить враговъ на пространствѣ трехъ миль. Нѣмцы не мало смѣялись надъ Москвитянами, говоря, что они слишкомъ скоро выучи-

лись языку Нѣмецкому. При семъ случаѣ самъ Димитрій едва не попался въ плѣнъ: конь его былъ раненъ; — и всѣ 15.000 воиновъ его вѣрно погибли бы, еслибъ измѣнники Бориса не удержали Нѣмцевъ, посылая къ нимъ гонца за гонцемъ, съ повелѣніемъ прекратить сѣчу и безполезное кровопролитіе.“ *Лѣтопись Московская, стр.* 116—118.

Паерле разсказываетъ о семъ сраженіи слѣдующія подробности:

„Димитрій *(Самозванецъ)*, узнавъ достовѣрно, что непріятель всѣми силами подвигается впередъ и уже не болѣе, какъ на три мили отстоитъ отъ Сѣвска, собралъ совѣтъ и разсуждалъ, на что рѣшиться. Сужденія долго были несогласны; наконецъ онъ принялъ мнѣніе тѣхъ, которые убѣждали итти врагамъ на встрѣчу, не дожидаясь приближенія ихъ къ Сѣвску: ибо, говорили они, если враги обложатъ сію крѣпость, сопротивленіе будетъ невозможно, потому что пѣшъ средствъ одолѣть столь многочисленнаго войска, которое, преградивъ всѣ пути, успѣетъ пресѣчь подвозъ съѣстныхъ и военныхъ припасовъ и голодомъ поморитъ осажденныхъ. *Лучше,* говорилъ Димитрій, *встрѣтить враговъ въ полѣ, и въ битвѣ найти славную смерть, или побѣду.* Воины приготовились къ битвѣ.

„На другой день, по совершеніи Божественной службы, Димитрій повелъ свое войско, состоявшее изъ 14.000 человѣкъ, на лагерь Москвитянъ. Но едва прошелъ онъ половину пути, какъ передовый двѣнадцатитысячный отрядъ его встрѣтилъ наблюдательный полкъ

Москвитянъ, состоявшій изъ 5.000 ратниковъ, и завязалъ съ нимъ жаркое дѣло: около тысячи враговъ пало на мѣстѣ; двое знатныхъ Бояръ и многіе воины взяты въ плѣнъ, а прочіе съ ужасомъ побѣжали въ лагерь. Царскій Воевода, узнавъ о пораженіи сего отряда, немедленно оставилъ лагерь, расположенный подлѣ большой деревни, вывелъ войско на открытую равнину и устроилъ его къ битвѣ, убѣждая сразиться мужественно. Димитрій вступилъ также на сію равнину и, замѣтивъ, что его дружина слабая начала колебаться при видѣ столь многочисленныхъ враговъ, старался ободрить ее слѣдующими словами: „*Мои вѣрные друзья, мои любезные сподвижники! будьте смѣлы и мужественны; надѣйтесь на Бога; Всемогущій съ нами. Вы это уже видѣли: Онъ насъ никогда не оставлялъ, Онъ неизмѣнный нашъ покровитель. Я твердо увѣренъ, я убѣжденъ, что Богъ—Судія безпристрастный, что враги испытаютъ нынѣ Его правосудіе, что Онъ разсѣетъ и истребитъ ихъ.*“ Послѣ сего, Царевичь раздѣлилъ свое воинство на три отряда: первый, въ коемъ онъ самъ находился, состоялъ изъ 400 Поляковъ и 2.000 Москвитянъ, надѣвшихъ на панцыри бѣлыя рубахи для отличія отъ своихъ единоземцевъ; второй заключалъ 8.000 Конныхъ Запорожцевъ, третій 4.000 Казаковъ пѣшихъ. Сей послѣдній отрядъ остановился, въ значительномъ пространствѣ отъ двухъ первыхъ, за горою съ тяжелымъ снарядомъ, для того, что бы, въ случаѣ потери сраженія, прочіе могли найти опору и орудіями остановить непріятеля.

„Когда все было такимъ образомъ устроено, раздался трубный звукъ и битва началась. Димитрій, съ обнаженнымъ палашемъ въ рукѣ, поскакалъ на каремъ аргамакѣ, прямо въ толпу враговъ, надѣясь увлечь за собою дружину. За нимъ понеслись 400 Поляковъ и 2.000 Москвитянъ съ быстротою неимовѣрною. Непріятель, желая заманить ихъ подъ картечи, уклонился назадъ на значительное разстояніе, и потомъ, раздвинувъ свои ряды, встрѣтилъ нападающихъ залпомъ изъ 14 пушекъ и 16.000 ружей . . . Но Богъ явилъ Димитрію свою необыкновенную, чудесную милость: этотъ ужасный залпъ сразилъ не болѣе трехъ человѣкъ и ранилъ только пятерыхъ. Непріятель, не видя за облаками дыма рядовъ Димитріевыхъ, и полагая, что всѣ они были побиты, прекратилъ пальбу. Димитрій же, пользуясь дымомъ, ослѣпившимъ Москвитянъ, устремился впередъ съ частію своего войска и притомъ съ такою отвагою, что если бы 8.000 Казаковъ немедленно подали ему помощь, онъ, безъ сомнѣнія, удержалъ бы за собою поле битвы. Но Казаки измѣнили и разбѣжались (бывъ подкуплены Борисомъ за нѣсколько дней, какъ послѣ открылось). Не имѣя средствъ выдержать сильнаго напора, онъ обратился назадъ и въ бѣгствѣ искалъ спасенія. Враги быстро его преслѣдовали до третьяго отряда, гдѣ находились пѣшіе Казаки. Сіи вѣрные витязи остановили Москвитянъ картечью и долго, мужественно сражались, побивъ многихъ непріятелей; наконецъ подавленные безмѣрными силами, всѣ были изрублены на мѣстѣ. Димитрій же уска-

калъ съ прочими воинами въ Сѣвскъ, и если бы сіи Казаки не удержали враговъ на время, онъ достался бы живой, или мертвый, со всею дружиною, въ руки побѣдителей.“ *Изъ рукописи: Beschreïbung der Moscowitterishen Rayse и пр. сл. выше примѣч.* 31.

(75) „Въ Январѣ 1606 года, *говоритъ Беръ*, Димитрій *(Самозванецъ)* учредилъ Гвардію подъ начальствомъ трехъ Капитановъ. Старшимъ изъ нихъ былъ Французъ *Яковъ Маржеретъ*, человѣкъ весьма разумный, хорошо знавшій языкъ Нѣмецкій. Дружина его состояла изъ сотни Копьеносцевъ (Hartschier), вооруженныхъ бердышами съ золотымъ Царскимъ гербомъ; древки оныхъ были обтянуты краснымъ бархатомъ, (прикрѣпленнымъ вызолоченными серебряными гвоздиками), увиты серебряною проволокою, украшены серебряными и золотыми кистями. Царь назначилъ симъ воинамъ такіе оклады, что они большою частію могли носить плащи бархатные, обшитые золотымъ позументомъ, и вообще одѣваться весьма богато.

„Капитаномъ второй сотни былъ Кнутсенъ, родомъ Лифляндецъ: дружина его имѣла алебарды съ Царскимъ гербомъ по обѣимъ сторонамъ, и носила кафтаны фіолетоваго цвѣта, обшитые красными бархатными снурками; рукава же были изъ красной камки.

„Третьимъ Капитаномъ былъ Шотландецъ Альбертъ Вандеманъ, называвшійся прежде Паннотницкимъ, потому что онъ долго служилъ Полякамъ. Его отрядъ состоялъ также изъ сотни алебардщиковъ, отличавшихся отъ воиновъ второй сотни только тѣмъ, что

исподнее платье и кафтаны ихъ имѣли зеленую бархатную обшивку, а рукава были изъ зеленой камки. Всѣ они, получая хорошіе оклады, не мало гордились и подымали носъ. Эта Гвардія, раздѣляясь на двѣ половины, денно и нощно охраняла Димитрія.“ *Лѣтопись Московская, стр.* 157—159.

(76) Въ дополненіе къ извѣстіямъ Маржерета о смерти Самозванца, предлагаю выписку изъ драгоцѣннаго Берова повѣренія. Описавъ прибытіе въ Москву невѣсты Лжедимитрія со многими Поляками, Сочинитель продолжаетъ:

„Москвитяне весьма неохотно принимали сихъ гостей, вооруженныхъ съ головы до ногъ; многіе спрашивали Нѣмцевъ, развѣ по ихъ обычаямъ въ полномъ вооруженіи пріѣзжаютъ на свадьбу? Увидѣвъ же въ Польскихъ повозкахъ по пяти и по шести ружей, они вообразили, что находятся въ великой опасности. Уже и прежде народъ, замѣчая особенную милость Димитрія къ иноземцамъ, началъ вѣрить словамъ Шуйскаго, который, вмѣстѣ съ другими Боярами, разглашалъ, что сей Царь есть Самозванецъ; прибытіе многихъ вооруженныхъ Поляковъ еще болѣе увеличило подозрѣнія: Москвитяне жалѣли о Борисѣ, и думали что Нѣмцы и Поляки ихъ перебьютъ. Шуйскій, котораго Димитрій помиловалъ на свою пагубу, свѣдавъ о народномъ негодованіи, созвалъ къ себѣ нѣкоторыхъ Бояръ, купцевъ, Сотниковъ, Пятидесятниковъ, и объявилъ имъ: „Что Москва гибнетъ, пустивъ въ свои стѣны столь многихъ иноземцевъ; что онъ давно сіе предсказывалъ и хотѣлъ предупредить

опасность, но Москвитяне не помогали, а онъ едва не потерялъ головы; теперь они видятъ слѣдствія: Россія въ рукахъ Поляковъ. Самъ Димитрій есть Полякъ; его признали Царевичемъ только для того, что бы свергнуть Бориса, надѣясь впрочемъ найти въ юномъ Героѣ защитника вѣры и народныхъ обычаевъ; но жестоко обманулись. Онъ любитъ только иноземцевъ; презираетъ Святыхъ, оскверняетъ храмы Чудотворца Николая и Пречистой Дѣвы Маріи, дозволивъ некрещенымъ Ляхамъ приводить въ оные псовъ; изгоняетъ пастырей церковныхъ изъ домовъ ихъ, которые отдаетъ Латышамъ; да и самъ женится на потаной Полькѣ. „*Если мы*, продолжалъ Шуйскій, *не примемъ заранѣе мѣръ, то онъ надѣлаетъ намъ много бѣдствій. Я же, для спасенія православной вѣры, снова готовъ на все рѣшиться, только бы вы мнѣ помогали съ усердіемъ и вѣрностію неизмѣнною: каждый Сотникъ долженъ объявить своимъ подчиненнымъ, что Царь есть Самозванецъ и что онъ замышляетъ злое съ своими Поляками; пусть посовѣтуются съ товарищами, какимъ образомъ отклонить бѣду. Нашихъ нѣсколько сотъ тысячъ, а у него слабая толпа клевретовъ, по разнымъ мѣстамъ разсѣянныхъ; стоитъ только назначить день, чтобы избить ихъ сонныхъ вмѣстѣ съ обманщикомъ.*“ Въ заключеніе, Шуйскій убѣждалъ единомышленниковъ приступить къ дѣлу заблаговременно и тотчасъ его извѣстить, на что рѣшался Граждане. Народъ, уже склонный къ мятежу, охотно согласился очистить городъ православный отъ невѣрныхъ и обѣщалъ принять сторону Шуй-

скаго, лишь только настанетъ часъ къ исполненію заговора. Тогда условились въ планѣ: по первому набату, Москвитяне долженствовали броситься прямо во Дворецъ съ воплемъ: „Поляки хотятъ умертвить Государя!“ и окруживъ Царя, будто бы для спасенія, предать его смерти; потомъ ворваться въ Польскія жилища, которыя наканунѣ будутъ означены Русскими буквами, и всѣхъ чужестранцевъ истребить, кромѣ однихъ Нѣмцевъ, всегда преданныхъ Россіи.

„Такъ составленъ былъ сей тайный заговоръ. Димитрій получилъ нѣкоторыя свѣденія о зломъ умыслѣ; но ни мало не безпокоился, въ надеждѣ имѣть довольно силы для усмиренія Россіянъ, не размысливъ, что Поляки, разсѣянные по городу, жили въ домахъ отъ Дворца удаленныхъ. Онъ испыталъ это во время бунта.

„8 Мая совершилось Царское бракосочетаніе; вскорѣ потомъ Царица была коронована. Наканунѣ свадьбы Димитрій имѣлъ жаркій споръ съ своими Боярами: Поляки хотѣли нарядить невѣсту въ Польское платье, говоря, что къ иноземному она еще не привыкла; Россіяне же требовали, чтобы какъ Царь, такъ и Царица вѣнчались по старинѣ въ Русскомъ. Послѣ долговременнаго прѣнія, Димитрій сказалъ: *хорошо, — я согласенъ исполнить желаніе Бояръ и обычай народный, чтобы никто не жаловался, будто я замышляю великія перемѣны: одинъ день ничего не значитъ.* Потомъ убѣдивъ невѣсту надѣть Русское платье, онъ обвѣнчался съ нею въ церкви Пресвятой Богородицы. Но въ слѣдующій

день (9 Мая) прислалъ къ супругѣ Польскую одежду, объявивъ приномъ: *вчера я сдѣлалъ угодное народу,—теперь же намѣренъ дѣйствовать по собственной волѣ.* Съ того времени Царица всегда наряжалась по-Польски.

„Праздновали эту свадьбу весьма весело: вдоволь ѣли и пили, пѣли и плясали; не говоря о музыкѣ инструментальной, скажу только, что вокальная состояла изъ 32 голосовъ: всѣ пѣсельники привезены были изъ Польши. Поляки при семъ случаѣ напились до пьяна и возвращаясь домой, поступали весьма нагло, рубили саблями встрѣчавшихся Москвитянъ, извлекали изъ каретъ знатныхъ Боярынь.... Народъ же все это бралъ на замѣчаніе.

„Въ субботу (10 Мая) Царь приказалъ изготовить всѣ мясныя кушанья изъ шеляпины, презрѣвъ народный обычай: ибо Россіяне признаютъ такую пищу заповѣдною. Русскіе повара не упустили разгласить о семъ въ народѣ, и Москвитяне еще болѣе убѣдились, что Царь ихъ — Полякъ; но скрыли свое негодованіе, ожидая удобнаго случая.

„12 Мая разнеслась въ городѣ молва, что Димитрій измѣнилъ Православію; говорили, что онъ весьма рѣдко посѣщаетъ Божіе храмы, слѣдуетъ чуждымъ обычаямъ, ѣстъ нечистую пищу, не выпарившись ходитъ къ обѣднѣ, не кладетъ поклоновъ предъ образомъ Чудотворца Николая, послѣ свадьбы ни разу съ своею погапою женою не мылся въ банѣ, хотя она безпрестанно тонится: все убѣждало народъ, что онъ не могъ быть истиннымъ Димитріемъ. Такъ говорили на всѣхъ рынкахъ.

Двое Алебардщиковъ, схвативъ одного изъ сихъ говоруновъ, привели его во Дворецъ и донесли Государю, какой умыселъ затѣяли измѣнники. Димитрій сдѣлался осторожнѣе, собралъ всю Гвардію, велѣлъ ей быть во Дворцѣ безотлучно и приказалъ допросить возмутителя; но коварные Бояре смотрѣли на сего бездѣльника сквозь пальцы и увѣрили Царя, что виновный болталъ дерзкія рѣчи отъ глупости въ пьяномъ видѣ, что и трезвый онъ умнѣе не бываетъ; говорили, что Государь напрасно слушаетъ пустыя вѣсти наушниковъ Нѣмцевъ и что у него довольно силы для усмиренія мятежа, если бы кто либо оный затѣялъ. Сіи увѣренія такъ успокоили безстрашнаго Героя, что онъ не обратилъ даже вниманія на донесенія своихъ Капитановъ, которые 13, 14, 15 и 16 Мая увѣдомляли его о таившейся измѣнѣ. Спрятавъ ихъ письменныя извѣстія и сказавъ: *все это ничего не значитъ*, — онъ оставилъ изъ своей Гвардіи во Дворцѣ по прежнему не болѣе 50 воиновъ, а прочимъ велѣлъ разойтись по домамъ и ожидать его приказанія. Но справедливо говоритъ пословица: чѣмъ менѣе думаемъ, тѣмъ скорѣе бѣда сбывается. Димитрій оправдалъ изрѣченіе Св. Апостола Павла: *Егда бо рекутъ — миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападетъ на нихъ всегубительство.* Царь, не вѣрившій ни предзнаменованіямъ, ни очевиднымъ свидѣтельствамъ, былъ сраженъ измѣнниками прежде, нежели успѣлъ опомниться.

„Ночью на 16 Мая случился такой морозъ, какого еще никогда не бывало: всѣ овощи завяли; это не предвѣщало ничего добраго.

„Наконецъ 17 Мая свершился дьявольскій умыселъ, таившійся въ продолженіе цѣлаго года. Въ 3 часу по полуночи, когда Царь и Польскіе Господа покоились глубокимъ сномъ и не успѣли еще проспаться отъ вчерашняго похмѣлья, — измѣнники ударили вдругъ во всѣ колокола, коихъ въ каждой церкви по пяти и по шести, въ нѣкоторыхъ по двѣнадцати, а церквей въ Москвѣ по крайней мѣрѣ три тысячи. Народъ взволновался; нѣсколько сотъ тысячь человѣкъ, схвативъ дубины, ружья, сабли, копья, кто что могъ, — бѣшенство ихъ вооружало — устремились ко Дворцу съ крикомъ: *кто умерщвляетъ Царя!* „Поляки,“ отвѣчали Бояре.

„Димитрій, изумленный тревогою, немедленно приказалъ своему любимцу, Басманову, узнать о причинѣ смятенія. Но коварные Бояре отвѣчали сему Вельможѣ, что имъ неизвѣстно, отъ чего волнуется народъ, и что вѣроятно случился гдѣ нибудь пожаръ. Когда же съ громомъ набатовъ соединились неистовые крики, достигшіе внутреннихъ Царскихъ покоевъ, Димитрій, выславъ Басманова вторично съ повелѣніемъ удостовѣриться, точно ли открылся пожаръ, самъ оставилъ свое ложе и началъ одѣваться. Басмановъ, увидѣвъ весь дворъ, наполненный людьми вооруженными, спрашиваетъ, чего они хотятъ, и что значитъ колокольный звонъ? Народъ возопилъ:..... *выдай Самозванца; тогда узнаешь отвѣтъ нашъ.*

„Не сомнѣваясь въ бунтѣ, Басмановъ бросился назадъ, приказалъ Копьеносцамъ не впускать ни одного человѣка, а самъ въ отчаяніи

прибѣжалъ къ Царю, рвалъ на себѣ волосы и говорилъ ему: *все кончилось, народъ требуетъ головы твоей! Ты самъ Государь виноватъ: зачѣмъ не послушалъ вѣрныхъ Нѣмцевъ!* Между тѣмъ, одинъ изъ Бояръ ворвался сквозь толпу тѣлохранителей въ Царскій покой и закричалъ Димитрію: *ну, безвременный Царь! проспался ли ты? зачѣмъ не выходишь къ народу и не даешь ему отчета?* Вѣрный Басмановъ, схватившъ Царскій палашъ, срубилъ голову сему наглецу. Самъ Димитрій вышелъ въ переднюю, гдѣ были его Алебардщики, выхватилъ мечь у Курляндскаго Дворянина Вильгельма Шварцгофа и грозя народу кричалъ: *я самъ не Борисъ!* Но встрѣченный выстрѣлами, спѣшилъ удалиться. Басмановъ же приблизился къ толпѣ Бояръ и просилъ ихъ не выдать Государя. Тапищевъ, знатный Вельможа, обругалъ его, какъ не льзя хуже, и ударилъ своимъ длиннымъ ножемъ такъ, что онъ палъ мертвый. Бояре сбросили его съ крыльца, вышиною въ 12 саженъ. Такъ погибъ за Царя сей Герой — другъ и покровитель Нѣмцевъ.

„Мятежники, ободренные смертію храбраго и осторожнаго мужа, какъ псы кровожадные кинулись на тѣлохранителей, пребуя выдачи Обманщика. Царь снова явился предъ буйною толпою и хотѣлъ разогнать ее палашемъ; но легко ли было одолѣть такое множество! Сія толпа вырубила нѣсколько досокъ въ стѣнѣ, вломилась въ палаты и обезоружила Копьеносцевъ. Димитрій же едва могъ убѣжать во внутренніе покои. Нѣмцы заперли оные изнутри и стали за дверями.

„Устрашенный Царь бросилъ палашъ, не говорилъ ни слова, рвалъ на себѣ волосы и потомъ скрылся въ другой комнатѣ. Россіяне, стрѣляя въ дверь перваго покоя, заставили Нѣмцевъ отойти въ сторону: наконецъ раздробили ее топорами. „О для чего, говорили между собою Алебардщики, мы здѣсь не всѣ вмѣстѣ и не имѣемъ ружей! Тогда мы увѣнчались бы славою и спасли бы Царя: это оружіе годится только для красы, а не для дѣла. И онъ, и мы пропали. Горе женамъ, дѣтямъ и друзьямъ нашимъ! Ихъ вѣрно уже нѣтъ въ живыхъ. Горе и Царю, отвергшему совѣты наши! Погибая самъ, онъ губитъ и насъ.“ Они удалились въ другую комнату, куда скрылся Димитрій, и заперли ее; но видя, что его тамъ нѣтъ, бросились въ третію, гдѣ также его не было.

„Царь, между тѣмъ, пробѣжавъ Царицыны покои, достигнулъ каменнаго Дворца и выскочилъ отъ страха въ окно, вышиною отъ земли на 15 саженъ; — но вся надежда на спасеніе изчезла: онъ вывихнулъ себѣ ногу. Россіяне, преслѣдуя его изъ одной комнаты въ другую, напали на цѣлохранителей, стоявшихъ подлѣ Царской умывальни, и отнявъ у нихъ оружіе, приставили къ нимъ столько людей, что лишили ихъ всякаго средства къ освобожденію; причемъ спрашивая, куда дѣвался Царь, обыскивали Дворецъ и похитили множество сокровищъ.

„Бояре же и Князья вломились къ Царицѣ; женщины ея обмерли отъ страха, а сама она спряталась подъ платье своей Гофмейстерины. *Гдѣ Царь и Царица?* воскликнули Боя-

ре .... *Валъ лучше должно знать, куда вы дѣвали Царя; мы не обязаны его карауллить* — было отвѣтомъ .....

„Между тѣмъ Стрѣльцы, стоявшіе на стражѣ, увидѣвъ лежащаго Государя и услышавъ стоны его, спѣшили помочь ему и хотѣли отнести его во Дворецъ. Народъ, замѣтивъ сіе, увѣдомилъ Бояръ, которые тотчасъ оставили Гофмейстерину, и бросились съ крыльца, въ намѣреніи умертвить Димитрія; тщетно Стрѣльцы старались спасти его; положивъ на мѣстѣ одного или двухъ Бояръ ружейными выстрѣлами, они вскорѣ должны были уступить силѣ.

„Бояре схватили разбитаго въ паденіи Царя и повлекли его такъ, что онъ могъ бы сказать съ плѣнникомъ Плавта: слишкомъ несправедливо тащить и колотить въ одно время. Его внесли въ комнаты, прежде великолѣпно убранныя, но тогда уже разграбленныя и изгаженныя. Въ прихожей было нѣсколько тѣлохранителей подъ стражею, обезоруженныхъ и печальныхъ. Царь взглянулъ на нихъ, и слезы потекли изъ глазъ его; онъ протянулъ къ одному изъ нихъ руку, но не могъ выговорить ни слова; что думалъ — извѣстно только Богу Сердцевѣдцу: можетъ быть онъ вспомнилъ неоднократныя предостереженія своихъ вѣрныхъ Нѣмцевъ. Одинъ изъ Копьеносцевъ, Лифляндскій Дворянинъ Вильгельмъ Фирстенбергъ, пробрался въ комнату, желая знать, что будетъ съ Царемъ; но былъ заколотъ однимъ изъ Бояръ, подлѣ самого Государя. *Смотри*, говорили нѣкоторые Вельможи, *какъ усердны псы Нѣмецкіе! и теперь не поки-*

дают своего Царя: побьем их до последняго.“ Но другіе не согласились.

„Принесшіе Димитрія въ комнату, поступали съ нимъ не лучше Жидовъ .... Тотъ щиплетъ, другой колетъ ... вмѣсто Царской одежды нарядили его въ платье пирожника и осыпали насмѣшками. *Поглядите на Царя Всероссійскаго* — сказалъ одинъ; *у меня такой Царь на конюшнѣ* — говорилъ другой ..... Третій, ударивъ его по лицу, закричалъ: *говори ..... кто ты, кто твой отецъ и откуда ты родомъ? Вы всѣ знаете*, отвѣчалъ Димитрій, *что я Царь вашъ, сынъ Іоанна Васильевича. Спросите мать мою — она въ монастырѣ, или выведите меня на Лобное мѣсто и дозвольте мнѣ объясниться.* Тутъ выскочилъ впередъ съ ружьемъ одинъ купецъ, по имени Валуевъ (Mulnick), и сказавъ: *чего толковать съ Еретикомъ? вотъ я благословлю этого Польскаго свистуна* — проспѣлилъ его насквозь.

„Между тѣмъ старый измѣнникъ Шуйскій разъѣзжалъ на дворѣ верхомъ и уговаривалъ народъ скорѣе умертвить вора. Всѣ мятежники бросились ко Дворцу; но какъ онъ былъ уже наполненъ людьми, то они остановились на дворѣ, спрашивая, что говорилъ Польскій игрокъ, и услышавъ, будто бы Димитрій повинился въ самозванствѣ (чего онъ впрочемъ не сдѣлалъ), завопили: *бей его, руби его.* Князья и Бояре обнажили сабли и ножи: одинъ разсѣкъ ему лобъ, другой затылокъ; тотъ отрубилъ руку, иной ногу; нѣкоторые вонзали въ животъ ему ножи. Потомъ вытащили трупъ убіеннаго въ сѣни, гдѣ погибъ вѣрный Басма-

новъ, и сбросивъ его съ крыльца, кричали: *ты любилъ его живаго, не разставайся и съ мертвымъ.* — Такимъ образомъ тотъ, кто вчера гордился своимъ могуществомъ и въ *цѣломъ свѣтѣ* гремѣлъ славою, — теперь лежалъ въ пыли и прахѣ. Бѣдствіе поразило и его, и супругу, и гостей въ 9 день послѣ брака. Не худо было бы и другимъ остерегаться такой же свадьбы.“ *Лѣтоп. Москов. стр.* 173 — 203.

(77) Такъ описываетъ Самозванца Беръ:

„Не проходило дня, когда бы онъ не присутствовалъ въ Совѣтѣ, гдѣ Сенаторы докладывали ему дѣла Государственныя и подавали объ оныхъ свои мнѣнія. Иногда слушая долговременныя, безплодныя пренія ихъ, онъ смѣялся и говорилъ: *столько часовъ вы разсуждаете, и все безъ толку; такъ я вамъ скажу, дѣло вотъ въ чемъ*, — и въ минуту, ко всеобщему удивленію, рѣшалъ такія дѣла, надъ которыми сановитые Бояре долго ломали свои головы; любилъ блистать краснорѣчіемъ, приводилъ примѣры изъ Бытописанія разныхъ народовъ, или разсказывалъ нѣкоторые случаи собственной жизни; нерѣдко, впрочемъ всегда ласково, упрекалъ сихъ Господъ невѣжествомъ, говоря, что они ничего не видали, ничему не учились; обѣщалъ дозволить имъ посѣщать чужія земли, гдѣ они могли бы усовершенствовать свои способности; велѣлъ объявить народу, что будетъ два раза въ недѣлю самъ принимать на крыльцѣ челобитныя; а въ облегченіе бѣдняковъ, изнуряемыхъ долговременными тяжбами, предписалъ всѣмъ Приказамъ рѣшать дѣла безъ всякихъ подарковъ; сверхъ того, какъ Россіянамъ, такъ и чужеземцамъ, даро-

валъ свободу въ торговлѣ и промышленности; отъ сихъ мѣръ дороговизна мало по малу прекратилась, и все Государство пришло въ цвѣтущее состояніе. За силомъ онъ охотно слушалъ музыку и пѣніе; но отмѣнилъ многіе обряды, напримѣръ, знаменіе креста и окропленіе святою водою; чему удивляясь закоренѣлые въ предразсудкахъ Москвитяне, стали сомнѣваться, точно ли новый Царь - природный Россіянинъ: эта мысль сокрушала ихъ. Послѣ обѣда, онъ не любилъ отдыхать, вопреки обычаю прежнихъ Царей и всѣхъ вообще Москвитянъ, а осматривалъ въ сіе время казну, аптеки и мастерскія художниковъ; иногда выходилъ изъ Дворца самъ—другъ и столь тихо, что Стрѣльцы, не зная, куда онъ дѣвался, должны были искать его. Это казалось не менѣе страннымъ: ибо въ старину Русскіе Цари, сохраняя свое величіе, не переходили изъ одной комнаты въ другую безъ того, чтобы толпа Князей не вела или, лучше сказать, не переносила ихъ. Отправляясь въ церковь, онъ ѣздилъ не въ каретѣ, а на конѣ и притомъ не на смирномъ; садился же на него не такъ, какъ прежніе Цари, которые обыкновенно становились на брусъ, подставляемый двумя Боярами, и влезали на лошадь: Димитрій, взявъ одною рукою поводъ, другою едва прикасался къ сѣдлу, уже былъ на конѣ; и ни одинъ ѣздокъ не могъ сравняться съ нимъ въ ловкости.... *Однимъ словомъ, изъ глазъ, рукъ и ногъ его, изъ рѣчей и поступковъ было замѣтно, что это совсѣмъ иной Гекторъ, воспитанный въ доброй школѣ, много видѣвшій, много испытавшій.*“ *Лет. Москов. стр.* 149—154.

(78) Догадки, ни чѣмъ не подтверждаемыя. Лжедимитрій, открывшись Князю Адаму Вишневецкому, разсказывалъ, будто бы въ Угличѣ онъ спасенъ отъ смерти какимъ—то Докиромъ. *Собр. Госуд. Грам.* II. 294.

(79) Это былъ Чернецъ Леонидъ, по мнѣнію Карамзина. *Ист. Госуд. Росс.* XI. 320.

(80) Но *Дядя* Самозванца, Смирной Отрепьевъ, увѣрялъ Шведскаго Короля Карла IX, что мнимый Димитрій былъ сынъ Якова Богдана Отрепьева и по совѣту людей злонамѣренныхъ, особенно какого-то инока, назвался сыномъ Іоанновымъ. *Петрей*, 371.

(81) Авторъ не приложилъ сей подписи, на которую онъ ссылается. Русскій Переводчикъ надѣется замѣнить ее вѣрнымъ снимкомъ почерка Лжедимитріева на трехъ языкахъ: Русскомъ, Польскомъ и Латинскомъ. (*Смл. Соб. Госуд. Грам.* II). Подпись Латинская (Jn Perator) особенно замѣчательна потому, что она вполнѣ оправдываетъ Маржерета.

(82) То есть Ересь Лютерову.

(83) Они и не думали сего доказывать, называя Лжедимитрія монахомъ Чудовскаго Монастыря.

(84) См. Карамз. Ис. Гос. Рос. X. 128.

(85) Лжедимитрій обязался выдать Воеводѣ Сендомирскому одинъ милліонъ злотыхъ и уступить его дочери въ вѣчное владѣніе Государство Новгородское и Псковское. Договоръ о семъ, подписанный Самозванцемъ, *явленъ* Королевскимъ Главнымъ Надзирателемъ въ 1668 году. Подобнымъ же договоромъ

въ 1604 г. Лжедимитрій отдавалъ одну половину Смоленской и Сѣверской земли Воеводѣ Сендомирскому, а другую Королю Польскому. *Собр. Гос. Грам.* II. 159 *и* 165.

(86) Секретарь Лжедимитрія Янъ Бучинскій подтвердилъ, что Самозванецъ дѣйствительно хотѣлъ истребить Вельможъ; о чемъ разсуждалъ наканунѣ своей смерти съ Княземъ Вишневецкимъ въ присутствіи Бучинскаго. *Собр. Гос. Гр.* II. 296. Карамзинъ впрочемъ не вѣритъ сему показанію, вынужденному страхомъ. XII. 7.

(87) Не забудемъ, что Авторъ былъ Католикъ.

(88) Современникъ Беръ, усердно преданный Лжедимитрію, не хотѣлъ однако обманывать потомковъ и доказыя самозванство его, приводитъ слѣдующія свидѣтельства:

„Разногласіе въ сужденіяхъ о Димитріи, котораго одни признаютъ сыномъ Царя Іоанна Васильевича, а другіе — иноземцемъ, побудило меня развѣдать истину.

„1. Однажды просилъ я Басманова убѣдительно сказать мнѣ: имѣетъ ли всемилостивѣйшій Государь нашъ законное право на престолъ Россійскій? Басмановъ, въ присутствіи одного Нѣмецкаго купца, отвѣчалъ мнѣ по довѣренности слѣдующее: *Вы, Нѣмцы, имѣете въ немъ отца и брата; онъ жалуетъ васъ болѣе, чѣмъ всѣ прежніе Государи; молитесь о счастіи его вмѣстѣ со мною: хотя онъ и неистинный Царевичъ, однакожъ Государь нашъ: ибо мы ему присягнули, — да и лучшаго Царя найти не можемъ.*

„2. Такимъ же образомъ открылъ мнѣ правду одинъ Аптекарь, служившій лѣтъ 40 сперва старому Тирану, потомъ сыну его, послѣ того Годунову и наконецъ Димитрію: онъ зналъ хорошо юнаго Царевича, имѣвъ случай видѣть его ежедневно. Сей Аптекарь увѣрялъ меня, что Димитрій — не сынъ Іоанновъ; что Царевичь былъ похожъ на свою мать, Марію Ѳеодоровну, а Царь ни мало съ нею не сходствуетъ.

„3. Тоже самое говорила мнѣ одна благородная Лифляндка, взятая въ плѣнъ Царемъ Іоанномъ и въ послѣдствіи освобожденная въ 1611 году. Она была повивальною бабкою старой Царицы и находилась при Дворцѣ безотлучно, воспитывая Царевича.

„4. Вскорѣ по убіеніи Димитрія, я отправился въ Угличь съ Нѣмецкимъ купцомъ Берндтомъ Хеперомъ, родомъ изъ Риги. На пути, въ одной деревнѣ мы встрѣтили стопятилѣтняго старца, служившаго въ Угличѣ Дворцовымъ сторожемъ. Разговорясь съ нимъ о умерщвленномъ Государѣ, мы просили его неотступно объяснить намъ, дѣйствительно ли сей Царь былъ сынъ Іоанновъ. Старикъ, убѣжденный нашимъ обѣщаніемъ никому не открывать словъ его, всталъ съ своего мѣста и перекрестившись, сказалъ: *убитъ Государь весьма храбрый; въ теченіе одного года онъ заставилъ трепетать всѣхъ сосѣдовъ. Умертвивъ его, Москвитяне поступили весьма неблагоразумно: ибо сами возвели его на престолъ; конечно онъ невсегда наблюдалъ наши обычаи, но тѣмъ не менѣе надлежало дѣйствовать осторожнѣе. Онъ былъ человѣкъ разумный — однако не сынъ*

Іоанна Васильевича. Сей послѣдній зарѣзанъ въ Угличѣ — тому уже 17 лѣтъ — и вѣрно истлѣлъ давнымъ давно. Я самъ видѣлъ его мертваго, лежащаго на полѣ лицемъ, гдѣ онъ всегда игрывалъ. Суди Богъ Князей и Бояръ нашихъ, погубившихъ двухъ Царей сряду: время покажетъ, будемъ ли счастливые!

„5. Многіе Поляки увѣряли, что онъ былъ побочный сынъ Короля ихъ Стефана Баторія. Предводитель Польскихъ войскъ, осаждавшихъ Троицкій Монастырь, Іоаннъ Сапѣга, однажды за столомъ выхваляя храбрость Поляковъ и доказывая, что они превосходили ею самихъ Римлянъ, между прочимъ говорилъ: *за три года предъ симъ, вооруженною рукою мы посадили на Русскій престолъ бродягу, подъ именемъ сына Царя Іоанна Грознаго; теперь въ другой разъ даемъ Русскимъ новаго Царя и уже завоевали для него половину Государства; онъ также будетъ называться Димитріемъ. Пусть ихъ лопнутъ съ досады: оружіемъ и силою мы сдѣлаемъ, чего хотимъ.* Я самъ это слышалъ.

„6. Въ Угличѣ Князья и Бояре вообще не любили юнаго Царевича, потому, что въ немъ, еще отрокѣ, обнаруживались признаки жестокосердія; люди же незначительные не могли похитить его изъ Дворца.

„7. Россіяне, особливо знатнаго рода, согласятся скорѣе уморить, нежели отправить своихъ дѣтей въ чужія земли: развѣ Царь ихъ принудитъ. Они думаютъ, что одна Россія есть Государство Христіанское; что въ другихъ странахъ обитаютъ люди поганые,

некрещеные, не вѣрующіе въ истиннаго Бога; что ихъ дѣти навсегда погубятъ свою душу, если умрутъ на чужбинѣ между невѣрными, и только тѣ идутъ прямо въ рай, которые оканчиваютъ жизнь на родинѣ..... Изъ вышесказаннаго очевидно, что сей Димитрій былъ не сынъ Іоанновъ, а иноземецъ; Россіяне же признали его Царевичемъ только для того, чтобы свергнуть осторожнаго Бориса, котораго иначе не льзя было бы низложить съ престола.“ *Лѣтопись Московс. стр.* 246—253.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

ГЛАВНѢЙШИХЪ ПРЕДМЕТОВЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ТЕКСТѢ СЕЙ КНИГИ (*).

Агрійская битва — bataille de Agria, 4.

Алтынъ — Altins, цѣна его, 46.

Англичане торгуютъ чрезъ Астрахань съ Персіею, 3.

Аптечный Бояринъ — Abtesqui Baiary, 48.

Архангельск. Соборъ — l'Eglise nommée Archangel, мѣсто погребенія Россійскихъ Государей, 86.

Архангельскъ — Archangel, 1. 5. 104.

Астрахань — Astrican — торговля, 2; баранцы, 3.

Басмановъ Петръ Ѳедоровичь — Pierre Federvits Basmanof: отражаетъ Димитрія (*Самозванца*) отъ Новагорода Севѣрскаго, 78. Главный вождь Царской рати, 84. Измѣна его, 85. Спасаетъ Татищева, 91. Предостерегаетъ Димитрія (*Самоз.*), 94. Смерть его 94.

Безчестіе — Beshest, 82 — 84.

Бертранъ де Кассанъ — Bertrand de Cassans: свидѣтельство его о Димитріи (*Самоз.*), 100.

Большой приходъ — Bolshoi Prichod, 39.

Борисовъ — Borisof, 4, 78.

Борисъ Ѳеодоровичь — Boris Federvits — укрѣпляетъ Смоленскъ, 1. 13. Шуринъ Царскій, 12. Свойства его, 13. 14. Правитель Россіи — Protecteur du païs, 13. 16. Удаляетъ Царевича Димитрія въ Угличь,

(*) Въ словахъ Французскихъ соблюдено правописаніе подлинника безъ малѣйшей перемѣны.

13. 106. Приказываетъ умертвить его, 14. Зажигаетъ Москву, 14. Избраніе его на Царство, 15—17. Серпуховскій походъ, 17—18. 44. Коронованіе, 18. Политика его, 65—67. Ослѣпленіе Царя Симеона, 66. Густавъ Шведскій въ Россіи, 67. Всеобщій голодъ, 73—75. Іоаннъ, Принцъ Датскій женихъ Борисовой дочери, 75. Подозрительность и тиранство, 76—77. Явленіе Димитрія (*Самоз.*) и война съ нимъ, 77—82. Смерть Царя Бориса, 82. Характеръ его, 105. Намѣреніе просвѣтить подданныхъ, 113.

Бояре Baiarj:— Думный Domney, 29. Конюшій— Canusnej, 48. Аптечный—Abtesqui, 48.

Бучинскій — Bouchinsqui — Секретарь Димитрія (*Самоз.*) 88, 100.

Бѣлгородъ— Gorod, 4. 78.

Бѣльскій — Belsqui, 86.

Василій Іоанновичь Царь—Basilius Johannes, 2.

Великій Господарь Турскій — Veliqui Ospodar tursk, 10.

Великій Ханъ—le grand Cam, 4.

Вельяминовъ — Villiaminoff, 86.

Верста—verst, virst, 1.

Вишневецкій — Visnovetsqui—пріѣздъ его въ Россію, 90. Принимаетъ странствующаго Димитрія (*Самоз.*), 106.

Власьевъ Аѳанасій Ивановичь — Offernace Ioannevits Velaci — Посолъ Димитрія (*Самоз.*) при Королѣ Польскомъ, 88.

Воеводы—Voyvodes, 51.

Вологда — Vologda, 59.

Воротынскій — Vorotinsqui, 87.

Вытъ — Voit, 40.

Галичь—Galits, родина Отрепьева, 107.

Голицынъ Князь Василій Ивановичь — Knes Vacile Juannevits Galitchin, передается Димитрію (*Самоз.*), 85.

Годуновъ Иванъ Ивановичь—Juannevits Godonof, выданъ Димитрію, 85.

Голова — Golova, 48.

Гривна—Grivene, 46.

Гришка Отрепьевъ—Grisque ou Gregorij Otrepiof, см. Разстрига.

Губный Староста — Goubna Starast, 32.

Густавъ, Принцъ Шведскій въ Россіи 67.

Данія, отечество Рюрика, 9.

Даточные люди—Datichney Ludei, 58.

Дворецкій—le Maistre d'Hotel, 39. 48.

Дворцовый приказъ—de Vorest, 39.

Дворяне — Devorens: Выборные—Vuibourne, 49. Городовые — Gorodovoi, 56. Думные — Domney, 29. Московскіе—Moscoffqui, 29.

Дворянство — la Noblesse — разныя степени, 29. Образъ жизни, 34. 37.

Деньги—Dengi, Denins, 46.

Десятина—decetin, 40.

Десятникъ—Decetnic—Caporal, 48.

Димитрій Іоанновичь—Demetrius Iohannes—сосланъ въ Угличь Борисомъ, 13. 106. *Спасенъ* отъ смерти, 14. 106. Возвращеніе въ Россію и война съ Борисомъ, 77—82. Битва при Новѣгородѣ Сѣверскомъ, 78. Оставленъ Поляками, 79. Пораженіе 21 Января 1605 года, 80. Удаленіе въ Путивль, 81. Покорность войска и походъ на Москву, 85—87. Свиданіе съ матерью, 87. Коронація, 87. Замыселъ Шуйскаго, 88. Обрученіе съ дочерью Воеводы Сендомирскаго, 89. Гвардія, 89. Опала Ташищева, 90. Возмущеніе Казаковъ, 91. Переписка съ Царемъ—Петромъ, 92. Бракъ съ дочерью Воеводы Сендомирскаго, 88. Короноваше Царицы, 93. Размолвка съ Посломъ Польскимъ, 93 — 94. Убіеніе Димитрія (*Самоз.*), 94—96. Тѣлесныя и душевныя свойства его, 89. 97. 98. 112. 114. 116. 118. Молва о спасеніи его и свидѣтельство разныхъ лицъ, 98—104. Мнѣніе совре-

мешниковъ, 105. Доказательства Автора, что Димитрій(*Самоз.*) былъ сынъ Іоанна IV, 105—121.

Діоткримъ—Diotkrim, 11.

Домараскій—Domarasqui, 79.

Дума—Conseil, 15.29,34.

Думный Бояринъ—Domney Bayarin, 29.

Думный Дворянинъ—Domney Devorenne, 29.

Думный Дьякъ—Domney Diac, 30.

Дѣвичій Монастырь—Deuitsi Monasteri, 17. 76.

Дѣти Боярскіе—Deti Bajarski, 56.

Евреи нетерпимы въ Россіи, 22.

Елисавета, Королева Англійская, 11.

Ефимки—Reics Daller, 46.

Жильцы—Pages, 48.

Иваньгородъ—Iuand Gorod, 28.

Іезуиты—111.

Іерусалимъ—Hierusalem, церковь, 21.

Іоаннъ Васильевичь—Johannes Basilius—завоеватель Казани, 2. Астрахани, 3. Сибири, 3. Титло Императора, 9. Жены и дѣти его, 11. Смерть старшаго сына, 11. Прозванъ Мучителемъ (le Tiran), 12. Возводитъ на Русскій престолъ Симеона, 12. Учреждаетъ Патріаршество, 19. Креститъ Евреевъ, 22. Наказаніе Ливонцевъ, 22.

Казаки—Cosaqs: Заокскіе, 61. Донскіе и Днѣпровскіе, 61. Служба ихъ, 62. Разбои по Волгѣ, 91—93.

КазанскоеЦарство—Royaume de Casan, 2.9.

Казань—Casan, 1. 2. 5. 6. 13. 28.

Казна—Casna, сокровища оной, 40.

Карачевъ—Caratshof, 78.

Кизель Баша—kisel Bascha, 10.

Колмогоры—Kolmengrod, 5.

Коломна—Columna, 28.

Конюшій Бояринъ—Conusnei Baiarj, 48.

Копѣйка—Copek, 10. 46.

Крайчій — l'Eschançon, 48.

Краковъ — Cracovie — обрученіе Димитрія (*Самоз.*) съ дочерью Воеводы Сендомирскаго, 89.

Кромы — Crom, 78. 82.

Лапландцы — Lapes, 24.

Ливны — Liven, 4. 78.

Ливонія — Livonie, 5.

Литва — Lithuanie, 5. 9.

Лошади: Ногайскія, 58. Черкесскія, 59. Турецкія, 59. Русскія, 59.

Малаховскій — Malagosqui, Посолъ Короля Польскаго, 93.

Маржеретъ — Margeret, причина удаленія его изъ Франціи, XXIV. Довѣренность Димитрія (*Самоз.*), 43. Капитанъ Гвардіи, 89. Болѣзнь его во время убіенія Димитрія, 98. Отъѣздъ изъ Россіи, 99. Разговоръ съ Бертраномъ де Кассаномъ и другими лицами о Самозванцѣ, 100. 108.

Москва — Mosco, 28.

Московки — Moscofques и Moscof. 46. 74.

Мстиславскій Князь Оедоръ Ивановичь — Knes Feder Juanuevits Mistisloftsqui, первый Вельможа при четырехъ Государяхъ, 56. Семейство его, 66. Главный вождь Борисовъ, 78. Побѣда его надъ Димитріемъ (*Самоз*), 81. Вѣрность Борису, 86. Права его на престолъ, 101.

Набатъ — Nabat, 52.

Нагіе — Nagôis, 15. *Спасаютъ* Димитрія отъ смерти, 106.

Нарва — Narva, городъ Шведскій, 1.

Нарва Русская — Juand-Gorod ou Narve, 28.

Недѣльщикъ — Nedelsie, 33.

Св. Николай — Чудотворецъ, 19.

Св. Николай, приморская пристань, 1. 5.

Новая Четь — Noua Setuart, 40.

Новгородъ — Novo-Gorod, многолюдство его, 56.

Новгородъ Сѣверскій — Novogorod Siversqui, осада его Димитріемъ (*Самоз.*), 78.

Новая земля — Terre neufve, 5.

Окольничіе — Acolnitshes, 29.

Отрепьевъ Гришка — Grisque Otrepiof, см. Разстрига.

Подолія — Podolie, 5. 9.

Полушки — Polusques, 46.

Поляки — помогаютъ Димитрію (*Самоз.*) 78. 80. 85. Оставляютъ его, 79. Гибель ихъ въ Москвѣ, 94.

Послы иноземные, пріемъ и содержаніе ихъ, 49—51. Аудіенція, 68. Угощеніе, 72—73.

Правежъ—Prave, 31. 33.

Приказы—Pricas: Разбойный—Rosboinie, 32. Дворцовый — de Vorest, 39. Помѣстный — pomiesnej, 41. Конюшенный — Conusnej, 41.

Пушивль — Poutimel, 28. 81. 104.

Пятигорскіе Черкесы — Petigorsqui Chercassi, 64. 65.

Разстрига — Rostrigue, 105. Сопутствуетъ Димитрію (*Самоз.*), 106. Свойства его, 107. Сосланъ въ Ярославль, 108. Свидѣтельство его о Димитріи (*Самоз.*), 108.

Расходная Казна — Roschodnoy Casna, 43—46.

Романовы — Romanevits, 106.

Россія — Russie: пространство, 1. Границы, 5. Климатъ, 5. Почва и произведенія, 5—7. Дешевизна съѣстныхъ припасовъ, 8. Религія, 18—22. Духовенство, 19. 30. Правленіе, 29—30. Судъ и расправа, 30—33. 47. 82. Доходы, 39 — 42. Торговля, 42. Минералы, 46. Монета, 46 — 47. 88. Чины Государственные, 48—49. Оклады, 56—57. Войско: конница 56; оружіе, 57; пѣхота, 60—62; содержаніе воиновъ, 62—64. Политика Россійскихъ Государей, 64—65.

Россіяне — Russes: народныя свойства, 8—9. 113. Степень образованности, 20—21. 37. 84 Обычаи: посты, 20. 25; похороны, 24 — 25; свадьба, 36—37; врачебныя пособія, 38.

Россіяне: одежда, 34—35; образъ жизни, 35.

Рубль — Rouble, 46.

Рыльскъ — Rilsque, 78. 81.

Рюрикъ — Ruric, Датскій выходецъ 9.

Сабуровы — Saborof, 86.

Салтыковъ — Michel Saltocof, 85.

Самара — Samaria, 64.

Сендомирскій Воевода — Palatin Sandemier: тайный договоръ съ Димитріемъ (*Самоз.*), 88. Осторожность, 94. Бѣдствіе его дочери, 96. Ссылка въ Угличь, 97.

Сапѣга — Leo Sapia, заключаетъ перемиріе, 67.

Серпуховъ — Serpo: Серпуховскій походъ, 17. 44.

Сибирское Царство — l'Empire ou Royaume de Siberie, 3. 4.

Симеонъ Царь — Tsar Simeon: взятъ въ плѣнъ Іоанномъ IV, 2. Возведенъ на Русскій престолъ, 12. Ослѣпленъ Борисомъ, 66.

Смоленскъ — Schmolensqui: укрѣпленія г. 28; многолюдство, 56.

Сотникъ — Centenier, 48.

Сѣверское Княжество — Le Duché de Siversqui: волненіе по смерти Димитрія (*Самоз.*), 104.

Стольникъ — Stolnic, 48.

Стрѣльцы — Straelites и Strelits 30. Устройство и служба, 48—49. 60. 73.

Стрянчій — Strepsik, 48.

Сынъ Боярскій — Sin Bajarski, 56.

Татары — Tartares: Крымскіе, 4; набѣги ихъ на Россію, 53. Ногайскіе — Nagaye, 3. 41. 64.

Татищевъ — Michel Ignatevits Tatichof, 90. 94. 96.

Терки — Tirc, 64.

Тула — Thoula, 28. 86.

Угличь — Uglits: мѣсто ссылки Димитрія, 13; Густава Шведскаго, 67; Воеводы Сендомирскаго и дочери его, 97.

Царевъ-городъ — Zaragorod и Saragorod, 4. 78.

Царь — Zar и l'Empereur: Титулъ, 9—11; Власть,

22; Политика, 28. 64. 110; доходы, 39; пиры, 45. 69—71; сокровища, 43—46.

Царь-Петръ, Zar-Pietre, 91—93.

Цесарь — Tsisar, 10.

Чашникъ — Tschesnic, 48.

Червонцы—Ducats, 47.

Черемисы—Sheremisses, 2. 85.

Черкесы—Shercassi, 64. 65.

Черниговъ—Tcheringo, 78.

Четь — Setuart, вѣдомство, 39.

Четверть — Setuart, мѣра земли, 48.

ШереметевъПетръНикитичь—Pieter Miquitevits Scheremetof, 102.

Шуйскій Князь Василій Ивановичь — Knes Vasilei Juanevits Chouts-qui, 66. Посланъ Борисомъ противъ Димитрія (*Самоз.*), 82. Вѣрность сыну Борисову, 86. Неудачное покушеніе, 88. Милость Царя, 89. Убіеніе Самозванца, 94. Восшествіе на престолъ, 95. Перенесеніе въ Москву тѣла Св. Димитрія, 96. Опасности Шуйскаго, 101.

Шуйскій Димитрій, 66. 96.

Ярославль — Ierislaf, мѣсто ссылки Отрепьева, 108.

ѲеодоръБорисовичь—Feder Borisuits: восшествіе на престолъ, 84. Измѣна Басманова, 85. Мятежъ въ Москвѣ, 86. Смерть Ѳеодора, 86.

ѲеодоръІоанновичь—Theodore Juanevits домогается Императорскаго титула, 10. Образъ его жизни, 12—13. Кончина его, 15.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе Переводчика. . . . . I—XXII.

Посвященіе Автора Генриху IV, Королю Французскому . . . . . XXIII—XXVI.

I. Взглядъ на Россію въ началѣ XVII вѣка:

1. Пространство. . . . . 1.
2. Границы . . . . . 4.
3. Климатъ и качество почвы . . . . . 5.
4. Произведенія:

а. Хлѣбъ и плоды . . . . . 5.
б. Дичина . . . . . 6.
в. Рыба . . . . . 7.
г. Домашній скотъ . . . . . 8.

II. Свойства Русскаго народа . . . . . 8.

III. Произхожденіе Великихъ Князей . . . . . 9.

IV. Царскій Титулъ . . . . . 10.

V. Правленіе Царя Іоанна IV. . . . . 11—12.

1. Его супруги и дѣти . . . . . 11.
2. Смерть старшаго сына . . . . . 11.
3. Возведеніе на Русскій престолъ Симеона Казанскаго . . . . . 12.

VI. Правленіе Ѳеодора Іоанновича . . . 12—15.

1. Характеръ сего Государя . . . . . 12.
2. Борисъ Годуновъ, Правитель . . . . . 13.
3. Ссылка Царевича Димитрія въ Угличь и *спасеніе* его отъ смерти . . . . . 13.
4. Пожаръ Московскій . . . . . 14.
5. Кончина Ѳеодора и избраніе Годунова на Царство . . . . . 15.
6. Серпуховское ополченіе . . . . . 17.
7. Коронованіе Бориса . . . . . 18.

VII. Религія Россіянъ . . . . . 18—28.
1. Крещеніе . . . . . 18.
2 Св. Троица . . . . . 18.
3. Свв. Угодники . . . . . 19.
4. Духовенство . . . . . 19.
5. Посты . . . . . 20.
6. Освященіе воды . . . . . 21.
7. Недѣля Ваій . . . . . 21.
8. Особенный орденъ Монаховъ . . . . . 21.
9. Права Патріарха . . . . . 22.
10. Разводъ . . . . . 22.
11. Права Иновѣрцевъ:
а. Евреевъ . . . . . 22.
б. Нѣмцевъ . . . . . 23.
в. Магометанъ . . . . . 24.
12. Похороны . . . . . 24.
13. Великій Постъ . . . . . 25.
14. Пасха . . . . . 26.

VIII. Гражданское устройство: . . . . 28—32.
1. Осторожность Правительства . . . . . 28.
2. Города и крѣпости; Москва . . . . . 28.
3. Дворянство . . . . . 29.
4. Государственная Дума . . . . . 29.
5. Власть Царская . . . . . 30.
6. Областное Управленіе . . . . . 30.
7. Судъ и расправа; правежъ . . . . . 31.

IX. Обычаи . . . . . 33—38.
1. Образъ жизни Дворянъ . . . . . 33.
2. Женщины . . . . . 34.
3. Свадебные обряды . . . . . 36.
4. Просторна нравовъ . . . . . 37.

x. Государственные доходы . . . . . 39—46.
1. Разныя вѣдомства и количество ихъ доходовъ . . . . . 39—41.
2. Торговля . . . . . 42.
3. Царскія сокровища . . . . . 43.
xi. Монета . . . . . 46—47.
1. Цѣна рубля . . . . . 46.
2 Ефимки, червонцы и проч. . . . . 47.
xii. Государственныя званія . . . . . 48.
xiii. Войско: . . . . . 51—65.
1. Устройство онаго . . . . . 51.
2. Образъ войны съ Татарами . . . . . 52.
3. Конница . . . . . 56.
4. Оклады . . . . . 56.
5. Вооруженіе . . . . . 57.
6. Пѣхота . . . . . 60.
а. Стрѣльцы . . . . . 60.
б. Казаки . . . . . 61.
7. Содержаніе войска и награды . . . . . 62.
xiv. Внѣшнія сношенія . . . . . 64.
xv. Царствованіе Бориса Годунова . . 56—82.
1. Начало его правленія . . . . . 65.
2. Перемѣна въ Борисѣ . . . . . 66.
3. Ослѣпленіе Симеона . . . . . 66.
4. Густавъ Шведскій . . . . . 67.
5. Польскій Посолъ . . . . . 67.
6. Царскіе пиры . . . . . 69.
7. Угощеніе Пословъ . . . . . 72.
8. Великій голодъ . . . . . 73.
9. Герцогъ Датскій Іоаннъ . . . . . 75.
10. Тираннство Годунова . . . . . 76.

11. Война съ Димитріемъ (*Самоз.*) . . . . . 78.
12. Битва при Новѣгородѣ Сѣверскомъ . . . 78.
13. Пораженіе Димитрія (*Самоз.*) при Добрыничахъ . . . . . 80.
14. Осада Кромъ и кончина Годунова . . . . 82.

XVI. О безчестіи . . . . . 82.

XVII Царствованіе Ѳеодора Борисовича 84—86.

1. Измѣна Басманова . . . . . 85.
2. Волненіе столицы . . . . . 86.
3. Смерть Ѳеодора и торжество Самозванца 86.

XVIII. Правленіе Димитрія Самозванца 87—99.

1. Свиданіе съ матерью Царевича Димитрія . . . . . 87.
2. Коронованіе . . . . . 87.
3. Замыселъ Шуйскаго . . . . . 88.
4. Обрученіе съ дочерью Сендомирскаго. . . 88.
5. Иноземная стража . . . . . 89.
6. Свойства Лжедимитрія . . . . . 89.
7. Опала Татищева . . . . . 90.
8. Разбои Волжскихъ Казаковъ; Лженепръ 91.
9. Бракосочетаніе . . . . . 93.
10. Неудовольствіе Посла Польскаго . . . . 93.
11. Смерть Димитрія (*Самоз.*) . . . . . 94.

XIX. Царь Василій Іоанновичь Шуйскій 95—97.

1. Восшествіе его на престолъ . . . . . 95.
2. Состояніе Россіи . . . . . 96.
3. Перенесеніе мощей Св. Димитрія . . . . 96.
4. Ссылка Сендомирскаго и дочери его . . . 97.
5. Тѣлесныя и душевныя свойства Димитрія (*Самоз.*) . . . . . 97.
6. Молва о спасеніи его . . . . . 98.

а. Свидѣтельство купца Французскаго 100.
б. Свидѣтельство Марины . . . . . 100.
в. Мятежъ въ Южныхъ предѣлахъ . 101.
г. Умыслы на жизнь Шуйскаго . . . 102.
д. Бунтъ въ области Сѣверской . . . 104.

xx. Мнѣніе современниковъ о Димитріи Самозванцѣ и доказательства Маржерета, что онъ былъ сынъ Іоанна Грознаго. . . . . 105—121.

Выписки изъ разныхъ Авторовъ XVII вѣка, помѣщенныя въ примѣчаніяхъ.

1. Извѣстіе о мнимомъ спасеніи Царевича Димитрія отъ смерти, изъ рукописи *Паерле* . . . . . Примѣч. 31.
2. Свадебные обряды Россіянъ въ XVII столѣтіи, изъ *Олеарія* . . . . . 47.
3. Всеобщій голодъ въ правленіе Бориса, изъ рукописи *Бера* . . . . . 73.
4. Битва при Добрыничахъ, изъ *Бера* и *Паерле* . . . . . 74.
5. Гвардія Димитрія Самозванца, изъ *Бера* . . . . . 75.
6. Убіеніе Лжедимитрія, изъ *Бера* . . . . . 76.
7. Характеръ его, изъ *Бера* . . . . . 77.
8. Доказательства современниковъ, что Димитрій былъ Самозванецъ, изъ *Бера* . . 88.

LB Je '09

Deacidified using the Bookkeeper process
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: JAN 2002
PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 009 203 279 6